

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HD WIDENER

HW RRMG C

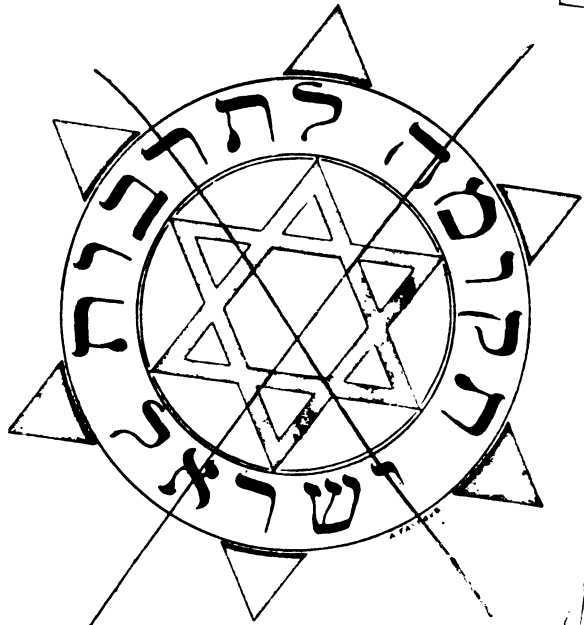
Библиотеки

Я. I. Турлянда

Отд

№ 877

Восход
1885
Библ
6430

Jewish
Cultural Reconstruction

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ВОСХОДЪ

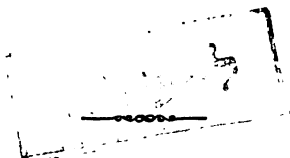
ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

4430

Издаваемый А. Е. Ландау

Декабрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская, 17.

1885.

Δ
KSF 458 $\left(\frac{1885}{12}\right)$

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
SEP 9 1960

60 * 2)

2
11
11
11

Н А П У Т И.

РОМАНЪ.

(Окончаніе) *.

—
XLIII.

Въ квартирѣ Рейнгерца собралось довольно много людей. Между прочими именитыми гражданами выдавались: Хаванъ, Бергманъ и докторъ Бергофъ. Ждали также Ауэрбаха; но онъ не явился, и потому рѣшили начать совѣщанія безъ него.

Предстояло рѣшить серьезный вопросъ: какимъ образомъ парализовать опасную дѣятельность Радовера?

Предложеніе Бергмана отправить депутацію, высказанное имъ такъ себѣ, *въ шутку*, было принято всѣми.

Бергманъ въ душѣ смѣялся надъ наивностью этихъ людей и только удивлялся, какъ это д-ръ Бергофъ, такой умный человекъ и, повидимому, далеко не увлекающійся, не дѣлаетъ никакихъ возраженій противъ этого нелѣпаго плана.

Хаванъ, правда, заикнулся какъ-то, что никакая депутація тутъ немыслима, потому что разъ все исходитъ свыше, то къ кому же апеллировать... и что гораздо благоразумнѣе дѣйствовать своими средствами... Что онъ подразумѣвалъ подъ «своими средствами» осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ д-ръ Бергофъ обрвалъ его, заявивъ, что всякій, кто противъ энергическихъ мѣръ,—или не знаетъ положенія дѣла или дѣйствуетъ въ интересахъ враговъ...

* См. „Восходъ“ кн. XI.

— Можетъ быть, вамъ неизвѣстно,—обратился онъ къ Хазану,—что дѣлается съ рабочими-евреями.. въ такомъ случаѣ я вамъ могу рассказать... Я и почтенный г. Рейнгерцъ только сегодня получили очень вѣскія подтвержденія тѣхъ слуховъ, которые уже давно носятя по городу...

— Да, да... нерѣшительно подтвердилъ Рейнгерцъ.—Это сущая правда, я самъ этому не хотѣлъ прежде вѣрить... Такъ нельзя оставить... И я удивляюсь вамъ, г. Хазанъ... Вашъ сынъ...

Хазанъ былъ до того застигнутъ врасплохъ, что поблѣднѣлъ и растерялся, какъ школьникъ, уличенный въ желаніи провести учителя. Онъ совсѣмъ не ожидалъ такого оборота дѣла. Онъ пришелъ ополчиться на Радовера, а тутъ вдругъ все обращается противъ него... И кто поднялъ этотъ вопросъ? Рейнгерцъ, который имѣетъ такое же основаніе гордиться своимъ будущимъ зятемъ, какъ онъ—своимъ сыномъ.

— Мой сынъ ничего такого не сдѣлалъ,—сказалъ онъ, чувствуя, что ему нужно что нибудь сказать въ свое оправданіе, такъ какъ всѣ взоры были обращены на него.

Рейнгерцъ былъ уже не радъ, что затѣялъ этотъ разговоръ, и сдѣлалъ попытку замаять его, но д-ръ Бергофъ, какъ бы не понимая ничего, придрался къ отвѣту Хазана.

— Вашъ сынъ ничего такого не сдѣлалъ?.. воскликнулъ онъ;—но по чьей же инициативѣ рабочіе-евреи стали работать по субботамъ и употреблять общую пищу?..

Хазанъ не зналъ, что отвѣчать. Онъ не понималъ доктора, недоумѣвая, отчего тотъ съ такой яростью на него нападаетъ, и, главное, гдѣ?.. Недоумѣвали также Рейнгерцъ и Бергманъ... Но Бергофъ не отставалъ отъ несчастной жертвы.

Наконецъ Хазанъ не выдержалъ и разсердился.

— Что вы ко мнѣ пристали съ моимъ сыномъ?—вскричалъ онъ;—мой Самуилъ не больше, какъ мальчишкѣ, котораго увлекли другіе... Я готовъ дать голову на отсѣченіе, что онъ тутъ ни при чемъ, и если онъ даже поступаетъ не такъ, какъ это пристойно моему сыну, то вините молодого Ауэрбаха... Это онъ внесъ эту язву...

По лицу Бергофа пробѣжала демоническая улыбка, въ то время, какъ лицо Рейнгерца покрылось страшной блѣдностью.

Если бы кто нибудь ударилъ его обухомъ по головѣ, онъ бы не былъ такъ опеломленъ, какъ при произнесеніи имени Ауэрбаха. Онъ имѣлъ дерзость напасть на Хазана, а теперь все обрушилось на него, и онъ выведенъ къ позорному столбу. Все смотреть на него и ждать его слова... Но что онъ можетъ сказать въ свое оправданіе... Развѣ это неправда?

Наступила тяжелая, неприятная пауза. Хазанъ успѣлъ уже оправиться и имѣлъ теперь дерзкій, вызывающій видъ.

Бергофъ отступилъ на задній планъ, предоставляя ему вѣдаться съ Рейнгерцомъ, который стоялъ, какъ опущенный въ воду. Ему приятно было наблюдать это замѣшательство, которое охватило всѣхъ, даже Бергмана, изъ-за такого пустяка...

Въ особенности ему доставлялъ удовольствіе растерянный видъ самого Рейнгерца. Съ тѣхъ поръ, какъ между нимъ и Беллой произошло известное недоразумѣніе, онъ ни разу не былъ въ этомъ домѣ... Вотъ тутъ, въ этой самой комнатѣ, онъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ чуть не упалъ на колѣни предъ глупой дѣвчонкой... Тутъ же эта самая дѣвчонка смѣялась надъ нимъ, подставляя свои губы для поцѣлуевъ другому... А старикъ-отецъ радовался счастью дочери... И вотъ теперь онъ опять въ этой комнатѣ... Возлѣ него стоитъ Рейнгерцъ, и онъ видитъ какъ глубокія морщины одна за другой тяжелыми складками ложатся на его лицѣ... Какъ все мѣняется на свѣтѣ... И вдругъ онъ останется побѣдителемъ, и ласки, которыя она раньше расточала Давиду, обратятся на него... Почему же и нѣтъ...

— Зачѣмъ вы выдвинули на сцену этотъ щекотливый вопросъ,— шепнулъ ему на ухо Бергманъ;—смотрите въ какое положеніе вы поставили обогъ... Нужно этому положить конецъ, меня жена ждетъ.

— Господа,— началъ онъ, придавъ своему лицу серьезное выраженіе;—въ виду того, что намъ предстоитъ рѣшить нѣсколько важныхъ вопросовъ и между прочимъ приступить къ выборамъ депутатовъ, я...

Но Рейнгерцъ остановилъ его.

— Я не могу оставить безъ вниманія намекъ, сдѣланный Хазаномъ и касавшагося дѣятельности молодого Ауэрбаха, тѣмъ болѣе, что Ауэрбахъ женихъ моей дочери.

— Что же я такого сказалъ... съ трусливымъ задоромъ проговорилъ Хазанъ.—Развѣ это неправда?

— Правда... произнесъ глухимъ голосомъ Рейнгерцъ,—и я тутъ же при всѣхъ заявляю, что порицаю дѣятельность Ауэрбаха и всѣхъ тѣхъ, которые посягаютъ на наше религіозное единство... Съ моей стороны я употреблю все, чтобы воспрепятствовать гибельному движенію, и въ случаѣ чего, не постыжусь ни предъ какими жертвами.

Этотъ намекъ былъ на столько ясенъ, что всѣ присутствующіе, въ особенности Бергофъ, были вполне удовлетворены и поспѣшили выразить ему свое сочувствіе. На Хазана же, напротивъ, всѣ начали коситься, и когда дѣло дошло до выбора депутатовъ, его совсѣмъ забаллотировали. Съ этимъ Хазанъ, можетъ быть, и помирился бы если бы его не ожидалъ еще болѣе жестокой ударъ. Къ концу засѣданія, когда, представляя списокъ лицъ, желавшихъ эмигрировать, Хазанъ вскользь упомянулъ о суммахъ, находящихся въ распоряженіи комитета, Бергофъ вдругъ предложилъ назначить контрольную комиссію для провѣрки имѣющагося капитала. Это возмутило Хазана, увидѣвшаго недовѣріе къ себѣ и къ предсѣдателю комитета.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ,—выберите себѣ новаго предсѣдателя и новаго казначея.

— Удивляюсь неумѣстной обидчивости г. Хазана,—ядовито замѣтилъ Бергофъ;—это такое обыкновенное дѣло, и мнѣ кажется, что почтенный предсѣдатель ничего противъ моего предложенія не будетъ имѣть...

Всѣ взоры обратились на Бергмана, котораго неожиданный маневръ доктора до того поставилъ втупикъ, что онъ не сразу нашелся.

— Конечно, конечно... сказалъ онъ наконецъ;—я даже желаю...

Хазанъ растерянно взглянулъ на адвоката, не понимая, почему онъ «даже желаетъ». Но такъ какъ вопросъ былъ поставленъ ребромъ, и отступить нельзя было, то ему ничего больше не оставалось, какъ поддержать свое достоинство.

— Въ такомъ случаѣ я буду очень благодаренъ собранію,

если оно освободитъ меня отъ моихъ обязанностей, — сказалъ онъ съ достоинствомъ.

Какъ водится, поднялись голоса противъ такого суроваго рѣшенія, но такъ какъ большинство ихъ не поддержало, то рѣшено было на ближайшемъ засѣданіи приступить къ выбору новаго казначея.

Уходя, Хазанъ насмѣшливо обратился къ Бергофу:

— Не себя ли вы прочтете въ казначей комитета?

— Почему бы и не себя?—отвѣтилъ Бергофъ и, отвернувшись, сталъ прощаться съ Рейнгерцомъ.

На улицѣ онъ снова столкнулся съ Хазаномъ.

— Вы въ самомъ дѣлѣ серьезно помышляете о контролѣ?—спросилъ тотъ.

— Серьезнѣе, чѣмъ вы полагаете...

— Я васъ не узнаю, г. докторъ... въ недоумѣніи произнесъ Хазанъ.

— И я васъ тоже не узнаю. Я, напримѣръ, никакъ не ожидаю, чтобы вы могли такъ хладнокровно относиться къ заблужденіямъ вашего сына.—Послѣднія слова Бергофъ произнесъ громко, отчеканивая каждое слово, съ видимымъ расчетомъ, чтобы они дошли до слуха тѣхъ именитыхъ гражданъ, которые еще не успѣли разойтись.

Лица этихъ гражданъ приняли подобающее выраженіе, тогда какъ физиономія Хазана поблѣднѣла и вытянулась. Онъ бросилъ злобный взглядъ на доктора и, нагнувшись къ нему, едва слышно проговорилъ:

— Такъ вотъ вы какой... Вы думаете, я не понимаю вашихъ подвоховъ... Но вы, кажется, преждевременно открыли огонь; смотрите, чтобы приданое Веллы вторично не ускользнуло изъ вашихъ рукъ...

— Вы забываетесь, Хазанъ!—съ яростью крикнулъ Бергофъ.

— Ханжа!—послышалось ему въ отвѣтъ, и правда, чѣмъ онъ опомнился, Хазана уже не было.

XLIV.

Полина потеряла уже всякое терпѣніе. Засѣданіе слишкомъ затянулось. Зная она, что эти господа такъ неутомимы, она

бы ни за что не пришла сюда: у нея такъ много дѣла, и все это она бросила ради того, чтобы узнать, кого выберутъ въ депутаты.— Не смѣшно ли... какъ люди мѣняются... Кто бы раньше могъ повѣрить, что она будетъ интересоваться подобными вопросами!— Не правда ли, это странно, Белла? сказала она.

Полина потянулася и слегка зѣвнула; лежавшая у нея на колѣняхъ книга соскользнула и упала на мягкій коверъ, но она и не потрудилася поднять; лѣнивая нѣга охватила ее.

— А что пишешь тебѣ твой женихъ?—спросила она, продолжая повѣвывать.

— Ничего особеннаго.

— Однако...

— Работы идутъ...

— Очень интересныя вещи... писать новѣсть о плугахъ и коровахъ... Какъ будто уже ничего другого найти нельзя.

— Чѣмъ же это неинтересно?—возразила Белла.

Она неохотно отвѣчала на вопросы сестры, желая, повидимому, прекратить этотъ разговоръ.

— А про ту... какъ ее... дочь Минкеса онъ ничего не пишетъ?

Белла слегка покраснѣла и подозрительно посмотрѣла на сестру.

— Нѣтъ.

— Почему же... она, говорятъ, очень красива, и въ нее влюбиться не трудно. — И насмѣшливая улыбка заиграла на лицѣ Полины.

Белла ничего не сказала и, поднявъ лежавшую у нея книгу, стала ее перелистывать.

Прошло нѣсколько секундъ.

— А ты сестру Ясинскаго знаешь? снова заговорила Полина.

— Нѣтъ, никогда не видала,—отвѣчала Белла.

— А твой женихъ какъ о ней отзывался?

— Онъ очень ее хвалить.

— Она ему нравится?

— Онъ ее очень хвалить... повторила Белла.

Въ ея голосѣ слышалась уже раздражительная нотка: ей были невыносимы вопросы, которые ей предлагала Полина.

И вѣчно одно и то же... Отчего эти мелочи ее такъ интересуютъ?

— Право, у нихъ рѣшительно должно быть весело,—продолжала Полина:—двѣ молодыя дѣвушки и два молодыхъ человека... что можетъ быть забавнѣе... А знаешь, что мнѣ д-ръ Бергофъ рассказывалъ: тамъ ужасныя вещи происходятъ... Всѣ рабочіе изъявили желаніе креститься... Это что-то ужасно; подумай только. Я далеко еще не такая патриотка, какъ ты, а меня это коробитъ. Я увѣрена, если папа узнаетъ всѣ подробности...

Белла не выдержала.

— Не понимаю,—сказала она, отбросивъ книгу въ сторону:— что за охота повторять нелѣпныя сплетни и глупыя выдумки? И откуда вы все это берете?

Она была до-нелзя взволнована и съ трудомъ сдерживала себя. Сколько разъ она уже слышала эти прозрачныя намеки и сколько разъ уже собиралась энергическимъ протестомъ положить конецъ этой недостойной игрѣ! И все-таки каждый разъ, когда при ней заговаривали о деревнѣ, о молодыхъ дѣвушкахъ, въ сотенный разъ повторяя то, что она уже давно слышала, она въ смущеніи опускала глаза, точно сама была въ чемъ нибудь виновата. Это ее ужасно мучило, но она не могла бороться съ собою, не сознавая даже, съ какихъ поръ сънею произошла такая перемена. Письма Давида были по прежнему пропитаны, если не сильнымъ чувствомъ, то участіемъ и безпредѣльной преданностью. На ея безпрестанные вопросы онъ всегда давалъ успокоительные отвѣты, просилъ ее не придавать значенія разнымъ слухамъ и увѣрялъ, что, что бы ни случилось, онъ непоколебимо останется вѣренъ своему долгу. Но, читая эти письма, она не разъ проливала слезы, запиралась у себя въ комнатѣ и вдрагивала каждый разъ, когда кто нибудь приходилъ мимо, точно она боялась, что ея тайна будетъ обнаружена... Что это была за тайна? Не ошибается ли она? И она снова прочитывала его письма, вдумываясь въ смыслъ каждаго слова, каждой буквы... Она успокаивалась, бралась за перо съ намѣреніемъ излить предъ нимъ свою душу; но вышло глубочайшаго чувства, которымъ было исполнено ея

сердце, на бумагу нанизывались слова, въ которыхъ слышался укоръ.

И когда затѣмъ Полина и Бергманъ заговаривали о деревнѣ—выражаясь двусмысленными намеками, она въ душѣ была рада, находя въ нихъ оправданіе своимъ вспышкамъ. Но потомъ снова мучилась и терзалась.

Полину очень забавляли эти тревоженія молодой, неопытной дѣвушки. Совсѣмъ не злая по природѣ, она тѣмъ не менѣе находила удовольствіе въ этой невинной игрѣ. Она при этомъ не имѣла никакихъ заднихъ мыслей, у нея даже не было желанія мстить Давиду за его не совсѣмъ рыцарскую выходку; она давно уже забыла, какъ его поступокъ, такъ и его самого. Она также не имѣла въ виду содѣйствовать планамъ д-ра Бергофа. Это просто былъ капризъ легкомысленной женщины, которая не можетъ забыть, что ей предпочли другую, и готова радоваться, если и эту другую постигнетъ та же участь.

То же было и теперь. Видя, что Белла близко принимаетъ къ сердцу ея двусмысленные вопросы, она еще больше впала въ шуточный тонъ игривыхъ намековъ.

Белла мѣнялись въ лицѣ, но не въ состояніи была остановить расходившуюся Полину, которая заливалась веселымъ смѣхомъ. Наконецъ она не выдержала.

— Прощу тебя, Полина,—сказала она,—прекратить этотъ разговоръ и никогда больше въ моемъ присутствіи не отвѣчаться такъ о моемъ женихѣ, если не хочешь со мною поссориться.

Полина расхохоталась.

— Вотъ какъ ты близко принимаешь къ сердцу. А я и не подозрѣвала... Стоитъ ли изъ-за этого портить себѣ кровь?

— Стоитъ, или не стоитъ,—но я тебя прошу...

Беллу душили слезы; еще минута, и она бы разрыдалась.

Въ эту минуту съ улицы раздались чьи-то голоса. Полина узнала голосъ доктора и бросилась къ раскрытому окну. На тротуарѣ, у самаго окна стояли Хазанъ и Бергофъ. Слова послѣдняго были ясно слышны, но тихій шопотъ Хазана терялся на улицѣ. Однако Полина уловила послѣднее его вос-

визитацие. Она быстро оглянулась и испуганно посмотрѣла на сестру.

Белла отвернулась и, ничего не сказавъ, отошла прочь отъ окна.

— Что такое произошло между Хазаномъ и докторомъ? спросила Полина вошедшаго въ эту минуту Бергмана.

— Э, пустяки,—сказалъ Бергманъ:—докторъ дѣлаеть вылазки съ цѣлью завладѣть сердцемъ нашего старика... И кажется, безуспѣшно.

Полина саркастически улыбнулась, а Белла съ презрѣніемъ отвернулась отъ Бергмана.

ГЛАВА XLV.

Не успѣли Полина съ Бергманомъ уйти, какъ вошелъ Рейнгерцъ. На лицѣ его еще лежали слѣды волненія. Пройдяъ раза два по комнатѣ, онъ вдругъ остановился предъ Баллой.

— Я хотѣлъ съ тобою поговорить объ одномъ очень серьезномъ вопросѣ,—началъ онъ глухимъ голосомъ.

Белла вся превратилась въ слухъ. Она догадывалась, о чемъ хочетъ говорить съ нею отецъ, она знала сущность этого серьезнаго вопроса и все-таки не могла совладать съ охватившею ее тревогою.

— Я уже не разъ намекалъ тебѣ,—продолжалъ между тѣмъ Рейнгерцъ,—на нѣкоторыя обстоятельства, которыя неминуемо рождали недоразумѣнія... Ты, можетъ быть, не придавала имъ значенія; я тоже думалъ, что все уладится мирнымъ путемъ. Но обстоятельства эти значительно обострились, и я не могу больше молчать. Одно изъ двухъ: или твой женихъ долженъ оставить всѣ свои заблужденія и вернуться къ тебѣ, или...

Белла была поражена этимъ суровымъ, недопускатившимъ колебаній тономъ отца. Однако, она превозмогла свое волненіе и сказала:

— Ты слишкомъ строгъ къ нему, отецъ.

— Я строгъ не къ нему, а къ себѣ,—послѣбно проговорилъ

Рейнгерцъ;—я не могу допустить, чтобы ты вышла замужъ за человѣка, который идетъ по ложному пути...

— Но я не вижу...

— За то я вижу... тѣ факты, которые у меня на лицо, достаточно говорятъ противъ него. Ты сама ихъ знаешь. Оставить такъ, какъ шло до сихъ поръ, я не могу. Къ тому же все еще исправимо, и если онъ дорожить тобою, онъ долженъ сдѣлать намъ уступку..

— Я не могу требовать отъ него, чтобъ онъ ради меня жертвовалъ своими убѣжденіями... въ волненіи произнесла Белла.

— Но ты также не можешь требовать, чтобы твой отецъ жертвовалъ своими убѣжденіями.—И спустя минуту, онъ прибавилъ: — Въ такомъ случаѣ тебѣ придется выбирать между нимъ и мною..

Белла тревожно взглянула на отца, но ничего не отвѣчала. Да что она могла отвѣчать... на кого долженъ пасть ея выборъ? Между нимъ и мною... звучалъ въ ея ушахъ суровый ультиматумъ отца. И на мгновеніе она представила его себѣ покинутого, одинокаго, съ поникшею сѣдой головой и страдальческимъ лицомъ, въ то время какъ стройный, красивый юноша улыбался ей и манилъ къ себѣ.. Она вздрогнула и отшатнулась назадъ. Отца уже не было въ комнатѣ, но ей все еще мерещился его суровый голосъ. Что ей дѣлать? Можетъ ли она требовать отъ Давида такой жертвы.. имѣетъ ли она на это право?—«Но онъ долженъ сдѣлать эту уступку, если онъ дѣйствительно дорожить тобою». Эти роковыя слова отца какъ ножомъ ударили ей въ сердце. Дорожитъ ли онъ ею? любить ли онъ ее? мелькнулъ у нея вопросъ. Она стала припоминать содержаніе его писемъ. Отъ нихъ она перешла къ послѣднему ихъ свиданію, вспомнила торжественную помолвку, его прѣвѣдъ, объясненіе съ нею. Затѣмъ, день за днемъ предъ нею съ поразительною отчетливостью возстало все время ихъ знакомства, съ перваго момента до ея рѣшенія написать ему письмо. Все это живо промелькнуло предъ нею, и страшная мысль, точно молнія, вспыхнула у нея въ головѣ, и отъ этой мысли у нея морозъ пробѣжалъ по тѣлу. Но само-

обладаніе быстро вернулось въ ней, и она постаралась снова провѣрить свои впечатлѣнія. Можетъ быть, она ошибается... Она навѣрное ошибается... Но въ то же время предъ нею послышалось роковое письмо. Зачѣмъ она это сдѣлала? Зачѣмъ она писала ему... Развѣ не она вызвала его на это объясненіе?.. И цѣлый рядъ мучительныхъ подробностей снова воосталъ въ ея памяти.

Въ это же время между Ауэрбахомъ и Рейнгерцемъ происходилъ довольно серьезный разговоръ. Они сидѣли въ томъ самомъ кабинетѣ, гдѣ читатель разъ уже встрѣтился съ ними. Комната за это время несколько не измѣнилась; та же куча конторскихъ книгъ и бумагъ на столѣ, тѣ же кожанныя кресла и чуть ли не та же сигара въ зубахъ Рейнгерца; измѣнились только лица обоихъ собесѣдниковъ; въ особенности это замѣтно было на Ауэрбахѣ, прежде веселомъ и добродушномъ, а теперь слишкомъ серьезномъ и даже суровомъ. Не нужно было быть тонкимъ наблюдателемъ, чтобы замѣтить ту натянутость и даже нѣкоторую враждебность, которыя сквозили въ каждомъ ихъ выраженіи. Не могло быть никакого сомнѣнія, что интересы этихъ двухъ людей столкнулись между собою на жизненномъ пути и неловко зацѣпили другъ друга...

— Въ чемъ же вы видите опасность? — сказалъ наконецъ Ауэрбахъ, послѣ того какъ онъ выслушалъ Рейнгерца.

Рейнгерць сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Неужели вы не видите никакой опасности во всѣхъ этихъ увлеченіяхъ? — сказалъ онъ.

— Признаться...

— Въ такомъ случаѣ мы сильно расходимся... — И спустя минуту, Рейнгерць прибавилъ: — я только тогда могу согласиться на бракъ моей дочери съ вашимъ сыномъ, если Давидъ оставитъ деревню и окончательно вернется къ намъ.

Тревожная тѣнь пробѣжала по лицу Ауэрбаха.

— Не слишкомъ ли вы сурово смотрите на все это, дорогой Рейнгерць, — сказалъ онъ сдержаннымъ тономъ; — мнѣ кажется, что все само собою рушится, въ особенности послѣ свадьбы... Намъ нужно только поторопиться свадьбою... Къ тому

же, — прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья, — вамъ, вѣроятно, не безвѣстно, какія затрудненія явились теперь у Ясинскаго... А это непременно отразится на предпріятіяхъ Давида... Кто лучше насъ съ вами знаетъ, что безъ денегъ врагъ не опасенъ?.. И вотъ вамъ еще доказательство: я только на-дняхъ получилъ отъ сына письмо, — да прочтите сами, для васъ не тайна...

Рейнгерцъ взялъ письмо, а онъ между тѣмъ продолжалъ:

— Дѣла Ясинскаго изъ рукъ вошь плохи; этотъ кровопийца Минкесъ наложилъ таки на него свою звѣрскую лапу; если кто нибудь не явится на помощь съ капиталомъ, Ясинскій погибъ... Давидъ рассчитываетъ на меня; я Ясинскаго очень уважаю и отъ всей души готовъ бы ему помочь, но что я тутъ могу сдѣлать... Теперь вы сами видите, — прибавилъ онъ, когда Рейнгерцъ, дочитавъ письмо, положилъ его на столъ, — что намъ нечего опасаться — самъ Богъ явился намъ на помощь...

Рейнгерцъ нѣсколько успокоился.

— Все это очень хорошо, — сказалъ онъ, — но убѣжденія все же остаются убѣжденіями... Не того я добиваюсь...

— Ну, дорогой Рейнгерцъ, нельзя же все разомъ... Не скрою отъ васъ: и я порядкомъ страдаю отъ всѣхъ этихъ новшествъ; но мы живемъ въ такое время, что на все должны быть готовы... на что это похоже... Есть ли хоть капля здраваго смысла во всемъ этомъ?

Рейнгерцъ хотѣлъ возразить; но въ эту минуту Ауэрбаху подали письмо.

— А, это изъ деревни, — радостно проговорилъ онъ, разрывая конвертъ. — Посмотримъ, что намъ пишутъ. — И, наскоро пробѣжавъ письмо, онъ воскликнулъ: — Давидъ на-дняхъ пріѣзжаетъ; нужно пойти обрадовать жену. — И обратившись къ Рейнгерцу, онъ весело сказалъ: — Надѣюсь, что все уладится, какъ нельзя лучше.

— И я бы хотѣлъ надѣяться, — грустно проговорилъ Рейнгерцъ.

Ауэрбахъ и Рейнгерцъ разстались.

XLVI.

Депутація, отправленная къ губернатору, не имѣла успѣха. При всемъ своемъ желаніи быть имъ полезнымъ, онъ долженъ былъ откровенно сознаться, что ходатайство, кромя того, что оно внѣ его компетенціи, но и по самому существу своему не можетъ быть удовлетворено. Тѣмъ болѣе,—прибавилъ онъ конфиденціально,—что стремленіе Радовера пришлось по вкусу въ нѣкоторыхъ кругахъ. Онъ не могъ общать имъ даже косвеннаго содѣйствія, потому что со дня на день ждалъ перемѣщенія и, слѣдовательно, «часы мои среди васъ сочтены», трогательно закончилъ онъ.

Не смотря на такой теплый пріемъ, депутаты ушли съ тяжелымъ сердцемъ. Кромя того, что Радоверъ оказался неуживимымъ, ихъ неудачная миссія придастъ ему еще больше смѣлости, тогда какъ они должны будутъ значительно потерять во мнѣніи массы.. Рейнгерцъ былъ очень опечаленъ; Бергофъ чуть не проливалъ слезы; даже Бергманъ, который вообще въ душѣ смѣялся надъ всей этой исторіей, не смотря на то, что онъ былъ ея инициаторомъ, казался разстроеннымъ и, передавая Полинѣ неутѣшительные результаты состоявшейся аудіенціи, не забылъ также сообщить и интересной новости о скоромъ отъѣздѣ губернатора.

Полина слегка прикусила губы и сдѣлала удивленную мину. Для нея это тоже новость, которой она никакъ не ожидала... Но говоря это, она въ душѣ смѣялась надъ своимъ супругомъ. То, что онъ теперь ей сообщилъ, она давно уже знала, и могла бы, если бы была добрѣе, подѣлиться съ нимъ и другими, еще болѣе интересными вещами. Но она считала болѣе благоразумнымъ отмалчиваться до поры до времени, тѣмъ болѣе, что тѣ предложенія, которыя ей сдѣлалъ его превосходительство, были настолько серьезны, что требовали размышленія... Только одинъ Хазанъ былъ доволенъ неудачею депутатовъ и даже не скрывалъ этого. Все это, по его мнѣнію, произошло отъ того, что его не было въ числѣ избранныхъ. Будь онъ между ними, совсѣмъ не то запѣлъ бы губернаторъ, и Радоверъ давно бы уже былъ въ кандалахъ...

Это послѣднее, впрочемъ, уже отъ себя прибавлялъ Аврумъ портной, который успѣлъ разнести по всему городу непріятныя вѣсти. Онъ, впрочемъ, какъ и Хазанъ, былъ очень доволенъ. Стоитъ ли въ самомъ дѣлѣ: ягаться съ этимъ богоотступникомъ... Пусть онъ себѣ дѣлаетъ, что хочетъ... Вѣдь не погонится же онъ за ними въ Святую землю!.. А что они ѣдутъ туда, въ этомъ можетъ сомнѣваться развѣ безумецъ... Онъ только что отъ Хазана и видѣлъ списки... Онъ и его жена первые. Да иначе и быть не можетъ; развѣ онъ, Аврумъ, можетъ оставаться здѣсь, среди такихъ варваровъ и богоотступниковъ?.. Хазанъ это отлично знаетъ и по справедливости помѣстилъ его въ числѣ первыхъ...

Аврумъ ораторствовалъ передъ кучею любопытныхъ, заинтересованныхъ свѣжими новостями. Хотя онъ въ городѣ и не пользовался репутаціею правдиваго человѣка, но на этотъ разъ его сообщенія не встрѣтили протеста, такъ какъ и помимо него уже знали, что скоро будетъ отправлена партія переселенцевъ на средства комитета. Многие заинтересованные сами справлялись у Хазана и видѣли себя въ спискахъ. Объ этомъ знали уже весь городъ и, слѣдовательно, сомнѣваться нечего было. Тѣмъ не менѣе всѣ охотно слушали Аврума, который имѣлъ особенную способность избитыя и давно извѣстныя всѣмъ вещи приправлять такъ, что онѣ снова становились интересными. Аврумъ портной былъ одинъ изъ тѣхъ типовъ, которые въ своемъ сердцѣ совмѣщаютъ все человѣчество, а въ человѣкѣ всю вселенную; тѣмъ не менѣе, у нихъ и въ головѣ и въ сердцѣ всегда пусто. Они какъ бы самой природой созданы для того, чтобы служить другимъ, хлопотать о чужихъ интересахъ, ссориться и ругаться изъ-за другихъ... Собственныхъ интересовъ у нихъ не бываетъ, и только развѣ голодъ и семья заставляють ихъ иногда подумать о себѣ. При благопріятныхъ условіяхъ изъ такихъ людей часто вырабатываются извѣстнаго сорта народные герои, общественные дѣятели; при неблагопріятныхъ—такіе люди, не имѣя ничего собственнаго, при своей внутренней безличности, становятся площадными вралями, мелкими попрошайками и въ концѣ концовъ умирають гдѣ нибудь подъ забормомъ, или, въ лучшемъ случаѣ, въ богадѣльнѣ. Аврумъ, конеч-

но, попалъ во вторую категорію и, влача жалкое существованіе парія, мало, однако, объ этомъ гореваль, такъ какъ, по его мнѣнію, горевать—это то же, что сердиться на Бога... Тѣмъ болѣе теперь у него не было основанія горевать. Все складывается какъ нельзя лучше, и если ему тутъ не везло, то въ странѣ его предковъ судьба уже навѣрное ему улыбнется... На этомъ основаніи онъ уже болѣе недѣли не бралъ въ руки иголки, а отъ новыхъ заказовъ совсѣмъ отказывался. Онъ даже не скрываль отъ другихъ, что Хазанъ ему выдалъ авансомъ три рубля и совѣтоваль другимъ сдѣлать то же. Объ имуществѣ ему нечего было заботиться, такъ какъ все оно, за исключеніемъ никуда не годной рухляди, не превышало небольшого узла.. Однимъ словомъ, Аврумъ былъ готовъ къ отплытію хоть сегодня. Другимъ эмигрантамъ было нѣсколько больше возни; но Хазанъ велѣлъ имъ энергично готовиться въ путь. Со дня послѣдняго засѣданія, когда Бергофъ такъ неожиданно оказался его врагомъ, мысль о предотвращеніи грозившей ему опасности не покидала его. Вначалѣ онъ рассчитываль, что Бергманъ поддержитъ его и не допустить контроля; но тотъ оказался трусомъ, и на него нечего было рассчитывать. Вообще Хазанъ поняль, что его обаянію наступаетъ конецъ и что ему грозить довольно серьезная опасность. Ему нужно было теперь только выиграть время, и поэтому онъ сразу выдвинуль давно готовый къ его услугамъ контингентъ переселенцевъ. Ему удалось на столько раздуть это дѣло, что на немъ сосредоточилось все вниманіе комитета, и предложеніе Бергофа волею-неволею должно было быть отложено, тѣмъ болѣе, что уже значительную сумму Хазанъ выдалъ авансомъ.

Переселенцы между тѣмъ дѣятельно готовились къ отъѣзду. Хазанъ тоже готовился; онъ долженъ былъ сопровождать партію до портового города. Рейнгерцъ и другіе благотворители хлопотали изо всѣхъ силъ. О Радоверѣ опять забыли. Наканунѣ отправленія, Хазанъ представиль комитету полный и подробный отчетъ, скромно выслушаль благодарность всѣхъ членовъ за его неусыпныя заботы о бѣдномъ Израилѣ и, обѣщавъ Бергману вечеромъ зайти къ нему, чтобы сообща потолковать о дѣлахъ, поспѣшилъ домой, гдѣ его ждали переселенцы.

XLVII.

Бергманъ тоже вернулся домой. Общаніе Хазана прійти нѣсколько успокоило его; тѣмъ не менѣе, онъ не переставалъ волноваться. Вообще онъ никогда еще, съ тѣхъ поръ, какъ самостоятельно сталъ на ноги, не помнилъ такого тревожнаго дня, какъ сегодняшній. Конечно, общественныя дѣла, засѣданія и т. п. дребедень не мало разстроили его нервы. Но кто могъ ожидать, чтобы какой нибудь рыжій Шмейрель могъ такъ взволновать человѣка? Бергманъ всегда ненавидѣлъ эту рыжую обезьяну и далеко неохотно согласился сдѣлаться защитникомъ его интересовъ предъ Мудисомъ. Но, сдѣлавъ это, онъ уже никакъ не рассчитывалъ встрѣтить въ этомъ маленькомъ человѣчкѣ такого нахала, а главное—такого крючкотвора и знатока вексельнаго права.. Уже на сколько Минкесъ былъ хитеръ и подозрителенъ, но разъ передавъ ему вексель Мудиса, онъ довѣрился ему вполнѣ. Правда, Минкесъ былъ поглощенъ другими дѣлами и не могъ, если бы даже желалъ, такъ надоѣдать адвокату, какъ Шмейрель, который далеко не ограничивался успокоительными отвѣтами Бергмана, но наводилъ справки о своемъ дѣлѣ вездѣ, гдѣ только можно было. Результатомъ этихъ справокъ явилось очень неприятное для обѣихъ сторонъ разоблаченіе, а вслѣдъ затѣмъ—довольно крупное объясненіе между адвокатомъ и его клиентомъ.

— Г. Бергманъ!—вскричалъ, неожиданно ворвавшись къ нему въ кабинетъ, Шмейрель:—вы меня увѣрили, что подали мой вексель ко взысканію..

— Конечно, подаль!..—развязно произнесъ Бергманъ. Это было утромъ и такъ какъ ни одинъ клиентъ не успѣлъ еще разстроить его нервовъ, то онъ былъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа и не прочь былъ пошутить съ рыжимъ, какъ онъ его называлъ для сокращенія.

Напротивъ, Шмейрель былъ мраченъ и блѣденъ, какъ сама смерть, и болѣе внимательный человѣкъ, чѣмъ Бергманъ, навѣрное бы замѣтилъ ту затаенную злобу, которая скользила по его почти побѣлѣвшимъ губамъ.

— Конечно, подали?! — язвительно передразнил его Шмейрель.

— Конечно...

— Но это вѣдь неправда...

Бергманъ всёю своимъ тѣломъ повернулся къ стоявшему позади него Шмейрелю; но, взглянувъ на него, вдругъ измѣнился въ лицѣ и струсиль.

— Какъ вы смѣете!.. не забылъ онъ, однако, произнести стереотипную фразу, но такимъ нервѣшительнымъ и упавшимъ голосомъ, что даже Шмейрель улыбнулся.

— А вотъ и смѣю... и еще больше посмѣю, если вы мнѣ тутъ же не вернете моихъ денегъ,—вскричалъ Шмейрель.—Такъ честные люди не поступаютъ... Вы моего векселя не подавали въ судъ, а прямо продали его Мудису... Я это знаю... вы мнѣ не заговаривайте зубы... Я только что былъ въ коммерческомъ судѣ, и одинъ знакомый мнѣ чиновникъ мнѣ даже книги показалъ... Вы точно также поступили и съ векселемъ Минкеса... Но что мнѣ до Минкеса; если онъ глушь, пусть и платится за свою глушь. Но я не глушь...

Пока Шмейрель говорилъ, Бергманъ успѣлъ придти въ себя и сообразить свое положеніе. Онъ принялъ надменный тонъ и довольно грозно посмотрѣлъ на Шмейреля.

— Вы нахаль, Шмейрель, и если не замолчите, я васъ ве-лю вышвырнуть въ окно.

Эти рѣшительныя слова на минуту подѣйствовали на дерз-каго кліента, и лицо Шмейреля приняло даже подобострастное выраженіе мелкаго фактора; но вспомнивъ, что право и сила на его сторонѣ, онъ сдѣлался еще вдвое нахальнѣе.

— Не думаете ли вы напугать меня... Не на такого напали... мы видали такихъ гоеподъ, у насъ на базарѣ пудами продаются... Небось, съумѣли проглотить мой вексель и не затопнило;—не затопнить и отъ моихъ словъ... Да что долго толковать съ такимъ *нѣмецъ*, какъ вы... Отдайте мнѣ мой вексель, или я сейчасъ же отправлюсь къ прокурору.

Бергманъ весь дрожалъ отъ злобы и безсилія. Всѣ адвокатскія ухищренія, имъ придуманныя, разбивались о грубую логику Шмейреля.

Слово «прокуроръ» заставило Бергмана встрепенуться. Жизнь, или смерть... Нужно было что нибудь выбрать.

— Можете отправиться куда вамъ угодно; я у васъ никакого векселя не бралъ,—съ усиленіемъ произнесъ Бергманъ.

Рыжій Шмейрель вытаращилъ на него глаза; всего, только не этого онъ ожидалъ отъ адвоката.

— А теперь убирайтесь!—продолжалъ Бергманъ, пользуясь полнымъ замѣшательствомъ Шмейреля.

Но Шмейрель продолжалъ стоять, не двигаясь съ мѣста. Если бы потолокъ обрушился и всею своею тяжестью упалъ бы на его голову, онъ и тогда бы не былъ такъ ошеломленъ, какъ словами адвоката.

— Такъ вы у меня векселя не брали?.. произнесъ онъ, наконецъ, не своимъ голосомъ.

— Вы уже слышали...

— И у Минкеса не брали?

— Это не ваше дѣло.

— И свидѣтелей не боитесь?..

— На безденежный вексель?.. Бергманъ захохоталъ ему въ глаза.

Шмейрель совсѣмъ упалъ духомъ. Прежняя дерзость смѣнилась рабской податливостью и угодливостью.

— И вамъ не жалко бѣднаго человѣка... бѣднаго еврея... вѣдь и вы тоже еврей...—слышался уже плаксивый голосъ.

— Вы большой нахаль, Шмейрель, и за это васъ слѣдуетъ проучить...—Бергманъ сдѣлался мягче и сговорчивѣе.

— Это, дѣйствительно, такъ... я совсѣмъ потерялъ голову... соглашался Шмейрель.—Посудите сами... я бѣдный еврей...

— А я развѣ хотѣлъ васъ ограбить?

— Ни, ни! Боже меня упаси отъ такой мысли... Могъ я развѣ думать о васъ такъ дурно?.. Но я вѣдь бѣдный еврей, у меня есть жена и дѣти, а это все мое достояніе...

— Ну, и вы его получите... Только будьте умнѣе...—сказалъ Бергманъ.—Вашъ вексель у меня; вы завтра получите деньги... не все, конечно, вы понимаете...

— Сколько же?—нерѣшительно спросилъ Шмейрель.

— Вы получите четвертую часть; довольно будет съ васъ, я думаю...

Шмейрель опустил голову въ знакъ согласія.

— Честнѣе, я полагаю, нельзя поступить...—продолжалъ Бергманъ;—но это еще не все; вы мнѣ должны дать росписку, что никакихъ претензій ко мнѣ не имѣете, и честное слово, что вы Минкесу ничего о нашей сдѣлкѣ не скажете. Это необходимо, иначе вы ничего не получите...

— Уплатите мнѣ сейчасъ...

— Сейчасъ не могу,—сказалъ Бергманъ,—но завтра въ это время вы получите. Согласны?

— Согласенъ.

Когда Шмейрель ушелъ, Бергманъ крѣпко задумался. Такъ удачно придуманный имъ маневръ могъ бы ему доставить не малое торжество, если бы это все касалось не лично его и если бы ему не приходилось завтра уплатить такую сравнительно крупную сумму. Онъ рѣшительно терялся, не зная, гдѣ онъ достанетъ деньги, а не выполнить обѣщанія было рисковано; если ему и удалось запугать Шмейрля, то опасность отъ этого не уменьшилась и во всякую минуту могла обрушиться на его голову. Нужно было достать денегъ во что бы то ни стало, и послѣ долгихъ размышленій онъ остановился на Хазанѣ.

Хазанъ, по своему мягкосердечію всегда готовый услужить другимъ, а тѣмъ болѣе ему, почтенному предсѣдателю комитета, съ такимъ самоотверженіемъ трудившемуся для пользы Израиля, нѣсколько даже оторопѣлъ, услышавъ, какая именно сумма нужна Бергману.

— У меня, вы знаете, собственныхъ средствъ вѣдь нѣтъ...—началъ Хазанъ.—Правда, можно было бы воспользоваться комитетскими суммами; но, во 1-хъ, теперь ушло много денегъ на переселенцевъ, а во 2-хъ, этотъ глупый контроль, придуманный уважаемымъ докторомъ... Я и такъ уже соображаю,—мягко прибавилъ Хазанъ:—чѣмъ пополнить тотъ маленькій дефицитъ, который образовался благодаря тому, что я ссудилъ васъ... Но это пустяки, конечно, и не будь контроля...

— Чортъ съ нимъ, съ контролемъ!—въ досадѣ воскликнулъ Бергманъ.—Я доктору шею сверну, если онъ еще заикнется...

— Въ такомъ случаѣ...

— Такъ вы мнѣ общаете?—радостно воскликнулъ Бергманъ.

— Не вполнѣ... Нужно серьезно обсудить... Если сегодня мой докладъ не встрѣтитъ сопротивленія, то я постараюсь...

— Я вамъ ручаюсь, что сопротивленія не будетъ,—рѣшительно сказалъ Бергманъ.

Послѣ засѣданія, когда все сошло благополучно, Бергманъ снова напомнилъ Хазану о его обѣщаніи и, получивъ отъ него утвердительный отвѣтъ, вернулся домой и сталъ ждать его.

XLVIII.

Вечеръ наступилъ, но Хазанъ почему-то медлил приходомъ. Полина уѣхала къ знакомымъ, а Бергманъ, ссылаясь на слѣшную работу, противъ обыкновенія остался дома, обрекая себя на скуку. Но человекъ долженъ иногда мириться съ необходимостью, и Бергманъ геройски переносилъ свое самовольное заточеніе. Однако, вечеръ приходилъ къ концу и стрѣлка часовъ показывала уже тотъ часъ, когда простые смертные отдають себя во власть ночи, а Хазанъ не являлся.

Бергманъ началъ беспокоиться. Наконецъ терпѣніе его окончательно истощилось; еще какихъ нибудь полчаса—и въ самомъ дѣлѣ весь городъ уснетъ. Не забылъ ли Хазанъ своего обѣщанія? Бергманъ надѣлъ шляпу и, выйдя на улицу, взалъ перваго попавшагося извозчика и велѣлъ везти себя въ нижнюю часть города. Не доѣзжая до квартиры Хазана, онъ отпустилъ извозчика и отправился пѣшкомъ. Но прежде чѣмъ постучать, онъ заглянулъ въ окна. Вездѣ было темно; обитатели его, видно, уже давно спали.

Бергманъ, однако, не потерялъ присутствія духа и осторожно постучался. Отвѣта не послѣдовало; тогда онъ постучалъ сильнѣе, потомъ еще разъ. Никто не отвѣчалъ, и Бергманъ, боясь привлечь вниманіе ночнаго сторожа и случайныхъ прохожихъ, въ досадѣ ушелъ, рѣшивъ завтра рано отправиться опять къ Хазану и узнать причину, почему онъ не пришелъ.

Полины еще не было дома, когда онъ вернулся. Онъ тотчасъ же легъ спать, стараясь до завтра не думать ни о чемъ.

Но какъ только наступило утро, онъ уже былъ на ногахъ и поспѣшно вышелъ изъ дому. Такъ какъ было еще рано и погода была чудная, то онъ предпочелъ идти пѣшкомъ. Не доходя до дома Хазана, онъ издали замѣтилъ Аврума, который стоялъ у воротъ. Бергманъ не обратилъ на него вниманія и прошелъ мимо; но Аврумъ побѣжалъ за нимъ.

— Вы, вѣроятно, къ Хазану; но его нѣтъ дома, — сказала онъ.

— Такъ рано? Гдѣ же онъ можетъ быть?

— Онъ еще вчера уѣхалъ.

— Что вы врете!..—разсердившись крикнулъ Бергманъ.

— Не будь я еврей, если это неправда.

— Но куда же онъ могъ уѣхать?.. Кто вамъ говорилъ?

— Онъ самъ мнѣ говорилъ...—Но замѣтивъ на порогѣ кухарку, Аврумъ смутился и замолчалъ.

— Вотъ ужъ врать!—сердито проговорила кухарка;—гдѣ же онъ могъ тебѣ говорить?.. Ты вѣдь самъ прибѣжалъ сюда съ высунутымъ языкомъ и меня спрашивалъ.

— Онъ въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ?—спросилъ встревоженный Бергманъ.

-- Какъ же, еще вчера!

— Куда?

— Не знаю; не говорилъ.

— И когда вернется—не говорилъ?

— Не говорилъ.

— Говорилъ...—вырвалось у Аврума.

Кухарка не на шутку разсердилась.

— Какъ тебѣ не стыдно врать? А еще такую бороду носить...—набросилась она на Аврума.—Онъ тебѣ не говорилъ и не могъ говорить.

— Но вамъ онъ говорилъ?—нетерпѣливо перебилъ ее Бергманъ.

Какое-то неясное подозрѣнiе вдругъ зародилось у него.

— Ну, такъ что же, что говорилъ? А вамъ на что?—дерзко огрызалась кухарка.

— Мнѣ это нужно знать.

— А я вамъ и не скажу...

— Что вы ее слушаете!—въ свою очередь разсердился Аврумъ.—Что можете въ такихъ дѣлахъ знать баба? Мы сегодня должны отправиться въ дорогу; какже можно, чтобы Хазанъ уѣхалъ...

— Такъ-таки ты и поѣдешь... завтра съ мѣшкомъ,—злобно проговорила кухарка.

— Что?!

— Что ты слышишь...

Но Бергманъ уже болѣе не слушалъ. Мелькнувшее у него подозрѣніе стало для него столь очевиднымъ, что онъ болѣе въ немъ не сомнѣвался. Хазанъ бѣжалъ, скрылся... Это случайное и неожиданное открытіе какъ молотомъ ударило его въ голову. Всѣ надежды на Хазана вдругъ лопнули, и его собственное положеніе казалось ему теперь еще болѣе отчаяннымъ, болѣе ужаснымъ.— Не будь онъ въ настоящую минуту такъ тѣсно связанъ съ Хазаномъ, онъ бы, можетъ быть, посмѣялся надъ его поступкомъ, какъ достойнымъ курьезомъ, онъ бы, можетъ быть, въ душѣ похвалилъ его. Но теперь все это казалось ему чѣмъ-то небывалымъ... Онъ даже не думалъ провѣрять свои подозрѣнія; они даже въ нѣкоторомъ отношеніи были ему пріятны. Онъ это скажетъ и Шмейрлю, и Минкесу, и другимъ; пусть они видятъ, какіе люди живутъ на свѣтѣ... Пусть они попробуютъ теперь требовать обратно векселя... Но всѣ эти безумныя мысли, за которыя онъ цѣплялся, какъ утопающій за соломенку, разлетѣлись вдругъ при мысли о предстоящей дѣйствительности, о томъ, что чрезъ какой нибудь часъ явится рыжій Шмейрель, и съ приниженой физиономіею станетъ у дверей... Что онъ ему скажетъ?.. Дрожь охватила Бергмана. Скрылся ли Хазанъ, или нѣтъ, — ему теперь было все равно; денегъ отъ него онъ уже не получить... А деньги нужны... Шмейрель его такъ не отпустить... Холодный потъ обдалъ его. Онъ стоялъ посреди своего уютнаго кабинета, трусливо прислушиваясь къ малѣйшему шороху. Столь сметливый и находчивый, онъ теперь потерялъ всякую способность размышлять и комбинировать; все, что ему ни при-

ходило въ голову. было наивно до глупости... Бергофъ, Рейнгерцъ, Ауэрбахъ, даже Минкесъ, однимъ словомъ — всѣ денежные люди вспоминались ему. Одну минуту онъ даже остановился на Шмейрлѣ, совсѣмъ забывъ, что этотъ человѣкъ именно и виновникъ всему. Еще минута, и онъ бы съума сошелъ. Внезапная мысль вдругъ пришла ему въ голову; она показалась ему до того удачной, что даже безпечная улыбка появилась у него на лицѣ. Съ этой улыбкой онъ и направился на половину жены. Полина еще сидѣла за туалетомъ. Она была въ самомъ розовомъ настроеніи; она еще никогда такъ весело и пріятно не провела вечера, какъ вчера, и не только пріятно, но и съ пользою... Глупцы думаютъ, что женщины умѣютъ только плясать и улыбаться... И онъ, ея муженецъ, тоже въ этомъ отношеніи далеко не ушелъ. Но еслибы онъ зналъ, что она знаетъ, какіе богатые планы представляются въ недалекомъ будущемъ...

Но Бергманъ, который въ эту минуту былъ далекъ отъ пониманія своей прелестной супруги, круто остановилъ ея изліянія.

— Знаешь новость? Хаванъ, кажется, бѣжалъ?

— Въ самомъ дѣлѣ?—ветревоженно спросила Полина; но тотчасъ же прибавила:—и всѣ деньги съ собою забралъ?

— Безъ сомнѣнія...

— Вотъ молодецъ...

Оба супруга невольно взглянули другъ на друга, и каждый угадалъ сокровенныя мысли другого.

— Да, молодецъ, — сказала послѣ минутной паузы Бергманъ. — Но кто могъ знать...

— Умный человѣкъ... лаконически произнесла Полина и отвернулась отъ мужа. Коралловыя губки ея слегка надулись.

— Я его подстерегалъ... оправдывался Бергманъ.

— И не подстерегъ...—Полина уже явно сердилась.

— ... И сегодня утромъ долженъ былъ получить крупную сумму.

Полина уже не отвѣчала.

— Но грустиѣе всего то, — продолжалъ Бергманъ, — что эта

сумма мнѣ до зарѣзу нужна. Я надѣялся на него, а теперь хоть въ петлю полѣзай; мнѣ срокъ чрезъ часъ.

Наступила короткая пауза.

— Знаешь, что я придумалъ?—нерѣшительнымъ голосомъ началъ снова Бергманъ.—Я хочу попросить у тебя твои брилліанты... на одинъ день, не больше. Этотъ рыжій возьметъ ихъ взамѣнъ денегъ, а я завтра достану деньги и выкуплю...

Полина измѣнилась въ лицѣ и съ презрѣніемъ взглянула на мужа.

— Я тебя рѣшительно перестаю понимать; какъ ты смѣешь мнѣ дѣлать такія предложенія... съ достоинствомъ произнесла она.

Бергманъ смѣшался.

— Но, это только на одинъ день... пойми мое положеніе...

— Хоть на одинъ часъ... Не хочу я знать ничего!—вскричала Полина и быстро встала съ своего мѣста.

— Но мнѣ грозитъ тюрьма...

— Хоть каторга...

Оба супруга теперь стояли другъ противъ друга во всемъ дезабиле своихъ чувствъ и мыслей. Бергманъ больше не улыбался; томные глаза Полины метали теперь далеко не поэтическія искры. Въ эту минуту она была не только некрасива, но даже безобразна.

— Вотъ какъ... прошипѣлъ, наконецъ, Бергманъ.—Это было бы, конечно, тебѣ на руку...

— А ты думаешь, я долго буду возиться съ тобою?

— Это мы еще посмотримъ... А пока дай мнѣ брилліанты.

Полина только заскрежетала зубами, но ничего не отвѣчала.

— Не дашь? — въ бѣшенствѣ вскричалъ Бергманъ, — ну, такъ я ихъ самъ возьму.—И онъ бросился къ стоявшей въ углу изящной шифоньеркѣ.

— Ты бы ихъ лучше искалъ у доктора Бергофа... они у него,—съ злобной насмѣшкой крикнула ему вслѣдъ Полина.—Бергманъ обернулся и съ дикимъ изумленіемъ посмотрѣлъ на жену.

— Мнѣ не до шутокъ, Полина, — сказалъ онъ, сдѣлавъ внушительный жестъ руками.

— Мнѣ тѣмъ болѣе...

— Гдѣ же брилліанты?

— Заложены у Бергофа.

— За сколько?

— Ровно за столько, сколько тебѣ нужно было тогда уплатить кокоткамъ, или за карты...

— Такъ тѣ двѣ тысячи...

— Да, тѣ двѣ тысячи... А ты думалъ, что мнѣ ихъ подарили...

— Но они вѣдь стоятъ десять?—вырвалось у Бергмана.

— И только это тебя испугало?

— А что же? Какимъ образомъ такая невинность, какъ ты, попала къ Бергофу?... ха, ха ха... И Бергманъ стремительно выбѣжалъ изъ комнаты.

— Подлецъ!.. — крикнула ему вслѣдъ Полина.

XLIX.

Никогда Белла еще такъ не волновалась, какъ сегодня. Пріѣздъ Давида и обрадовалъ и испугалъ ее въ одно и то же время. Теперь, или никогда должны разрѣшиться всѣ терзавшія ее сомнѣнія, и отъ этой мысли ее бросало въ жаръ и холодъ. Она бы съ удовольствіемъ отсрочила эту роковую минуту, если бы это было въ ея власти. Но чтó она можетъ сдѣлать?

Въ эту минуту въ кабинетѣ отца рѣшается ея судьба, она это знаетъ. Не даромъ такъ долго длится у нихъ разговоръ. Отецъ не далъ ей даже хорошенько взглянуть на Давида, Давидъ не успѣлъ ей пожать руку, какъ старикъ увелъ его къ себѣ. Тамъ ея судьба рѣшается... Но кто властенъ надъ нею? Кто можетъ рѣшать за нее?.. Развѣ она не обладаетъ собственной волей, развѣ она не можетъ располагать собою?.. Отецъ противъ Давида... Но если она не противъ него, если она скажетъ свое слово... Белла встрепенулась и задрожала: ей показалось, что въ кабинетѣ отца кто-то возвысилъ голосъ... Она замерла и

стала прислушиваться, но тотчасъ же устыдилась своего поступка и отошла прочь. Она старалась успокоиться и принялась даже за какую-то работу; но мысли ея вращались около одного и того же. — Если они не поладятъ между собою, если Давидъ откажется принять его условія? — тревожно думала она. Но въ то же время у нея быстро созрѣвало рѣшеніе. Она Давида не оставитъ; она все ему проститъ, все забудетъ... Она пойдетъ за нимъ и не побоятся никакихъ препятствій. Что ей до нихъ... А если онъ ее отвергнетъ? Если онъ любитъ не ее?..

Тетрадь съ нотами, которую она держала въ рукахъ, упала къ ея ногамъ. Она вздрогнула и слабо улыбнулась. Предъ нею стоялъ Давидъ.

— Белла, — началъ онъ, — я только что бесѣдовалъ съ твоимъ отцомъ, и наша бесѣда окончилась очень крупнымъ недоразумѣніемъ... Я утѣшаю себя надеждой, что ты не раздѣляешь его взглядовъ.

Въ словахъ Давида было много достоинства и выдержки; но отъ нихъ почему-то на Беллу повѣяло холодомъ. Не того она ожидала отъ него въ это мгновенье, когда она всѣмъ своимъ существомъ стремилась къ нему и съ радостью ловила каждый звукъ его голоса.

Она взглянула на него, и мрачная тѣнь пробѣжала по ея блѣдному лицу; дѣвственная гордость заговорила въ ней.

— Почему ты думаешь, что я не раздѣляю его взглядовъ? — сказала она. Это былъ смѣлый вызовъ, котораго она сама испугалась, но который изгладить уже нельзя было.

— Я бы желалъ такъ думать...

— Тебѣ болѣе извѣстны мои взгляды, чѣмъ мнѣ твои... — съ достоинствомъ замѣтила Белла.

— Мои взгляды и убѣжденія въ моихъ поступкахъ...

— А мои?

— Но то, что я отъ тебя слышу, для меня новость.

— Мнѣ кажется, если бы ты безпристрастнѣе смотрѣлъ на вещи, то никакой перемѣны не нашель бы во мнѣ...

Голосъ Беллы слегка дрожалъ; не смотря на всю напряженность воли, самообладаніе оставляло ее.

— Я отказываюсь тебя понимать, Белла,—въ волненіи произнесъ Давидъ.

— Я думаю то же самое... — едва сдерживая себя, сказала Белла.

— Въ такомъ случаѣ оставимъ этотъ разговоръ.

Белла не возражала.

Наступило тяжелое молчаніе. Оба чувствовали себя не хорошо, оба сознавали, что между ними вырастаетъ невидимая преграда, которая скоро совершенно закроетъ ихъ другъ отъ друга, если они не постараются сейчасъ же и быстро уничтожить ее.

Давидъ первый прервалъ молчаніе.

— Ты сама знаешь, что наши отношенія такими оставаться не могутъ и что въ данную минуту все зависитъ отъ одного твоего слова,—съ усиліемъ произнесъ онъ.

— Что же я могу тебѣ сказать?

— Ты должна быть со мною откровенна...

— А ты со мною—развѣ откровененъ?

Не смотря на сдержанность ея тона, въ этихъ словахъ слышался такой глубокой укоръ, что Давидъ невольно вздрогнулъ. Онъ взглянулъ на стоявшую предъ нимъ дѣвушку и въ этой стройной, дышавшей гордымъ величіемъ фигурѣ прочелъ для себя суровый приговоръ.

— Нѣтъ, Белла, не откровененъ,—прямо и рѣшительно произнесъ онъ послѣ минутнаго раздумья;—и съ моей стороны было жестоко и эгоистично требовать отъ тебя того, чего я не могу дать тебѣ взамѣнъ. Но будь справедлива ко мнѣ и ты увидишь, что я не могъ иначе поступать и что если на мнѣ и лежитъ вина въ отношеніи къ тебѣ, то я сдѣлалъ все, что во власти человѣка, чтобы искупить эту вину.

— Такъ они не лгали?.. ты любишь другую?..—простонала Белла.

— Но я навсегда останусь вѣренъ своему долгу... — тихимъ, но твердымъ голосомъ произнесъ Давидъ.

На мгновенье наступила гробовая тишина. Лицо Беллы казалось еще блѣднѣе, а ея стройная, гибкая фигура точно согрбилась подъ тяжелой ношею. Вдругъ она вся выпрямилась,

легкая краска заиграла у нея на щекахъ, въ глазахъ за- сверкали искры.

— Что касается меня,—сказала она дрожащимъ голосомъ,— то я освобождаю тебя отъ этого долга. Я не признаю суроваго долга, не согрѣтаго чувствомъ; это мертвый цвѣтокъ безъ запаха...

И отвернувшись отъ Давида, она медленно направилась къ дверямъ.

Давидъ былъ ошеломленъ.

— Белла!— вскричалъ онъ, въ отчаяніи протянувъ къ ней руки:— подожди, выслушай меня прежде...

Белла остановилась.

— Твой упрекъ лишилъ меня разсудка... Постой, дай мнѣ прежде опомниться.. Ты меня не такъ поняла; ты хотѣла, чтобы я съ тобою былъ откровененъ: я открылъ предъ тобою свою душу... Неужели же ты только прочла мою вину, но не мои страданья?..

— Я беру вину на себя.. я во всемъ виновата...

— Подумай, что ты дѣлаешь...

Онъ бросился къ ней, но въ комнатѣ уже никого не было. Когда онъ очнулся, предъ нимъ стоялъ Рейнгерцъ съ спокойно-невозмутимымъ величіемъ древнихъ патриарховъ на лицѣ. Одно мгновеніе они оба смотрѣли другъ на друга, какъ бы желая помѣряться силами. Наконецъ, Рейнгерцъ торжественно сказалъ:

— Я не знаю, что между вами произошло, но я увѣренъ, что моя дочь не отступила отъ своего долга...

Давидъ опустилъ голову и ничего не сказалъ.

Е.

Ауэрбахъ съ нетерпѣніемъ поджидалъ сына. Когда Давидъ, послѣ первыхъ же привѣтствій и не теряя ни минуты, приступилъ къ вопросу о возможности улаженія дѣла Ясинскаго съ Миннесомъ, Ауэрбахъ искусно отклонилъ этотъ разговоръ, напомнивъ ему, что жениху не слѣдуетъ говорить о дѣлахъ, прежде чѣмъ онъ не увидится съ своею невѣстой: Рейнгерцъ и

Белла уже предупреждены о его приѣздѣ; они ждутъ его; малѣйшее промедленіе можетъ огорчить невѣсту.

— Вотъ что значить имѣть сына,—заклучилъ, уже обращаясь къ женѣ, Ауэрбахъ.—Была бы дочь, женихъ пришелъ бы къ намъ въ домъ, а теперь, не успѣли еще хорошенько взглянуть другъ на друга, и слѣши къ невѣстѣ... что-то еще будетъ впереди...

Г-жа Ауэрбахъ при этомъ даже глубоко вздохнула, совершенно соглашаясь съ мужемъ, что не мѣшало бы еще имѣть дочку...

Стараясь представить сыну требованія Рейнгерца въ шутивно-игривомъ тонѣ и прося его быть снисходительнымъ къ *чужацтвамъ* старика, Ауэрбахъ, однако, въ душѣ былъ очень неспокоенъ, опасаясь, чтобы предстоящее объясненіе еще болѣе не запутало взаимныхъ отношеній.

Когда Давидъ вернулся, онъ поспѣшно кинулся ему на встрѣчу съ вопросомъ:

— Ну, что?—Но взглянувъ ему въ лицо, онъ замолчалъ и нахмурился.

Давидъ тоже не былъ склоненъ къ откровенности, и поэтому наступило продолжительное молчаніе. Но видя, что отецъ упорно ждетъ отъ него слова, онъ, наконецъ, сказалъ:

— Отецъ Беллы слишкомъ посягаетъ на мою свободу, и наши отношенія врядъ-ли смогутъ остаться такими, какими они были до сихъ поръ.

Лицо Ауэрбаха еще болѣе омрачилось.

— Какъ понимать твои слова?—спросилъ онъ.

— Я думаю,—сказалъ Давидъ,—что родство, а тѣмъ болѣе *будущее* еще не даетъ никому права вторгаться въ чужую душу и въ особенности предъявлять подобныя требованія.

— Но ты войди и въ положеніе Рейнгерца, — серьезно произнесъ Ауэрбахъ.

— Это нисколько не разсѣетъ нависшихъ тучъ. Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—не будемъ объ этомъ говорить, да и я не за этимъ приѣхалъ сюда.

— Нѣтъ, Давидъ, этого нельзя такъ оставить, — возразилъ Ауэрбахъ.—Хочешь, я самъ поѣду къ Рейнгерцу?

— Нѣтъ, не нужно.

— Будь увѣренъ, я съумѣю уладить возникшія недоразумѣнія.

— Никогда!..

— Никогда? Но почему же? — тревожно произнесъ Ауэрбахъ. — Развѣ между тобою и невѣстой тоже что нибудь произошло?

— Да; она возвратила мнѣ слово...

Ауэрбахъ остолбенѣлъ. Онъ посмотрѣлъ на сына, и спокойный видъ Давида окончательно ошеломилъ его.

— Вотъ до чего ты довелъ своими затѣями! — вырвалось у него наконецъ.

— Тутъ не затѣи мои виноваты, — коротко отвѣтилъ Давидъ и прибавилъ: — но оставимъ это; мнѣ нужно съ тобою поговорить о дѣлѣ.

— Нѣтъ, я не оставлю, пока ты мнѣ не дашь обѣщанія помириться съ невѣстой!..

— Отецъ, ты знаешь, зачѣмъ я пріѣхалъ, — рѣзко остановилъ его Давидъ. — Я желаю, чтобы ты помогъ Ясинскому раздѣлаться съ Минкесомъ.

— И, слѣдовательно, дѣйствовать тебѣ на руку, — злобно вскричалъ Ауэрбахъ. — Этого никогда не будетъ, Давидъ. Я всегда былъ противъ и теперь противъ твоихъ предпріятій. Пора тебѣ одуматься.

— Желая вредить мнѣ, ты отказываешь въ помощи чело-
вѣку, который въ ней нуждается. Подумай, что ты дѣлаешь? — съ укоромъ проговорилъ Давидъ.

— Ну, такъ откажись отъ своихъ плановъ, если ты такъ желаешь помочь Ясинскому.

— Ты это серьезно говоришь?

— Даже серьезнѣе, чѣмъ ты думаешь.

— И это твое послѣднее слово?

— Послѣднее. — И потомъ онъ прибавилъ: — Развѣ такъ трудно принести эту жертву ради спасенія друга?

— Ясинскій не нуждается въ подобной жертвѣ, — твердо и рѣшительно сказалъ Давидъ и, отвернувшись, вышелъ изъ

комнаты. Ауэрбахъ не послѣдовалъ за нимъ и Давидъ нѣкоторое время оставался въ нерѣшительности, что ему дѣлать.

Предложеніе отца было такъ постыдно и унижительно для него, что онъ ни одной минуты не могъ серьезно остановиться на немъ, не смотря на то, что отъ этого зависѣла участь Ясинскаго. Онъ былъ увѣренъ, что Ясинскій не приметъ этой жертвы, даже еслибъ онъ былъ готовъ это сдѣлать. Но можетъ ли онъ это сдѣлать? Тутъ не было ни трусости, ни разчета, ни эгоизма, ни даже честолюбія: тутъ было то, противъ чего возмущается весь нравственный міръ, отъ чего человѣкъ отрещивается, не разсуждая о послѣдствіяхъ.

Быстро перебирая въ своемъ умѣ тѣ средства, которыя можно было пустить въ ходъ для предотвращенія катастрофы, онъ рѣшительно остановился на одномъ, какъ болѣе подходящемъ: лично переговорить съ Минкесомъ и во что бы то ни стало уладить возникшія недоразумѣнія, даже еслибы для этого потребовалось принудить Этю къ открытію ея тайны. Онъ рѣшился не терять времени и съ этой цѣлью отправился къ Минкесу.

II.

Въ этотъ ранній часъ Бергофа всегда можно было застать дома. Утро было чудное. Осеннее солнце въ изобиліи разбрасывало свои косвенно падающіе лучи, и ихъ розоватый отблескъ весело игралъ на оконныхъ стеклахъ.

Бергофъ рѣшительно былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Если человѣкъ вполне здоровъ, если изъ-за его плечъ не глядитъ еще роковой сорокалѣтній возрастъ, если желудокъ его варитъ исправно, а дѣла идутъ недурно, то почему ему и не быть въ хорошемъ расположеніи духа! Въ типичи своего кабинета, любуясь хорошенькими бездѣлушками, разбросанными въ живописномъ беспорядкѣ на письменномъ столѣ, Бергофъ часто любилъ философствовать на эту тему. Обозрѣвая свое прошедшее и настоящее, онъ не только былъ доволенъ, но часто даже приходилъ въ умиленье. Онъ былъ слишкомъ уменъ и практиченъ для того, чтобы не умѣть цѣнить того, чего онъ достигъ. *Грязная улица* ему была хорошо памятна; длинный

рядъ голодныхъ лѣтъ неизгладимыми штрихами запечатлѣлся у него въ мозгу; скитаніе, одиночество, роль отверженнаго, принижennaго и никому ненужнаго человѣка заставляли его вздрагивать каждый разъ, когда онъ вспоминалъ объ этой порѣ своей жизни. Часто во снѣ ему вдругъ представлялась *грязная улица* со всею ея мрачной обстановкой и нищими, обездоленными обитателями... Онъ вздрагивалъ и просыпался облитый холоднымъ потомъ, и только тогда успокоивался, когда, ощупавъ свою кровать, убѣждался, что онъ—онъ, и никакихъ метаморфозъ съ нимъ не было и уже быть не можетъ... Бергофъ понималъ конечно, что съ *грязной улицей* у него разъ навсегда покончены счеты, тѣмъ не менѣе невольный страхъ предъ мрачнымъ призракомъ часто закрадывался въ его душу, и онъ старался забарикадировать себя со всѣхъ сторонъ, чтобъ сдѣлаться неприступнымъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ на ноги и почувствовалъ силу своихъ зубовъ, всѣ его стремленія сводились къ тому, чтобы закрѣпить, упрочить за собою занятый имъ пунктъ... Раньше, когда будущее еще только мерещилось ему, скрытое отъ взоровъ заманчивой дымкой, у него были и другія стремленія. Вспоминая *грязную улицу*, онъ не разъ горевалъ о жалкой участи ея несчастныхъ обитателей и искренно мечталъ о лежавшей на немъ нравственной обязанности... Но мало по малу все это разсѣялось. Какъ умный человѣкъ, онъ вѣрно рассчиталъ свои силы и пришелъ къ тому заключенію, что у него ихъ ровно столько, чтобы удержать за собою выгодную позицію на жизненномъ пиру. Что же касается другихъ, то что ему за дѣло, пусть объ этомъ другіе думаютъ... И съ того момента, какъ онъ это ясно созналъ, жизнь его потекла такъ хорошо, такъ плавно, что лучшаго и нельзя было ожидать... Неудачное сватовство немного разстроило его и заставило пережить нѣсколько тревожныхъ мѣсяцевъ. Но Бергофъ не былъ бы Бергофомъ, еслибы твердость духа ему хоть на минуту измѣнила. Сначала онъ смотрѣлъ на Беллу, какъ на синонимъ извѣстнаго куша; ему нужно было приданое съ прибавленіемъ дѣвушки, которая называлась Белла. Но когда онъ увидѣлъ, что у него есть конкурентъ, который смотритъ иначе на вещи и что этотъ

конкуррентъ имѣеть успѣхъ, онъ совсѣмъ перемѣнилъ тактику. Была минута, когда онъ готовъ былъ уступить поле своему врагу и удовольствоваться дикаркой—Этею... Но и у Бергофовъ есть своя амбиція.

— Нужно жениться на Беллѣ, —твердилъ онъ себѣ.

И онъ началъ дѣйствовать такъ, какъ умѣють дѣйствовать Бергофы.

Лучъ солнца упалъ ему прямо въ лицо. Онъ зажмурилъ глаза и отвернулся. Ему почему-то вспомнилась въ эту минуту угроза Хазана, и онъ улыбнулся: что тотъ можетъ ему сдѣлать! Только вчера вечеромъ онъ опять бесѣдовалъ по душѣ съ Рейнгерцомъ. Старикъ ему сообщилъ о прїѣздѣ Давида и о томъ ультиматумѣ, который онъ намѣренъ ему предложить. Въ каждомъ словѣ Рейнгерца сквозила симпатія къ нему—Бергофу.

Что же болѣе нужно для успѣха? Согласіе Беллы? Но если Давидъ откажется отъ нея, что она будетъ дѣлать? Ея упрямство не будетъ имѣть тогда никакого основанія, и Рейнгерць настоятъ на своемъ... Это вѣрно, какъ дважды два. Бергофъ даже улыбнулся, такъ это все ему понравилось.

Въ эту минуту въ сосѣдней комнатѣ раздались чьи-то торопливые шаги. Бергофъ отворилъ дверь и столкнулся съ Бергманомъ.

— А, любезный докторъ, вы еще дома? отлично!—принужденно улыбаясь, вскричалъ Бергманъ.

Докторъ вопросительно взглянулъ на адвоката. Такой ранній и экстренный визитъ адвоката предвѣщаль или что нибудь очень хорошее, или очень нехорошее, и озадаченный докторъ старался уловить выраженіе лица Бергмана. Они стояли другъ противъ друга и оба молчали. Бергофъ сладко улыбался и слегка потиралъ себѣ руки. Бергманъ тоже улыбался; но эта улыбка была того специфическаго свойства, при видѣ котораго всякій благоразумный человѣкъ показываетъ спину, боясь быть свидѣтелемъ внезапнаго превращенія милости въ гнѣвъ.

Бергофъ, какъ человѣкъ благоразумный, вѣроятно, сдѣлалъ бы то же, если бы Бергманъ не отрѣзалъ ему путь къ отступленію.

— Я пришелъ васъ поблагодарить, милый докторъ,—все еще улыбаясь, проговорилъ Бергманъ.

— Меня? За что же...—У Бергофа почему-то мурашки побѣжали по кожѣ.

— Какъ за что?.. помилуйте... Вы оказали такую услугу моей женѣ...

Бергофъ сложилъ свои руки сердечкомъ, точно невинная дѣвушка.

— Вѣкъ буду вамъ благодаренъ,—въ томъ же тонѣ продолжалъ Бергманъ;—вы съ рискомъ и убыткомъ для себя явились на помощь...—И вмѣсто улыбки презрѣніе и злоба исказили лицо Бергмана. Онъ приблизился къ доктору и, нѣсколько нагнувшись впередъ, спросилъ:

— Куда вы дѣли брилліанты моей жены?

По природѣ трусъ, не способный стоять лицомъ къ лицу даже съ самымъ слабымъ врагомъ, Бергофъ окончательно растерялся и съежился. Однако у него хватило еще на столько хитрости, чтобы устранить первый ударъ и выиграть время.

— У меня нѣтъ брилліантовъ вашей жены,—голосомъ олицетворенной невинности произнесъ онъ.

— Какъ нѣтъ!—заревѣлъ Бергманъ.—Гдѣ же они? не думаете ли вы отпираться, что приняли въ залогъ отъ моей жены драгоценности и выдали 2,000 за вещи, стоющія десять...

— Я и не думаю отпираться, потому что я брилліантовъ не бралъ и денегъ не давалъ... Во первыхъ, я не ростовщикъ; а во вторыхъ, у меня и такой суммы нѣтъ...

Первый страхъ прошелъ, и Бергофъ говорилъ уже съ достоинствомъ человѣка, вполне сознающаго свою правоту.

— Значить, жена меня обманула... проговорилъ озадаченный Бергманъ.

— Нѣтъ, не обманула... она только неточно выразилась. Брилліанты вашей жены заложены у Минкеса; я же тутъ ни при чемъ и только оказалъ маленькую услугу вашей супругѣ, которой, понятно, самой недовко было обращаться къ ростовщику.

Бергманъ сконфузился и покраснѣлъ.

— Значить, брилліанты у Минкеса?

— Да... И я не понимаю, — прибавил оскорбленный докторъ, — какъ вамъ могла придти такая мысль въ голову. Кажется, послѣ нашего знакомства...

— Да, да; вы правы... — пробормоталъ Бергманъ. — Глупая мысль... Но посудите сами: драгоценности стоятъ десять тысячъ, а взято на нихъ двѣ... Я Минкесу не особенно довѣряю...

— За это я вамъ ручаюсь, — съ гордостью произнесъ Бергофъ; — уплатите долгъ, и вещи будутъ сейчасъ у васъ.

— О, если вы ручаетесь... — перемѣнилъ тонъ Бергманъ, и за минуту искаженное злобой и недовѣріемъ лицо его приняло снова самое джентльменское выраженіе. Онъ только Минкеса, признаться, и боялся... но докторъ настоящій рыцарь, исполненный благороднаго великодушія... онъ тогда дѣйствительно оказалъ женѣ громадную услугу... И помня его великодушіе, она его и теперь послала къ нему... Бриллианты стоятъ десять тысячъ, а взято всего двѣ; любой ростовщикъ охотно дастъ подъ нихъ 5—6 тысячъ.

Привыкшій всегда ясно формулировать свои мысли, Бергманъ теперь говорилъ такъ запутанно, что докторъ совсѣмъ его не понималъ. Тогда Бергманъ рѣшился быть откровеннымъ съ нимъ, какъ съ хорошимъ знакомымъ, котораго онъ, по крайней мѣрѣ, считаетъ своимъ другомъ, а быть можетъ — кто знаетъ — и будущимъ родственникомъ...

Ему очень нужны деньги и, главное, сегодня же, сейчасъ, въ противномъ случаѣ ему грозитъ большая опасность. Минкесъ, пожалуй, самъ не согласится; но если онъ, докторъ, возьметъ на себя трудъ убѣдить ростовщика, тотъ, конечно, не откажется, тѣмъ болѣе, что тутъ риска никакого нѣтъ и вещи за глаза стоятъ десять тысячъ... Если бы онѣ даже остались въ рукахъ ростовщика, то и тогда онъ заработаетъ пять тысячъ.

— Значить, вы хотите еще три тысячи? — прервалъ его Бергофъ.

— Да...

— Сумма большая...

— Но посудите сами...

— Минкесъ на это не согласится... можетъ быть, меньше...

— Ну, пусть двѣ...

— И это много.

— Меньше двухъ не могу, это minimum.

— Посмотримъ...

— Мнѣ нужно сейчасъ...

— Что же я могу для васъ сдѣлать?—Сухой дѣловой тоной доктора приводилъ въ отчаяніе Бергмана.

— Докторъ, вы должны для меня это сдѣлать... вы не знаете, въ какомъ я положеніи! — съ неподдѣльной искренностью воскликнулъ Бергманъ.

— Повѣрьте, если бы у меня самого были деньги...— сухо произнесъ Бергофъ.

— Поѣдемъ къ Минкесу! — вырвалось у Бергмана.

Докторъ нѣсколько мгновений молчалъ, соображая что-то; потомъ громко сказалъ:

— Хорошо, поѣдемъ... Вы сами убѣдитесь, какъ пріятно даже незаинтересованному человѣку имѣть дѣло съ ростовщикомъ.

— Повѣрьте, я никогда не забуду вашей услуги; — воскликнулъ Бергманъ, схвативъ руку доктора.

Докторъ былъ тронутъ искренностью адвоката.

ЛII.

Парадная дверь, ведущая въ квартиру Минкеса, противъ обыкновенія оказалась отпертой, и докторъ съ Бергманомъ безпрепятственно вошли въ темныя сѣни, хорошо, впрочемъ, знакомыя Бергофу. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ темномъ пространствѣ, Бергофъ смѣло повернулъ и, ощутивъ привычною рукой знакомую дверь, отворилъ ее. Слабый свѣтъ вырвался изъ комнаты и заигралъ на лицѣ доктора. Съ веселой улыбкой ступилъ онъ впередъ и вдругъ остановился какъ вкопанный. Слѣдовавшій за нимъ Бергманъ тоже остановился, не понимая въ чемъ дѣло; въ комнатѣ, насколько позволяла видѣть полурасстворенная дверь, повидимому, никого не было.

— Что же вы остановились на порогѣ... это нехорошо, это, говорить, ведетъ къ ссорѣ... Милости просимъ, дорогой гость, впередъ; не брезгайте, тутъ все свои...

Привѣтливый, обманчивый для слуха голосъ раздавался изъ глубины комнаты, но говорившаго еще не видно было, по крайней мѣрѣ, Бергманъ его не видѣлъ. Но не смотря на такое вѣжливое прѣстствіе, докторъ продолжалъ стоять на порогѣ, точно кто-то крѣпкими цѣпами приковалъ его къ этому мѣсту.

— Что же вы не идете... прошу васъ, заходите... тутъ чужихъ нѣтъ. А, съ вами еще кто-то... — Теперь уже Минкесъ стоялъ противъ доктора и злобно смѣялся ему въ глаза. Онъ имѣлъ дикій, растерянный видъ человѣка, пораженнаго неожиданнымъ извѣстіемъ и еще не успѣвшаго придти въ себя. Его круглые хищническіе глазки свѣтились недобрымъ огнемъ; на искаженномъ нависшими бровями и неправильными складками лицъ скользила гадкая улыбка, полная ненависти и отчаянія; вся его небольшая, но плотная фигура сгорбилась и въ этомъ положеніи напоминала разъяренную кошку, готовую броситься на врага...

Повади Минкеса стояли еще двѣ фигуры, одна высокая, стройная, съ гордой, величественной осанкой и смѣлымъ взоромъ, другая маленькая, тоненькая съ поникшей головой и выраженіемъ отчаянія въ огненныхъ глазахъ. При видѣ Бергофа послѣдняя слабо вскрикнула и пошатнулась; но ее вѣремя подхватила ея сосѣдка и удержала отъ паденія.

— Это моя Этя глупая вскрикнула... А это, это... Развѣ вы ничего не знаете?..

Бергофъ былъ блѣденъ и совершенно растеряннымъ взглядомъ озирался кругомъ. И Минкесъ, и Этя, и другая, повидимому, знакомая ему личность, всё онъ смѣшались въ его головѣ въ одно общее неясное представленіе. Въ особенности смущала его посторонняя личность, и онъ напрягалъ всё свои силы, чтобы припомнить, кто она и гдѣ онъ ее встрѣчалъ.

Небольшая мрачная комната съ мизерной обстановкой, желѣзнымъ шкапомъ и тусклымъ освѣщеніемъ казалась теперь суровымъ казематомъ, изъ котораго нѣтъ выхода... Тяжелое гробовое молчаніе царствовало кругомъ. Непонятное оцѣпенѣніе сковало вдругъ этихъ людей, сердца которыхъ бились разнородными чувствами. Ольга поддерживала дрожащими руками оцѣпенѣвшую отъ ужаса Этию. Минкесъ и Бергофъ стояли другъ

противъ друга, каждый въ той самой позѣ, которую они приняли при внезапной встрѣчѣ; неподалеку отъ доктора стоялъ Бергманъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на эту сцену, не понимая ея значенія. Все это длилось одно мгновеніе, но для присутствующихъ оно казалось цѣлой вѣчностью.

— Такъ это правда, докторъ? Такъ моя Этя не лжетъ?.. — произнесъ наконецъ Минкесъ, и его шипѣвшій отъ ярости голосъ заставилъ всѣхъ вдрогнуть. Онъ схватилъ доктора за руку и прямо посмотрѣлъ ему въ лицо.

Бергофъ въ ужасѣ отступилъ назадъ и что-то залепеталъ своими поблѣвшими губами. Минкесъ еще ближе подступилъ къ нему и поднялъ свою тяжелую руку..

Бергманъ бросился къ нему.

— Что вы, Минкесъ, съума сошли! — едва въ состояніи былъ онъ проговорить.

— Убирайся!.. тебя кто сюда призвалъ?!.. — заоралъ Минкесъ, грубо оттолкнувъ адвоката. — Всѣ вы таковы!.. — И затѣмъ снова обернулся къ доктору.

— Скажи, правда это, или нѣтъ?..

— Пустите меня.. — застоналъ Бергофъ.

— Скажи, правда ли это?..

— Пустите.. — Лицо Бергофа посинѣло; онъ едва дышалъ.

— Скажи сейчасъ!.. — съ дикой яростью вскричалъ Минкесъ.

— Пустите его, Минкесъ; я васъ умоляю..

Между ними стояла Ольга и, обхвативъ руки Минкеса, не выпускала ихъ. Отъ ужаса она вся дрожала и ей казалось, что она теряетъ сознание; грубая рука ростовщика съ силою вырвалась и замахнулась на нее. Но это было мгновеніе, менѣе чѣмъ мгновеніе... Онъ опустилъ руки и отступилъ... Бергофъ вдохнулъ...

— Его счастье, что вы тутъ... — глухо простоналъ Минкесъ. — Я теперь самъ все знаю.. Мнѣ не нужно его словъ... Я ему, все равно, не вѣрю.. Я его презираю... всѣхъ ихъ презираю.. Чѣмъ они лучше насъ!..

Онъ тяжело дышалъ; лицо его еще больше покраснѣло; вены на лбу надулись, виски стучали какъ два молота.

Въ эту минуту въ комнату, запыхавшись, вбѣжалъ рыжій Шмейрель.

— Минкесь!—вскричалъ онъ, но увидѣвъ Бергмана, бросился къ нему.

— А, вы тутъ, г. адвокатъ... Я такъ и зналъ, я догадывался... Но вамъ не удастся меня провести, я уже провѣдалъ ваши хитрости... Вы думаете такимъ образомъ и Минкеса надуть... Пусть и онъ все знаетъ...—И, обернувшись къ Минкесу, онъ злобно произнесъ:—А вѣдь онъ и вашу вексель возвратитъ Мудису...

Всѣ взоры невольно обратились сначала на Бергмана, потомъ на Минкеса.

Минкесь выступилъ впередъ и раскрылъ ротъ... Но вдругъ онъ покачнулся, точно зацѣпилъ что-то ногой, и всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ разомъ грохнулся объ полъ.

Эта отчаянно крикнула и бросилась къ отцу. Ольга и Шмейрель тоже кинулись къ Минкесу. Только Бергофъ и Берманъ не двигались съ мѣста, охваченные невольнымъ оцѣпенѣніемъ.

— Докторъ, помогите, скорѣе! Съ нимъ ударъ...—въ ужасѣ воскликнула Ольга.

— Помогите же!.. Что вы смотрите... Или вы забыли, что вы докторъ?..

Предъ Бергофомъ стоялъ Давидъ и тормозилъ его.—Ступайте же, или я пошлю за другимъ.

Бергофъ безсознательно нагнулся къ похолодѣвшему тѣлу.

ЛШ.

... То, что ты слышишь!—для большаго, вѣроятно, вразумленія и подбоченившись, повторила кухарка.

— Ты глупая баба и больше ничего...—презрительно махнувъ рукой, проговорилъ Аврумъ.

— Кто глупая баба? Я глупая баба!.. Ахъ ты безбожникъ, рыло иголочное... Богъ Израиля! Я глупая баба...—ревѣла во все горло кухарка, показывая шутному своимъ объемистые, себѣмъ не женскіе кулаки.

Нѣсколько любопытныхъ сосѣдокъ изъ смежнаго двора прибѣжали на крикъ и, не зная въ чемъ дѣло, стали орать вмѣстѣ съ кухаркой. Вскорѣ возлѣ домика Хазана собралась порядочная толпа, но никто не зналъ, изъ-за чего между Аврумомъ и кухаркой Хазана произошла ссора. Аврумъ былъ слишкомъ возбужденъ, чтобы давать удовлетворительные отвѣты, къ тому же, какъ герой событія, на которомъ сосредоточено теперь все вниманіе толпы, онъ невольно преисполнился нѣкоторой свѣси...

— Да что толковать съ нею!—произнесъ онъ съ достоинствомъ;—я одинъ знаю, куда уѣхалъ Хазанъ.

— Развѣ Хазанъ уѣхалъ?—послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Конечно, уѣхалъ...

— Куда? Зачѣмъ?

Толпа увеличивалась. Вѣсть о томъ, что Хазанъ уѣхалъ, переходила изъ устъ въ уста. Стали приставать къ Авруму, но онъ, вопреки своему обыкновенію, хранилъ гордое молчаніе. Только когда собрались его товарища-переселенцы со своими женами и дѣтьми и рѣшительно обступили его, требуя, чтобы онъ имъ сказалъ, гдѣ Хазанъ, онъ чистосердечно сознался, что ничего не знаетъ и самъ сюда явился за тѣмъ же, зачѣмъ и другіе, и если бы не эта лукавая вѣдьма...

Всѣ бросились къ кухаркѣ, но она подняла такой крикъ и вопль, что даже вызвала изъ сонной апатіи мѣстнаго городского, прибѣжавшаго творить судъ и расправу. При появленіи этого послѣдняго кухарка притихла и, подобно Авруму, заявила, что она знаетъ только то, что Хазанъ уѣхалъ, но куда и зачѣмъ—ей не извѣстно. Да и откуда ей знать... и если бы не этотъ безбожникъ Аврумъ, который хотѣлъ доказать, что онъ знаетъ больше чѣмъ она, она бы ни за что въ мірѣ...—Но ее больше не слушали. Кто-то въ толпѣ произнесъ роковое: «бѣжалъ» и это магическое слово сразу открыло всѣмъ глаза. До очевидности стало теперь ясно всѣмъ, что Хазанъ скрылся, и не одинъ, а съ тѣмъ кругленькимъ капитальцемъ, который онъ такъ усердно собиралъ для *полезы* Израилля... Это открытіе поразило толпу, въ особенности переселенцевъ, которые всѣ были уже тутъ на лицо. Слышались крики отчаянія, вздохи муж-

чинъ, вопли женщинъ;—Аврумъ больше всѣхъ кричалъ и даже билъ себя кулаками въ грудь: «онъ зналъ, что такъ будетъ, онъ предчувствовалъ это раньше и если бы его слушали»... Но его слова теперь ни на кого не дѣйствовали и терялись въ общемъ хорѣ. Кто-то предложилъ отправиться къ предсѣдателю комитета, такъ какъ онъ одинъ можетъ дать удовлетворительное объясненіе всему. Это предложеніе было принято единодушно, и вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, бросилась впередъ, предводительствуемая Аврумомъ. Онъ только теперь вспомнилъ, что Бергманъ сегодня утромъ былъ у Хазана, и его сообщеніе бросило новый свѣтъ на все дѣло.—«Безъ сомнѣнія Бергманъ въ стачкѣ съ Хазаномъ; иначе и быть не можетъ... И если только Аврумъ не вретъ, то нужно этого адвоката немножко потянуть за языкъ, пусть расскажетъ всю правду... Нельзя же въ самомъ дѣлѣ такъ безбожно обходиться съ сынами Израиля.»

Вся улица предъ квартирой Бергмана была запружена народомъ, толпа росла съ каждой минутой.—Проклятія и угрозы были у всѣхъ на устахъ. Однако, никто не отважился войти въ домъ и вызвать Бергмана.

Между тѣмъ Полина, придя въ себя послѣ сцены съ мужемъ, приняла быстрое рѣшеніе. То, о чемъ она такъ долго думала, въ чемъ колебалась, стараясь придать всему другой колоритъ, другую окраску, то должно совершиться. Еще только сегодня утромъ она была увѣрена, что нашла благопріятный исходъ и въ самомъ розовомъ свѣтѣ представляла себѣ будущую жизнь въ столицѣ подъ защитой довѣрчиваго мужа... Объ этомъ велись длинные и настойчивые переговоры, и она, наконецъ, настояла на своемъ. Мужъ будетъ съ нею, онъ будетъ съ нею выѣзжать и защищать отъ нападковъ глупаго свѣта... Все устроится, какъ нельзя лучше... И вдругъ все перевернулось, приняло другой оборотъ. Тѣмъ лучше!.. мысленно произнесла Полина въ ту минуту, когда въ пріемной раздалась знакомые ей шаги. Она подбѣжала къ зеркалу, наскоро поправила взбившуюся прическу, придала своему лицу заманчивую улыбку и вся сіяющая показалась въ дверяхъ.

Его превосходительство нагнулся къ протянутой рукѣ.

— Есть пріятныя вѣсти?

По условію Полина должна была сегодня переговорить съ мужемъ и склонить его на переѣздъ въ столицу, для принятія очень выгодной должности, которую его превосходительство такъ обязательно вызвался предоставить ему. Онъ теперь пріѣхалъ, чтобы узнать результаты переговоровъ.

Полина грустно покачала головой.

— Не соглашается?—встревоженно спросилъ сановникъ.

— Нѣтъ... Нѣсколько мгновеній она пристально слѣдила за выраженіемъ лица губернатора, потомъ вдругъ сказала:

— Но я рѣшительнѣе, чѣмъ вы предполагаете, ваше превосходительство.

Его пр—во схватила ея руку и поднесла къ губамъ.

— Такъ ли я васъ понялъ?.. — произнесъ онъ съ юношескимъ увлеченіемъ.

— Совершенно такъ...—Она вся улыбалась серьезной, торжественной улыбкой.

Неясный гулъ заставилъ ихъ обернуться. Они въ недоумѣніи взглянули другъ на друга и бросились къ окну. Глазамъ ихъ представилась густая толпа, загромодившая почти всю улицу. Губернаторъ въ испугѣ отскочилъ въ глубь комнаты.

— Что это?—едва могъ онъ произнести отъ страха.

— Что это?—вырвалось и у Полины.

Они оба были блѣдны и оба дрожали отъ ужаса. — Шумъ между тѣмъ все увеличивался; толпа съ угрозами и криками намирала впередъ; наступая, она снова отступала потомъ, точно волны, гонимыя вѣтромъ къ берегу. Среди общаго гула трудно было что нибудь разобрать; раза два, однако, до слуха Полины долетѣли имена Хавана и Бергмана. Она теперь все поняла.

Губернаторъ между тѣмъ все болѣе и болѣе терялся. Шумѣвшая на улицѣ толпа казалась ему зловѣщимъ призракомъ... Его гордая осанка и повелительный видъ исчезли и смѣнились старческой трусливостью... Онъ теперь былъ очень жалокъ, и еслибы Полина не была такъ взволнована и могла хладнокровно всмотрѣться въ эту старческую фигуру, она бы навѣрное отказалась отъ всѣхъ обѣщанныхъ прелестей заман-

чивой столичной жизни и съ преврѣніемъ отвернулась бы. Но осадное положеніе, въ которомъ они оба находились, нагнало на нихъ паническій страхъ. Толпа уже была у самихъ дверей; кто-то сильно постучалъ; голосъ Аврума портнаго былъ ясно слышенъ.

Вдругъ все разомъ притихло, но такъ, что у Полины даже морозъ пробѣжалъ по тѣлу. Она на цыпочкахъ подкралась къ окну и осторожно приподняла край шелковой занавѣски.

У самихъ дверей стоялъ Бергманъ, растерянный и блѣдный; возлѣ него какой-то господинъ во фракѣ со свѣтлыми пуговицами, а нѣсколько поодаль полицейскій офицеръ, за спиной котораго торчала маленькая головка рыжаго Шмейрля. Вся толпа съ Аврумомъ во главѣ въ глубокомъ молчаніи обступила небольшую группу.

Нѣсколько минутъ между Бергманомъ и незнакомымъ господиномъ продолжался разговоръ, послѣ чего оба въ сопровожденіи полицейскаго офицера сѣли на дрожки и уѣхали. Толпа съ неистовымъ крикомъ бросилась за ними.

Полина глубоко вздохнула.

— Гроза миновала!

— Еще бы! толпа меня видѣла...—И его превосходительство снова ловко приосанился...

LIV.

Минкеса похоронили. Неожиданная смерть отца такъ поразила Этю, что она серьезно заболѣла, и Ольгѣ пришлось остаться съ нею въ городѣ. Она тотчасъ же написала обо всемъ случившемся брату, и Ясинскій немедленно пріѣхалъ.

По поводу смерти Минкеса въ городѣ ходили разные слухи. Одни обвиняли во всемъ Бергофа, другіе Бергмана и рыжаго Шмейрля. Поведеніе доктора обсуждалось на всѣ лады со всевозможными комментаріями и примѣчаніями, и хотя находили его не джентльменскимъ, но уже не такимъ мерзкимъ, какъ иные думаютъ; напротивъ, болѣе осуждали Этю за ея вѣтренность и легкомысленное увлеченіе. «Подѣломъ ей, такъ ей и слѣдуетъ... вотъ чего захотѣла»... говорили строгія маменьки. Но при всемъ томъ отъ Бергофа всѣ отрещивались и знать

его не хотѣли. Да и онъ самъ покуда не показывался и никто даже не зналъ, въ городѣ ли онъ, или тайкомъ уѣхалъ. На поступокъ Бергмана смотрѣли гораздо снисходительнѣе и еслибы не подовѣрвали известной связи между нимъ и бѣгствомъ Хазана, то общественное мнѣніе всецѣло было бы на его сторонѣ: «помигуйте, житейское дѣло!».. Сожалѣли только, что онъ связался съ рыжимъ Шмейрлемъ, котораго все безъ исключенія осуждали и даже считали его виновникомъ всехъ бѣдъ... Этотъ рыжій — известный плутъ; какой благоразумный человѣкъ станетъ связываться съ нимъ... Не будь его, Бергманъ навѣрное не попался бы и все бы уладили домашнимъ образомъ.

Но если общественное мнѣніе съ легкимъ сердцемъ и не задумываясь диктовало приговоры героямъ послѣднихъ событий, то нѣсколько иначе относились люди, ближе стоявшіе къ этимъ героямъ.

Больше всехъ страдалъ старикъ Рейнгерцъ. Судьба не щадила его въ послѣднее время, и ея удары одинъ за другимъ сыпались на его голову. Ни къ чему не ведущіе переговоры съ Ауэрбахомъ и окончательная затѣмъ размолвка съ Давидомъ сильно подѣйствовали на него, въ особенности когда онъ убѣдился, какъ отъ этого страдаетъ Белла. Его виды на Бергофа разлетѣлись въ прахъ въ тотъ самый моментъ, какъ стало известно о смерти Минкеса и предшествовавшихъ ей событіяхъ. Онъ съ презрѣніемъ отвернулся отъ него и краснѣлъ при мысли, что даже одну минуту могъ думать о союзѣ своей Беллы съ такимъ человѣкомъ. Бѣгство Хазана тоже не мало поразило его, и онъ не могъ безъ глубокой грусти говорить объ этомъ; онъ утѣшался только тѣмъ, что эта общественная язва присуща не однимъ только евреямъ и скорѣе занесена къ нимъ извнѣ. Кто могъ думать, что этотъ святоша Хазанъ способенъ на такую подлость!.. Но въ особенности на него подѣйствовалъ арестъ Бергмана. Рыжій Шмейрель не удовольствовался обѣщаніемъ адвоката и донесъ на него прокурору, основывая свои показанія на небольшой записочкѣ, которую онъ разъ получилъ отъ Бергмана и о которой адвокатъ совсѣмъ забылъ. Арестъ Бергмана, впрочемъ, недолго

продолжался, такъ какъ Рейнгерцъ внесъ за него установленный залогъ; но потушить дѣло уже нельзя было и Бергманъ немедленно оставилъ городъ. Полина тоже вскорѣ уѣхала, чтобы, какъ она говорила, нѣсколько развеяться... По поводу ея отъѣзда носились въ городѣ разные слухи, въ которыхъ не послѣднюю роль играло совпаденіе его съ отъѣздомъ начальника губерніи.

Эта скандальная исторія сильно подѣйствовала на Рейнгерца и въ особенности на Беллу, которая и безъ того немало страдала. Такъ грустно закончившаяся размолвка съ Давидомъ не давала ей покоя. Обдумывая все случившееся, она все болѣе и болѣе приходила къ заключенію, что она иначе не могла и не должна была поступить; тѣмъ не менѣе она не могла примириться съ мыслью, что ея отношенія къ Давиду навсегда покончены. Теперь она болѣе чѣмъ когда либо чувствовала, какъ сильно она его любитъ и какъ эта любовь растетъ пропорціонально препятствіямъ, ей поставленнымъ. Порою у нея являлось необузданное желаніе увидѣть Давида, раскрыть предъ нимъ свою душу и протянуть ему руку примиренія. Если онъ повинился предъ нею и принесъ ей полное раскаянье, почему же не пойти ему на встрѣчу?

Но если онъ любитъ и продолжаетъ любить другую? Какое право она имѣетъ стать ему поперегъ дороги, требовать отъ него такой жертвы для себя... Чѣмъ окупится эта жертва?.. И цѣлый рядъ мучительныхъ мыслей и воспоминаній снова проходилъ въ головѣ Беллы. Прежде она не разъ спрашивала себя: зачѣмъ Давидъ сдѣлалъ такой ложный шагъ, когда онъ ея не любилъ и не могъ любить? Этотъ жгучій вопросъ былъ для нея непостижимъ, и она долго не могла найти ему удовлетворительнаго объясненія. Но потомъ она все поняла, и поведеніе Давида, казавшееся съ перваго раза столь страннымъ, нашло оправданіе въ глубинѣ ея души... И она все-таки не откликнулась на его зовъ, все-таки отвернулась отъ него въ ту минуту, когда онъ показывалъ ей раны своего сердца... Почему?! И задавая себѣ этотъ вопросъ, она логически наткнулась на другой: — Что же теперь дѣлать? Неужели оставить такъ... Онъ просилъ ея поддержки, а она отвернулась отъ него... Должна

ли она закрывать глаза на все? Онъ ея не любить... Но онъ сказалъ, что никогда не измѣнитъ своему долгу... Какже она могла оттолкнуть его? Развѣ его долгъ не ея долгъ? развѣ ихъ цѣли не сходятся?.. Но чѣмъ виновата та дѣвушка, которая тоже его любить? Какое дѣло этой дѣвущкѣ до этого суроваго долга! Что общаго она имѣетъ съ этимъ долгомъ? Она любить и хочетъ быть любима... Предъ этимъ послѣднимъ аргументомъ меряли и ступевывались всѣ мысли и вопросы, которые такъ неотступно преслѣдовали Беллу. Она чувствовала себя побѣжденной и готова была сложить оружіе. Но чрезъ минуту тѣ же вопросы выступали съ новой силой и еще съ большею настойчивостью требовали отвѣта. Этотъ отвѣтъ она, наконецъ, нашла въ признаніи Давида, въ его послѣднемъ объясненіи съ нею. Если онъ соглашался бросить свое личное счастье на алтарь долга, то почему же это невозможно и для нея, и для той дѣвущки... Она не ищетъ болѣе любви Давида, но и та дѣвушка должна отказаться отъ него... Долгъ выше любви,—и Давидъ останется вѣренъ долгу... Она это сдѣлаетъ... она заставитъ ее сказать ему, что она его не любить и не можетъ любить... И глубокіе, подернутые грустью глаза Беллы засверкали непоколебимой рѣшимостью.

LV.

Въ домѣ Ясинскаго всѣ ходили на цыпочкахъ, начиная отъ самого Ясинскаго и кончая прислугой, выписанной изъ деревни. Этя медленно поправлялась. Она лежала въ той самой комнатѣ, гдѣ уже разъ провела такую ужасную и тревожную ночь. Ольга не отходила отъ ея постели, хотя врачи увѣряли, что симптомы нервнаго потрясенія уже миновали и что больная находится внѣ опасности. Но Ольга ихъ не слушала. Удары судьбы, обрушившіеся на голову этой несчастной дѣвущки, трогали Ольгу, и она еще больше привязалась къ Этѣ. Участь этой дѣвущки тревожила ее и она всецѣло была занята одной мыслью, какъ бы ей возратить преждевременно разбитое счастье. О себѣ и своихъ сердечныхъ ранахъ она совсѣмъ забыла. Послѣ объясненія съ Давидомъ произошло такъ много

событій, что она не имѣла времени остановиться на своемъ внутреннемъ мірѣ, обдумать свое положеніе. Опасность, грозившая брату, несчастье, постигшее Эту, наконецъ, нравственныя страданія Давида, все это были такіе вопросы, которые требовали сильной, напряженной мысли. Въ особенности ее теперь занимало положеніе Давида. Отъ брата она узнала, что Давидъ разошелся со своею невѣстой изъ-за фанатической придирчивости отца Беллы, какъ увѣрялъ Ясинскій. Но если ея братъ искренно вѣрилъ въ выставленную Давидомъ причину разрыва съ невѣстой, то она этой причинѣ не вѣрила, потому что она знала другую, она ее чувствовала и ея чувство ее не обманывало. Ея объясненіе съ Давидомъ не оставило въ ней никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ ее любитъ; но въ то же время она понимала, что ихъ любовь не можетъ принять реальную форму безъ тяжелыхъ жертвъ со стороны Давида. Она это теперь отлично сознавала и терзалась при мысли, что эти жертвы при данныхъ обстоятельствахъ должны дѣлать именно Давидъ, а не она... Съ Давидомъ она объ этомъ не говорила, но она понимала его состояніе и страдала наравнѣ съ нимъ. Она теперь еще больше любила его, чѣмъ когда либо. Только теперь, когда она въ одинаковой степени съ нимъ переживала тревожившіе его *адскіе вопросы*, когда она, такъ сказать, силой обстоятельствъ была вовлечена въ эту безмолвную, но жестокую трагедію—теперь только она постигла, что значитъ быть не *такимъ человекомъ*, какъ всѣ, не пользоваться всѣми человѣческими правами, быть втиснутымъ въ узкія, искусственно созданныя рамки, быть жертвой господствующихъ предрасудковъ, не смѣть имѣть своего нравственнаго облика. Всѣ ея теоретическія представленія и отвлеченныя умозрѣнія, всѣ сложившіяся убѣжденія, все это было «звукъ пустой» предъ горькой дѣйствительностью... Но она и Давидъ любятъ другъ друга... Кто смѣетъ ихъ разлучать?.. какое имъ дѣло до гнилыхъ предрасудковъ... какой гнилой мозгъ ихъ создалъ?..

Разъ, когда подъ вліяніемъ этихъ и подобныхъ имъ размышленій она, наконецъ, рѣшилась положить конецъ этому мучительному состоянію и вызвать Давида на окончательное

объясненіе, въ комнату вошла служанка и объявила, что какая-то барышня хочет ее видѣть.

— Какая барышня?—встрепенувшись проговорила Ольга и велѣла пригласить ее въ комнату. Въ дверяхъ показалась стройная фигура молодой дѣвушки въ скромномъ платьѣ и темной вуали, которая мѣшала видѣть ее лицо. Она нерѣшительно ступила впередъ, пугливо озираясь кругомъ.

Ольга поднялась ей на встрѣчу.

На дворѣ стояли уже сумерки, но отъ времени до времени послѣдніе лучи заходящаго солнца еще бросали свой золотистый отблескъ кругомъ. Нѣсколько мгновеній неизвѣстная посетительница стояла противъ Ольги, какъ бы изучая выраженіе ея лица, потомъ тихо, едва слышно сказала:

— Не осуждайте меня за мой, быть можетъ, необдуманый поступокъ; я явилась къ вамъ безъ вашего позволенія... я хотѣла васъ видѣть...

Голосъ незнакомки на минуту оборвался; не смотря на все свое стараніе, она не могла скрыть свое волненіе.

Внезапная мысль промелькнула въ головѣ Ольги и отъ этой мысли сердце у нея судорожно сжалось.

Она приблизилась къ незнакомкѣ и схватила ее за руку.

— Вы невѣста Давида!—проговорила она быстрымъ, прерывистымъ голосомъ.

— Да...

Обѣ молодыя дѣвушки стояли другъ противъ друга, взволнованныя, охваченныя разнородными чувствами. Белла была блѣдна, но черты ея лица дышали стойкой рѣшимостью; напротивъ, Ольга казалась растроганной, и на ея длинныхъ рѣсницахъ дрожали слезы. Слабый солнечный лучъ ворвался въ комнату и своимъ блѣдно-пурпуровымъ свѣтомъ озарилъ обѣихъ дѣвушекъ; потомъ онъ сразу исчезъ, и въ комнатѣ водворился сѣрый полумракъ.

Ольга первая прервала молчаніе.

— Что я могу для васъ сдѣлать?—съ участіемъ спросила она.

— Лично для меня ничего, — сказала Белла. — Я явилась сюда, не какъ невѣста Давида; я не домогаюсь больше его любви; она не мнѣ принадлежитъ... но я хочу, чтобы онъ не

сошелъ съ того пути, на который ступилъ... Вы любите Давида и онъ васъ любитъ,—дрожащимъ голосомъ продолжала Белла.—Я это знаю... Но вы другъ другу не можете принадлежать... Вы должны отказаться отъ этой любви... Вы должны сказать ему это...

Ольга была еще всецѣло подѣ влияніемъ принятаго ею рѣшенія, и суровое требованіе Беллы показалось ей нелѣпнымъ абсурдомъ, дикимъ диссонансомъ, рѣжущимъ слухъ.

— Ваши слова меня поражаютъ,—сказала она не безъ явнаго раздраженія. — Не скрываю отъ васъ, я люблю Давида; но могу васъ увѣрить, что не я виновата въ этомъ прискорбномъ событіи и я не сдѣлала ни одного шага къ тому...

— Я васъ не виню... воскликнула Белла.

— Но чего же вы отъ меня хотите?

— Я хочу, чтобы вы отказались отъ него, даже въ томъ случаѣ, если онъ будетъ требовать вашей любви...

— Имѣете ли вы такое право?..

— Да, имѣю,—горячо произнесла Белла.—Но потомъ приблизилась къ Ольгѣ и тихо взяла ее за руку.

— Не зависть и не дурное чувство говоритъ во мнѣ, повѣрьте,—сказала она глубоко трогаящимъ голосомъ.—Счастье Давида для меня дороже моего, потому что я его люблю... Но не въ настоящее время ему думать объ этомъ счастья... Это время еще не наступило... Теперь онъ не принадлежитъ себѣ, а тому несчастному племени, которое стонетъ отъ разбѣдающихъ его тѣло язвъ... Кто облегчитъ страданія этого несчастнаго, если и такіе люди, какъ Давидъ, отвернутся отъ него... А онъ отвернется, они другъ отъ друга отвернутся, какъ враги, если чувство восторжествуетъ надъ долгомъ... Этого не должно быть! Вы сами должны удержать его отъ этого...

Мертвая тишина господствовала въ комнатѣ. Беллы уже не было, а Ольга все еще стояла на прежнемъ мѣстѣ, погруженная въ глубокое раздумье. Суровыя, но сильно прочувствованныя слова Беллы еще звучали въ ея устахъ и отражались въ самыхъ глубокихъ тайникахъ ея души. — Неужели нѣтъ другого исхода, кромѣ того, который предлагаетъ Белла? Подчиниться долгу?.. Какому? Что это за долгъ, и долго ли онъ

еще будетъ тѣснить людей въ своихъ жесткихъ рамкахъ? Когда же будетъ конецъ? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ? Развѣ гнилыя преграды могутъ удержать сильный потокъ здороваго чувства?.. въ волненіи спрашивала она себя. А ей въ отвѣтъ снова звучали слова Беллы.

Мало по малу она успокоилась и требованіе Беллы перестало казаться ей абсурдомъ. Напротивъ, она находила, что иначе она не можетъ и не должна поступать. Она рѣшилась объясниться съ Давидомъ и затѣмъ уѣхать на время, пока все не уляжется и не наступитъ болѣе благопріятное время.. Когда же оно наступитъ? Съ этимъ вопросомъ она легла въ постель, и онъ долго еще во снѣ тревожилъ ее.

Непривычный шумъ и бѣготня въ домѣ разбудили ее ранѣе обыкновеннаго. Она позвонила, и вбѣжавшая служанка объявила ей, что баринъ велѣлъ закладывать лошадей, чтобы ѣхать въ деревню.

Это извѣстіе показалось Ольгѣ неправдоподобнымъ, такъ какъ Ясинскій вовсе не собирался въ деревню и вчера ей также ничего не говорилъ объ отъѣздѣ. Она вскочила съ постели и, наскоро одѣвшись, выбѣжала къ брату.

Ясинскій былъ уже почти готовъ къ отъѣзду; онъ имѣлъ встревоженную и озабоченную видъ.

— Что случилось?—испуганно спросила Ольга.

— Ничего, успокойся. Я получилъ только что записку отъ Давида; онъ ночью уѣхалъ въ деревню... Да вотъ и записка— прочти...

Ольга взяла записку и прочла:

«Только что получилъ извѣстіе, что между рабочими происходятъ безпорядки. Немедленно уѣзжаю. Не хочу тебя тревожить ночью; вѣроятно, ничего серьезнаго нѣтъ. Если найдешь нужнымъ, пріѣзжай. Кланяйся сестрѣ».

— Ну, что ты скажешь?—спросилъ Ясинскій.

Ольга не сразу отвѣтила и нѣсколько мгновеній что-то обдумывала. Потомъ она рѣшительно сказала:

— Я тоже ѣду съ тобою.

LVI.

.... «Отец не может нахвалиться тобою. Въ тебѣ одномъ онъ видитъ воплощеніе своихъ надеждъ и упованій. Съ тобою и отъ тебя начнется новая эра для нашего заблудшагося и несчастнаго народа—твердить онъ безпрестанно и, не скрою, я вѣрю ему. Дай Богъ, чтобы сила и твердость не измѣняли тебѣ на избранномъ пути и чтобы твой шагъ служилъ примѣромъ для многихъ... Скоро отецъ выступитъ всенародно съ проповѣдью... Все уже къ тому приготовлено... Какъ это все примутъ наши единовѣрцы!.. Меня страхъ беретъ при одномъ воспоминаніи объ этой торжественной минутѣ. Ты непременно долженъ быть здѣсь, съ нами... Твое присутствіе необходимо: оно воодушевитъ отца... и мнѣ самой не будетъ такъ страшно. Отецъ проситъ, чтобы ты непременно пріѣхалъ, да и я присоединяюсь къ нему: я уже такъ давно тебя не видала»...

Самуиль читалъ и перечитывалъ это письмо и каждый разъ находилъ въ немъ что нибудь новое. Что можетъ быть для юноши пріятнѣе похвальнаго слова, исходящаго изъ устъ его возлюбленной! — Но это была не просто хвала, тутъ было и что другое, болѣе возвышенное; онъ это чувствовалъ, онъ это осязалъ въ каждой буквѣ письма, въ своемъ собственномъ сердцѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ между нимъ и Давидомъ произошло столь желанное для него объясненіе, Самуиль во многомъ перемѣнился. Слова Давида хотя и не убѣдили его, но произвели на него глубокое впечатлѣніе и заставили его болѣе критически относиться къ себѣ и своимъ поступкамъ. Хотя онъ продолжалъ твердо держаться своихъ воззрѣній, но нѣкоторые доводы Давида все же пошатнули почву подъ его ногами, и онъ теперь съ меньшею увѣренностью ступалъ впередъ, чѣмъ прежде. Письмо Рахиди вызвало въ немъ прежній энтузіазмъ, и зародившееся было въ его душѣ нѣкоторое сомнѣніе снова смѣнилось фанатическимъ увлеченіемъ.

Скрывавъ письмо, онъ пошелъ отыскивать Боруха; онъ хотѣлъ сообщить ему о важной новости, о которой ему писала

Рахиль и которую онъ и его здѣшніе друзья ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ.

Боруха нигдѣ не было и никто не зналъ, куда онъ ушелъ. Въ послѣдніе дни Борухъ сталъ все чаще и чаще пропадать, манкируя даже работой, къ которой онъ прежде относился съ такимъ усердіемъ. Это даже начало бросаться въ глаза остальнымъ рабочимъ, и болѣе дальновидные изъ нихъ говорили, что это къ добру не поведетъ. Всѣмъ было уже извѣстно, что Борухъ навѣщаетъ Ганку, и крестьяне, при встрѣчѣ съ евреями, дразнили ихъ Борухомъ, говоря, что онъ крестится. Разъ даже отецъ Софронъ проболтался кому-то, что скоро будетъ свадьба Боруха, но на это никто не обращалъ вниманія, такъ какъ не вѣрили ни крестьянамъ, ни священнику. Въ этотъ день Борухъ ушелъ еще съ утра и цѣлый день не возвращался. Наступилъ вечеръ, а онъ не приходилъ. Самуиль и его товарищи стали беспокоиться и, когда настало утро, двое изъ рабочихъ отправились въ деревню, чтобы узнать, гдѣ Борухъ и не случилось ли съ нимъ чего нибудь.

Вскорѣ они возвратились съ печальною вѣстью, что Борухъ сидитъ у священника. Это лаконическое извѣстіе взволновало всѣхъ, не исключая и Самуила. Онъ вдругъ вспомнилъ о своемъ недавнемъ разговорѣ съ Борухомъ, и страшное подозрѣніе возникло у него въ головѣ. Пригласивъ съ собою двухъ товарищей, онъ отправился въ деревню, чтобы самому проверить принесенное извѣстіе и узнать подробности.

Онъ прямо направился къ священнику, но стоявшій у воротъ паренъ не пустилъ его. Самуиль толкнулъ парня и ворвался со своими товарищами во дворъ, но паренъ подвѣлъ крикъ, и вся дворня отца Софрона, преимущественно бабы, выбѣжала и съ гиканьемъ бросилась на Самуила. Онъ долженъ былъ отступить, не видя ни Боруха, ни священника. Тогда онъ отправился къ избѣ, гдѣ жила Ганка, но изба оказалась запертой. Не зная, что предпринять, онъ пошелъ въ шинокъ, въ надеждѣ узнать кое-что у старика шинкаря. Опасаться имъ теперь было нечего, такъ какъ всѣ рабочіе были въ полѣ. Въ шинкѣ они застали мельника. Онъ тоже явился сюда за тѣмъ

же, во тѣмъ и они; неприятная вѣсть дошла и до него: завтра должно произойти крещеніе Боруха и вѣнчаніе его съ Ганкой.

— Вы это навѣрное знаете?—вскричалъ Самуиль.

— Еще-бы!—грустно сказалъ мельникъ.

Шинкаръ тоже подтвердилъ его слова. Самуиль былъ пораженъ. Этотъ шагъ казался ему теперь ужаснымъ, и именно теперь, когда въ городѣ готовилось такое важное торжество. Онъ не могъ не сознавать всѣхъ неприятныхъ послѣдствій этого случая для ихъ дѣла, тѣмъ болѣе, что это случилось съ его другомъ, что онъ къ этому причастенъ. Ужасъ и отчаяніе охватили его; онъ рѣшился во что бы то ни стало воспрепятствовать этому. Мельникъ, шинкаръ и двое его товарищей, исходя совершенно изъ другихъ соображеній, тоже были того мнѣнія, что этого допустить нельзя и что нужно непременно вырвать Боруха изъ охватившихъ его путь... Планъ дѣйствія быстро сложился у Самуила. Теперь всѣ мужики въ полѣ; достаточно нѣсколькихъ человекъ, чтобы ворваться въ домъ священника... онъ поговорить съ Борухомъ и надѣется его урезонить; если же тотъ не согласится—они силою заставятъ его идти за ними... Одинъ изъ парней, сопровождавшихъ Самуила, убѣжалъ на гумно и вскорѣ явился съ нѣсколькими рабочими. Самуиль посвятилъ ихъ въ свой планъ, и они всѣ вмѣстѣ направились къ священнику. Но на этотъ разъ уже не одинъ парень стоялъ у воротъ. Цѣлая куча мужиковъ и бабъ встрѣтила ихъ со смѣхомъ и бранью. Самуиль просилъ пропустить его одного къ священнику, но мужики громко осмѣяли его, а одинъ полушьяный парень даже толкнулъ. Не долго думая, Самуиль отвѣсилъ ему полновѣсную пощечину. Это произвело свое дѣйствіе, и на минуту всѣ притихли. Но какъ только первое впечатлѣніе прошло, мужики бросились на Самуила. Начался рукопашный бой по всѣмъ правиламъ, причемъ Самуиль и его товарищи принуждены были отступить къ шинку. Мужики послѣдовали за ними. Въ шинкѣ бой возобновился, но тотчасъ же былъ прекращенъ хитрымъ шинкаремъ, который поспѣшилъ поставить на столъ нѣсколько кружекъ съ виномъ и водкой.

— Вотъ, молодець, шинкаръ; люблю... крикнулъ одинъ ве-

седый мужикъ.—Зачѣмъ намъ на кулачкахъ драться; лучше съ чаркой повоюемъ... Развѣ не правду я говорю?

— Правду, правду!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Эй, мельникъ, поди сюда! Давай, Боруха пропьемъ... Онъ уже не вашъ, баста! И чего вы, дурни, хорохоритесь... Будто наша вѣра не лучше вашей... Шинкаръ, говори, развѣ не такъ?..

Самуилъ и мельникъ незамѣтно выскользнули изъ избы. Оба были крайне встревожены.—Что тутъ дѣлать?

— Дѣло плохо,—сказалъ мельникъ, пожавъ плечами. Но чрезъ минуту продолжалъ:—Знаешь, что я придумалъ: нужно вызвать изъ города Давида; онъ одинъ можетъ тутъ помочь: онъ друженъ съ попомъ, да и Борухъ его побойтся...

— Но онъ не поспѣетъ... сказалъ въ отчаяніи Самуилъ.

— Нѣтъ, поспѣетъ,—съ увѣренностью произнесъ мельникъ.—Мои лошади тутъ; если я теперь выѣду, то ночью буду въ городѣ, а къ утру мы будемъ обратно... Какъ разъ поспѣемъ.

— Другого ничего не придумаешь,—согласился Самуилъ.

Когда остальные рабочіе узнали о случившемся, общее негодование охватило всѣхъ. Всѣ побросали работы и, не смотря на увѣщанія Самуила, бросились въ деревню; удержать ихъ не было никакой возможности. Въ это время народъ сталъ уже возвращаться съ поля, и вокругъ шинка собралась уже порядочная толпа. Толковали о завтрашнемъ праздникѣ и крещеніи Боруха. При приближеніи евреевъ толпа принялась отпущать разныя шутки, но такъ какъ евреи не обнаруживали раздраженія, то дѣло не приняло серьезнаго оборота, и оба лагеря продолжали мирно переговариваться. Въ шинкѣ раздавался веселый шумъ; пропивали Боруха, но все еще не успѣли его пропить.

— Ишь какой большой!—съострилъ по этому поводу маленькій мужиченко въ изодранной свиткѣ и съ лукавыми глазками.

— А у тебя, небось, слюнки текутъ, поддразнилъ его другой.

— Чего текутъ.. захочу, и я пойду пропивать.

— Только за этимъ дѣло и стало,—засмѣялись нѣкоторые.

— Анъ и пойду!.. И обидѣвшійся мужичокъ направился къ дверямъ, сопровождаемый хохотомъ и шутками.

— Смотри нѣ подавись...

- Борухъ изъ косточекъ весь...
- Что, какъ станеть понерегъ горла...
- И значить: подавится жидомъ, потому онъ еще не крещень...
- И грѣхъ на душу возьметъ...
- А Ганка ему глаза выпарапаетъ...
- Экъ дѣвка ежидная... словно щука зубастая...
- Ха, ха, ха... Ты что, жидъ, на меня буркалы вытирация?..

Изъ шинка доносились шумъ и веселая ругань. Только и слышно было, что «Борухъ и Ганка». Евреи держали себя въ сторонѣ и не принимали участія въ попойкѣ. Только разъ за весь вечеръ между однимъ парнемъ и какимъ-то рабочимъ-евреемъ произошла маленькая перебранка, окончившаяся, впрочемъ, ничѣмъ, такъ какъ толпа, вопреки ожиданію, была мирно настроена. Ночь прошла спокойно. Но раннимъ утромъ, при первомъ ударѣ церковнаго колокола, всѣ рабочіе-евреи, точно сговорившись, собрались возлѣ дома священника. Мужики не обратили на это никакого вниманія и стали собираться на церковной паперти, въ ожиданіи прихода попа съ Борухомъ.

Долго ждали отца Софрона; нѣкоторые успѣли даже сбѣгать въ шинокъ, вернуться оттуда, еще разъ сбѣгать и еще разъ вернуться.

Наконецъ, отецъ Софронъ вмѣстѣ съ Борухомъ показался на крылечкѣ своего дома; но тотчасъ же почему-то кинулся назадъ. На крыльцо, засвиставъ предварительно въ воздухъ, упалъ довольно объемистый камень; въ этотъ же моментъ гдѣ-то раздался трескъ разбитаго стекла, потомъ другой, и на нѣсколько мгновеній въ воздухѣ задрезбужало...

Вокругъ дома священника вмигъ собралась громадная толпа. Всѣ въ недоумѣннн смотрѣли другъ на друга; стекла продолжали звенѣть и камни свистать въ воздухъ. Какан-то баба начаянно очутилась на пути летѣвшаго камня и отчаянно завизжала. Со всѣхъ сторонъ бѣжалъ народъ; церковь и шинокъ опустѣли, а вокругъ дома священника происходило что-то неслыханное... Всѣ смѣшались въ одну кучу, въ которой ничего нельзя было разобрать. Наступившая было на мгновенье злобѣщая

тишина разразилась вдругъ неистовымъ гуломъ; отчаянный вопль опалѣвшей бабы послужилъ сигналомъ.

— Ой, родненькіе, ратуйте! жида убили...

И этотъ знаменательный призывъ не недолго оставался безъ отвѣлика. Все смѣшалось. Слышны были только отчаянные крики; дикіе возгласы оглаивали воздухъ; руки и колья перекрещивались, описывая въ пространствѣ самые затѣйливые зигзаги; у нѣкоторыхъ руки и платья были уже въ крови; на землѣ уже валялось нѣсколько человѣкъ; ихъ топтали, и стоны ихъ раздавались въ воздухѣ...

Самуилъ прибѣжалъ въ тотъ самый моментъ, когда разъяренная толпа, преслѣдуя бѣглецовъ, съ дикими криками бѣжала по направленію къ шинку. Съ его появленіемъ бѣглецы остановились на минуту и снова повернулись къ толпѣ... На мгновенье Самуилу удалось отгѣснить нападающихъ. Но тотчасъ опять все смѣшалось... Евреи бросились въ шинокъ и заперли двери; но вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, налегла, и двери съ трескомъ рухнули... Въ дверяхъ стоялъ Самуилъ, весь блѣдный и дрожащій.

— Не входите сюда! — крикнулъ онъ.

— Вонъ его, ребята...

— Именемъ Христа, не ходите сюда...

— Вонъ его, вонъ его...—И толпа налегла сильнѣе... Раздался глухой крикъ, и Самуилъ съ грохотомъ повалился на порогъ. Толпа ворвалась въ шинокъ.

Вмѣстѣ съ толпою ворвался и Давидъ. Среди общей схватки въ тѣсномъ пространствѣ, при трескѣ летѣвшей посуды и звонѣ разбитыхъ стеколъ, голосъ его не могъ быть услышанъ. Тогда онъ вскочилъ на скамью и изъ всѣхъ силъ закричалъ. Но въ это мгновенье онъ почувствовалъ, какъ что-то тяжелое быстро придавило ему черепъ; у него потемнѣло въ глазахъ, а въ ушахъ появился сильный звонъ; онъ пошатнулся и упалъ, а стоявшій позади парень, продолжая размахивать дубинкой, вскочилъ на его мѣсто. Образовавшееся на минуту пустое пространство снова было занято человѣческимъ тѣломъ...

Солнце медленно садилось. Багряно-красный свѣтъ его лучей золотилъ верхушки окрестныхъ холмовъ; сосѣдній дѣсъ точно пылалъ въ огнѣ, а свѣтло-розовый фонъ неба придавалъ всей окрестной мѣстности торжественно-спокойный видъ. Одинъ изъ такихъ лучей прокрался въ комнату и заигралъ на мертвенно-блѣдномъ лицѣ Давида. На мгновенье онъ очнулся и открылъ глаза. Предъ нимъ на колѣняхъ стояла Ольга. Онъ слабо улыбнулся ей и потомъ опять впалъ въ забытѣе. Ольга судорожно зарыдала.

* * *

Что же дальше? Мы вполнѣ признаемъ законность этого вопроса и справедливое любопытство читателя. Но мы не менѣе его любопытны и сами бы желали знать: Что же дальше? Къ ожалѣнію мы не можемъ дать на этотъ вопросъ даже сколько нибудь удовлетворительный отвѣтъ, такъ какъ всѣ наши поиски за свѣдѣніями о судьбѣ нашихъ героевъ не увѣнчались успѣхомъ. Носились только слухи, что докторъ Бергофъ женился на Этѣ, и первымъ дѣломъ его, по полученіи наслѣдства Минкеса, было предъявить документы на Ясинскаго. Бергманъ поселился въ столицѣ и играетъ видную роль, а его супруга поражаетъ всѣхъ своей красотой и блескомъ своихъ нарядовъ. Онъ честно расплатился съ рыжимъ Шмейрлемъ и тотъ сдѣлался ростовщикомъ, занявъ мѣсто Минкеса. Носились также слухи, что Хазанъ вернулся въ К** и Аврумъ портной опять сталъ питать надежду на переселеніе въ Святую землю.

С. Ярошевскій.

ПРОРОКИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЭТЮДЪ ЭДУАРДА РЕЙССА.

(Окончаніе) *.

Естественная ассоціація идей удалила насъ немного отъ нашего главнаго предмета, впрочемъ, только кажущимся образомъ; ибо въ основѣ все, что мы сказали, болѣе или менѣе близко связано съ тѣмъ, что называютъ партикуляризмомъ пророковъ и что мы предпочли бы называть ихъ патриотизмомъ. Ибо, повторяемъ, къ нимъ несправедливы, претендуя ихъ оторвать отъ міра, среди котораго они жили, отъ его нуждъ, его интересовъ и отъ его страданій. Они съ полнымъ правомъ могутъ требовать титула патриотовъ, не только потому, что это имя напоминаетъ о качествахъ и трудахъ, достойныхъ похвалы и удивленія, но и потому, что оно представляетъ иногда вмѣстѣ съ тѣмъ и менѣе похвальное чувство, но общее народамъ во всѣ древнія времена, именно враждебность къ иноплеменнику. Мы должны приготовить нашихъ читателей къ тому факту, что они найдутъ у всѣхъ этихъ писателей, не исключая и одного изъ тѣхъ, которые жили до возстановленія храма, во время Кира, многочисленныя мѣста, гдѣ эта антипатія обнаруживается съ возрастающимъ пыломъ, по истинѣ могущимъ поразить насъ. Въ самыхъ большихъ сборникахъ мы даже встрѣчаемъ спеціальныя коллекціи полемическихъ произведеній этого рода **, и вслѣд-

* См. „Восходъ“ кн. XI.

** Авторъ видимо намекаетъ на пророчества Гешаіагу относительно разныхъ народовъ, обнимающія главы XIII—XXIII. Намъ тутъ нечего защищать пророковъ, тѣмъ болѣе, что авторъ это самъ превосходно дѣлаетъ ниже. Мы только

ствіе того, что они всё соединены вмѣстѣ, впечатлѣніе, получаемое отъ всѣхъ этихъ проклятій, самое сильное, самое тяжелое. Современное чувство отказывается слѣдовать за патриотизмомъ на этомъ поприщѣ*; попадаетъ такая картина, гдѣ проклятіе не соблюдаетъ никакой мѣры и гдѣ гнѣвъ переходитъ какъ бы въ остервенѣніе. И вотъ даже по отношенію къ этимъ элементамъ мы осмѣливаемся требовать смягчающихъ обстоя-

напомнимъ, что даже въ этихъ пророчествахъ противъ злѣйшихъ враговъ и мучителей ихъ родины, которую они довели до гибели, великій колоссъ пророческаго міра возвышается до самой трогательной любви къ тѣмъ; которыхъ онъ проклинаетъ, но часто съ болью въ сердцахъ. Сами эти картины несчастій, которыя онъ предсказываетъ враждебнымъ народамъ, представлены съ такою грандіозною силою души и гениа, что онъ скорѣе способенъ внушить глубокою болью и состраданіе къ этимъ народамъ, чѣмъ радость за постигшее ихъ мщеніе, не смотря на всю къ нимъ ненависть. И эти чувства боли испытываетъ пророкъ. Рисуя гибель Моаба, онъ говоритъ: «Сердце мое стонетъ за Моаба, котораго бѣглецы спасаются до Цора, до Эгласъ-Шелихія; ибо съ плачемъ поднимаются они на Духисъ, и ихъ крики боли наполняютъ дорогу въ Хоронимъ» (XV, 5). Ниже, пророкъ идетъ еще дальше и возвышается до какой-то недосягаемой нравственной высоты; сердце его переполняется той чудной, чистой, трогательной любовью, которая была знакома однимъ только пророкамъ и никому больше, и онъ говоритъ: „И подобно бродячей безъ пріюта птицѣ, подобно спугнутому гнѣзду будутъ дочери Моаба на переходахъ Арнона (рѣка въ Палестинѣ). Поспѣши къ нимъ съ совѣтомъ, поступиай справедливо; укрой въ полдень словно ночью тѣню спасающихся; не выдавай преслѣдуемыхъ. Пускай среди тебя живутъ скитальцы Моаба, будь имъ прикрытіемъ противъ разрушителя; ибо гнѣть прекратится, исчезнетъ грабежъ на землѣ. И на милосердіи воздвигнется престолъ. и будетъ на немъ воссѣдать правдою, въ шатрѣ Давида судья, ищущій правды и другъ справедливости“ (XVI, 1—5). Пророчества противъ Египта онъ заканчиваетъ слѣдущею примирительною, трогательною картиною: „И въ этотъ день Израиль будетъ третьимъ союзникомъ Ассиріи и Египта, и тогда на землѣ будетъ царствовать благословеніе, которымъ благословить ее Господь Цеваосъ, говоря: благословенъ да будетъ народъ мой Египетъ. дѣло рукъ моихъ асуръ (Ассирія) и наследіе мое Израиль“ (XIX, 24—25). Вотъ до какой возвышенной терпимости вознмшается пророкъ въ своихъ проклятіяхъ противъ убійцъ своего народа. Вотъ какова ихъ ненависть, до которой никто еще не возвысился и въ любви..

Перев.

* Намъ тутъ нечего напоминать о кровавомъ патриотизмѣ, наполняющемъ всю исторію послѣднихъ девятнадцати столѣтій почти безъ всякаго перерыва, вплоть до нашихъ дней включительно.

тельство и представить факты въ гораздо менѣе неблагопріятномъ свѣтѣ.

Мы для этого не выставимъ различія религій. Ибо хотя пророки боролись энергично противъ паганизма, но они его встрѣчали въ средѣ, непосредственно ихъ окружавшей, и повтому не могли дѣлать различія между своими соотечественниками и иноплеменниками. Между прочимъ ненависть религиозная бываетъ обыкновенно взаимна, и мы не видимъ, чтобы въ эти отдаленныя времена, когда народы любили смѣшивать своихъ боговъ и свои культы, евреи могли страдать отъ своихъ сосѣдей изъ-за такой причины. Безъ сомнѣнія, въ этихъ тирадахъ противъ сосѣднихъ народовъ, идолопоклонство имѣетъ свою долю проклятій; но оно также является предметомъ насмѣшки и ироніи, и мы легко видимъ, что истинную причину этихъ порывовъ надо искать въ другомъ. Мы себѣ ее объяснимъ легче, если примемъ во вниманіе политическое и социальное положеніе еврейскаго народа, какимъ оно было въ эпоху пророковъ, которыхъ произведенія мы имѣемъ передъ нами. Не смотря на недостатки, на какіе можно было еще указать въ административномъ управленіи, подъ конецъ Іудея дошла до сноснаго социальнаго строя; народъ приучился къ полевымъ работамъ; стали уже даже понимать выгоды торговли естественными продуктами страны. Больше всего нуждались въ мирѣ и безопасности. Но политическое могущество народа уже находилось въ упадкѣ, военная слава великой эпохи уступила мѣсто слабости, доведенной до безсилія, а внутреннія войны между обоими царствами окончательно истощили всѣ средства къ сопротивленію. Съ другой стороны, окрестные народы, исключая тѣхъ, которые населяли берега Средиземнаго моря, оставались въ томъ состояніи дикой свободы, изъ котораго евреи раньше вышли послѣ долгихъ усилій; и за этими дикими народами уже подымались великія могущества завоевателей верхней Азіи и долины Нила. Войны были обычнымъ, ежедневнымъ явленіемъ, если только можно называть войнами нападенія грабительскихъ ордъ, которыя видѣли свою славу въ разрушеніи посѣвовъ и въ похищеніи скота и людей; особенно похищеніе людей поддерживалось сосѣдствомъ большихъ рынковъ рабо-

промышленниковъ финикійцевъ, куда прѣзжали запасаться греки, которые сами были пиратами и мародерами. Изъ двухъ царствъ Эфраима и Иуды, одно надало подѣ упорными ударами ассиріанъ, другое покупало за деньги право существовать еще нѣкоторое время, до того момента, когда прійдетъ наконецъ и его очередь. Эти непрерывныя несчастья зародили и поддерживали глубокую скорбь въ душѣ патриотовъ, которые видѣли дѣло цивилизаціи погибающимъ и торжество святого защищаемого ими дѣла остановленнымъ нескончаемыми войнами, которыя они въ глубинѣ души ненавидѣли. И такъ какъ у нихъ не было никакого средства дѣйствовать на варварскіе народы, которые не оцѣнивали выгоды устойчиваго и правильнаго строя и не знали другого источника обогащенія, какъ разбой, то понятно, что это сознание своего безсилія ихъ пріучило къ мысли, что Богъ правосудія когда нибудь предстанетъ со своими громами, чтобы уничтожить этихъ хищниковъ и установить миръ. Удивительная вещь! Эти самые варвары были разсматриваемы пророками, какъ воспитательное орудіе въ рукахъ Провидѣнія; они какъ-будто ихъ призываютъ всѣми своими пожеланіями, чтобы исправить другими средствами неисправимый народъ. Но когда они появлялись, сопровождая свое появленіе рядомъ преступленій и ужасовъ, пророки первые, видя вокругъ себя развалины, начинали взывать о мести съ удвоенною энергіею.

Чтобы не быть несправедливымъ, надо поэтому принять во вниманіе этотъ порядокъ вещей, который продолжался въ теченіе вѣковъ и почти безъ одной минуты отдыха. Воспоминаніе о немъ даже стало изглаживаться только тогда, когда маленькая колонія восстановленнаго Іерусалима, такъ сказать исчезла въ громадной персидской имперіи, и могла наконецъ, по отношенію внѣшнихъ опасностей, пользоваться спокойствіемъ, какого пророки никогда не знали въ свою эпоху. Но не надо забывать и другого элемента, который только служить къ чести пророковъ, именно, что въ своихъ видѣніяхъ будущаго, о которыхъ мы еще будемъ говорить, они рѣдко выпускали изъ виду примиреніе со всѣми иноплеменными народами, съ тѣми по крайней мѣрѣ, которыхъ обиды и неистовства оставили менѣе глубокіе слѣды. Но даже и тѣ народы,

которые причинили еврейскому народу наибольшее несчастій, не всегда исключены изъ участія въ благополучіи, общанномъ перерожденному и очищенному міру. Можно съ удовольствіемъ видѣть, какъ самыя мрачныя картины, самыя злобѣщія предсказанія легко переходятъ въ славную перспективу обращенія всѣхъ язычниковъ къ религіи единого, истиннаго Бога, ихъ притока въ святилище Сіона, братства всѣхъ народовъ. Это доказываетъ, что проявленія противоположнаго рода, отмѣченныя нами выше, не вытекали изъ мелкаго и узкаго національнаго эгоизма, но объясняются обстоятельствами, независимыми отъ воли пророковъ.

Вотъ еще послѣднее замѣчаніе и не менѣе важное изъ тѣхъ, которыя мы должны были сдѣлать по поводу того, что называютъ партикуляристическою тенденціею ихъ ученія. Правда, что они не переставали побуждать евреевъ къ изолированію себя, и что они хотѣли разорвать всѣ сношенія между ними и сосѣдними народами, съ которыми однако должны были находиться въ ежедневномъ соприкосновеніи, тѣмъ болѣе прямо, дружескомъ или враждебномъ, что ихъ собственная территория была очень не велика. Съ нашей современной точки зрѣнія, ктонибудь могъ бы дѣлать имъ за это упрекъ. Мы теперь полагаемъ, что сношенія все болѣе и болѣе близкія различныхъ національностей, обмѣнъ идей и произведеній двигаютъ впередъ цивилизацію; въ этомъ философъ, занимающійся вопросомъ о возможности достиженія уничтоженія войнъ, видитъ единственный дѣйствительный способъ осуществленія этой утопіи. Пророки не становились на эту точку зрѣнія. Для нихъ конецъ войнъ, какъ мы это видѣли, зависѣлъ отъ средства, остающагося независимымъ отъ нашихъ соображеній. Что же касается того, что составляетъ элементы цивилизаціи, то имъ въ этомъ отношеніи или нечему было научиться у своихъ сосѣдей, или же они пренебрегали тѣмъ, что тѣ могли имъ предлагать. Торговля на ихъ взглядъ была только источникомъ порчи, а международнымъ отношеніямъ они расточали охотно тѣ же самыя фигуральныя эпитеты, которыя въ другихъ мѣстахъ давали политеизму, и аллегорія о блудницѣ встрѣчается

столь же часто въ этомъ примѣненіи, какъ и въ томъ, о которомъ мы говорили раньше *.

Исторія намъ показываетъ, что всѣ эти горячіе призывы къ совершенному отдѣленію отъ чужеплеменника оказывались безъ всякаго вліянія за весь этотъ періодъ, когда пророки оставались на сценѣ и преслѣдовали свою задачу съ безпримѣрною ревностью. Можно было думать, что ихъ проповѣди не достигли никакой цѣли. А между тѣмъ онѣ должны были произвести глубоко неизгладимое впечатлѣніе на умы тѣхъ, которые позже взялись за возстановленіе государства. Отдѣленіе дѣлается нѣкоторымъ образомъ основою, фундаментальнымъ принципомъ новой конституціи, и этотъ-то принципъ даетъ возможность бѣдному, слабому населенію, забытому всѣмъ міромъ, пройти безъ препятствій вѣка своего второго дѣтства такимъ образомъ, чтобы спасти сокровище своихъ религіозныхъ традицій до того момента, когда другіе народы стали достаточно подготовленными, чтобы принять ихъ въ свою очередь. Если монотеизмъ былъ сохраненъ, если іудаизмъ имѣлъ счастье и заслугу сохранить нетронутымъ этотъ кладъ, если, наконецъ, христіанство сдѣлалось возможнымъ, въ человѣческомъ смыслѣ слова, то міръ всѣмъ этимъ обязанъ пророкамъ, имъ, помѣшавшимъ народу, которому Провидѣніе послало ихъ въ руководители, смѣшаться съ другими народами, притягательная сила которыхъ безъ этого была бы почти неодолимою. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ напомнить объ ихъ великомъ правѣ на благодарность потомства, что они сами истощились и исчерпались въ усиліяхъ, на видъ какъ будто бесплодныхъ, чтобы обезпечить побѣду своихъ идей **, не доживъ до того, чтобы даже ви-

* Намъ кажется, что это одно и то же. На языкѣ пророковъ «предаваться блуду съ чужими народами» было абсолютно тождественно съ выраженіемъ «предаваться блуду съ чужими богами». Такъ что собственно негодованіе вызывали у пророковъ не сами эти близкія сношенія съ сосѣдними народами, а то, что эти сношенія *непремѣнно и всегда* вовлекали евреевъ въ идолопоклонство и призывали имъ другіе мераости и пороки, какъ это доказываетъ каждая страница Библии.

П е р е в.

** Буквально было бы: „чтобы обезпечить его (это право) за собой“. Но такъ какъ читатель могъ бы иначе понять это мѣсто, то я немного измѣнилъ переводъ, передавъ мысль автора, но не форму.

П е р е в.

дѣтъ зарю того дня, когда они должны были осуществиться.

Изъ всего того, что мы сказали, видно, что этотъ партикуляристическій элементъ въ теологіи и ученіи пророковъ можетъ быть понятъ и объясненъ такимъ образомъ, что онъ вовсе не заслуживаетъ упрековъ, которые иные слишкомъ иногда спѣшили ему дѣлать. Напротивъ того, онъ оправдывается болѣе чѣмъ въ одномъ отношеніи, и если мы бросимъ обратный взглядъ на исторію человѣчества въ теченіи вѣковъ, предшествовавшихъ христіанству, то навѣрное, безъ затрудненія признаемъ, что еврейскій народъ былъ дѣйствительно тѣмъ, о чемъ его пророки не переставали ему говорить, и чему онъ самъ въ началѣ вѣрилъ съ столь большимъ трудомъ, именно народомъ привилегированнымъ надъ всѣми, націею избранною.

Есть еще одинъ послѣдній элементъ въ теологіи пророковъ, о которомъ мы должны еще сказать слово, прежде чѣмъ закончить нашъ эскизъ. Это именно тотъ элементъ, на который мы сдѣлали намекъ въ самомъ началѣ нашего изслѣдованія: ихъ идеи относительно будущаго. Мы уже сказали, что провозглашеніе будущихъ событій не входило въ ихъ близкую, непосредственную цѣль. Дѣло такимъ образомъ идетъ только о томъ, чтобы объяснить себѣ истинный характеръ этихъ многочисленныхъ предсказаній, дающихъ ихъ произведеніямъ столь особенный характеръ.

Да, пророки говорятъ о будущемъ и говорятъ о немъ часто, то чтобы предсказывать несчастья и катастрофы, то, особенно, чтобы въ блестящихъ и иногда фантастическихъ картинахъ рисовать вѣкъ мира, правды и счастья, какого свѣтъ еще не видѣлъ. Они его описываютъ такими живыми красками, съ такою рѣшительною силою убѣжденія, что читатель просвѣщенный, находящійся подъ влияніемъ уроковъ изученной имъ исторіи, можетъ съ перваго раза видѣть въ этомъ одну только фантазію и иллюзію; онъ остается холоднымъ на виду самыхъ пламенныхъ вдохновеній, и эти наивныя надежды, опровергаемыя фактами, вызываютъ въ немъ улыбку, и притомъ не всегда сочувственную. Между тѣмъ не надо слишкомъ торопиться произнести неблагоприятное сужденіе о такомъ взглядѣ на будущность человѣчества. Правда, что этотъ взглядъ, повидимому

обнаруживаетъ отсутствие практическаго смысла, тѣмъ болѣе удивительнаго, что вообще объ картины, картина настоящаго печальнаго и преступнаго, и картина будущаго, счастливаго и добродѣтельнаго, слѣдуютъ другъ за другомъ безъ всякаго перехода. Это перемѣны декораціи, сдѣланныя мгновенно и причины которыхъ не выставлены. Между тѣмъ мы думаемъ, что можно разсматривать эти *пророчества* (ибо здѣсь терминъ находится на своемъ мѣстѣ въ общепринятомъ смыслѣ понятія) еще съ другихъ точекъ зрѣнія, могущихъ измѣнить сужденіе, которое могли бы дать о нихъ какъ рациональная критика, такъ и народное и освященное мнѣніе.

Прежде всего слѣдуетъ признать, что нигдѣ нѣтъ вопроса о специальныхъ предсказаніяхъ относительно опредѣленныхъ фактовъ. Что бы ни говорила раньше, да еще и теперь, мало соображающая критика, пророчество всегда остается на общностяхъ. Всѣ заключающіяся въ ней описанія подробностей подчинены абстрактной идеѣ, которая внушила само пророчество, которая дала мѣсто воплощающейся, такъ сказать, въ немъ картинѣ.

Примѣры противнаго, которые иные такъ любятъ приводить, доказываютъ только одну вещь, именно что наукѣ только позже удалось открыть естественный смыслъ такого-то мѣста, важность такого-то историческаго намека, значеніе такого-то выраженія, или наконецъ подвергнуть сомнѣнію нетронутость такого-то текста. Такъ, когда пророкъ говоритъ о томъ, что Господь призвалъ своего сына изъ Египта *, то тутъ очевидно изъ текста, что дѣло идетъ о прошломъ еврейскаго народа. Когда другой пророкъ называетъ Кира освободителемъ Израиля **, то ясно, что этотъ авторъ былъ современникомъ этого персидскаго *** царя, а не жилъ за двѣсти лѣтъ раньше

* Ошея XI, 1.

** Иеш. XVI, 1.

*** Какъ доказали два недавно найденныхъ въ раскопкахъ Вавилона памятника, Киръ никогда не былъ персидскимъ царемъ.. На одномъ изъ этихъ документовъ, историческая важность которыхъ не поддается никакой оцѣнкѣ (этотъ документъ представляетъ собою цилиндръ изъ кирпича, покрытый надписью, рассказывающей о вступленіи Кира въ городъ и о мѣрахъ, имъ предпринятыхъ для возстановленія культа вавилонскихъ боговъ), Киръ самъ о себѣ

его. Когда третій пророкъ предсказываетъ, что рабство Израиля будетъ продолжаться семьдесятъ лѣтъ, и что послѣ этого Вавилонъ будетъ разрушенъ и роли переменятся (Герм. XXV, 11), то всякій пойметъ, что тутъ дано только круглое число, а не точный счетъ для провѣрки. Въ другихъ мѣстахъ постороннія руки ввели въ текстъ замѣчанія, имѣвшія цѣлью опредѣлять съ точностью будущія событія (Иеш. VII, 8; XIX, 18).

Затѣмъ, если близко присмотрѣться, то мы убѣждаемся, что всѣ предсказанія пророковъ условны; ихъ осуществленіе зависитъ главнымъ образомъ отъ самого народа, т. е. отъ его нравственныхъ и религиозныхъ наклонностей. Его коренное перерожденіе на пути права и справедливости, исполненіе обязанностей, полное подчиненіе волѣ Господней—суть необходимыя условія наступленія золотого вѣка, которому необходимо будетъ предшествовать строгій судъ, тяжелая очистка.

Что касается самага этого золотого вѣка, то первое, что слѣдуетъ замѣтить, такъ это то, что пророки суть единственные философы, поэты или проповѣдники всей древности, которые искали его въ будущемъ. Никогда они не говорятъ объ этомъ вѣкѣ, какъ о періодѣ, освѣщавшемъ своими лучами колыбель человѣчества. И что касается первой эпохи суще-

говоритъ слѣдующимъ образомъ: „Я Киръ, царь легионовъ, царь великій, царь могущественный, царь Вавилона, царь Зумира и Аккада, царь четырехъ странъ, сынъ Камбиза, царя великаго, царя Сузіаны (на памятникѣ это имя пишется *an-ga-an*; эта страна, которой столица была Сузы и которая у семитовъ носила названіе *Эламъ*) внукъ Кира, царя великаго, царя Сузіонъ, правнукъ Сисписа, царя великаго, царя Сузіаны, древняго потомка царской фамиліи, которой власть любить Бель и Небо (боги вавилонскіе)“⁴. Такимъ образомъ не только самъ Киръ, но и его предки никогда не были персидскими царями. Эти же два документа блестяще опровергаютъ мнимый монотеизмъ Кира, а вмѣстѣ съ тѣмъ до крайности нелѣпное мнѣніе тѣхъ, которые утверждали, что евреи только послѣ изгнанія сдѣлались монотеистами, подъ вліяніемъ Кира. Напротивъ какъ замѣчаетъ г. Жозефъ Галеви, одинъ изъ самыхъ блестящихъ ориенталистовъ настоящаго времени, объяснившій эти документа, никогда политенемъ не развился до такой сильной степени, какъ при Кирѣ, и если евреи, не смотря на это, все-таки возвратились монотеистами, значить, ихъ монотеизмъ былъ уже твердо установленъ раньше. См. *Cyrus et le retour de l'exil*, par Joseph Halewi „Revue des études juives, t. 1, 1880.

ствованія націи, то будучи далеки отъ того, чтобы жалѣть о будто бы прекрасныхъ дняхъ, къ несчастью, навсегда прошедшихъ, какъ это дѣлаютъ наперерывъ греческіе и латинскіе поэты, какъ, въ свою очередь, не преминули это сдѣлать теоретики исторіи христіанства;—они, напротивъ того, утверждаютъ самымъ яснымъ образомъ, что пороки и заблужденія, въ которыхъ они упрекаютъ своихъ современниковъ, были также свойственны ихъ предкамъ, даже въ тотъ самый моментъ, когда Іегова удостоилъ ихъ заключить съ ними торжественный союзъ на Синаѣ.

Пускай всякій поразмыслить теперь о томъ, сколько заключается благороднаго и благотворнаго въ подобномъ направленіи мысли, на сколько спасительнѣе для всего человѣчества, какъ и для отдѣльной личности, устремлять свои взоры къ будущему, вмѣсто того, чтобы изнывать въ безплодныхъ сожалѣніяхъ о невозвратимомъ прошломъ. Какихъ элементовъ силы, мужества, стойкости не найдетъ народъ, у котораго цѣль стремленія находится постоянно впереди!

И вотъ еврейскій народъ, больше чѣмъ какой-бы то ни было другой, обладалъ этимъ элементомъ, этимъ неистощимымъ съменемъ своей духовной жизни. И онъ имъ обязанъ своимъ пророкамъ, хотя онъ созналъ это только тогда, когда уже ихъ могущественные голоса давно перестали раздаваться вокругъ него.

Теперь скажемъ, что къ этимъ пророческимъ картинамъ нѣтъ надобности примѣнять скальпель критическаго анализа, для того, чтобы провести демаркаціонную линію между сущностью и формою. Пускай всякій старается пользоваться цѣлымъ, какъ оно представляется, не заботясь ни о требованіяхъ нашего холоднаго размышленія, ни о законахъ, которыми въ настоящее время управляютъ вкусъ и краснорѣчіе. Надо хорошо проникнуться сознаніемъ факта, что торжество дѣла Единаго Бога, торжество истины и правосудія, составляетъ истинный и единственный предметъ всѣхъ этихъ картинъ, и тогда пускай всякій себя спроситъ, не показываетъ ли уже одинъ выборъ предмета необычайную возвышенность идей, не говоря уже о красотахъ исполненія. Пускай къ этому примѣшаются патріотическія надежды, пускай Израиль, единственный народъ, по-

знавшій Бога, останется центромъ челоѣчества, вокругъ котораго будутъ группироваться другіе народы, то въ качествѣ союзниковъ, то въ качествѣ вассаловъ. Неужели кто нибудь станетъ вмѣнять все это въ преступленіе людямъ, вѣрившимъ въ особенное откровеніе, о которомъ имъ говорила исторія и котораго они себя сознавали органами; людямъ, которые на всемъ обширномъ пространствѣ, куда могъ простираться ихъ взоръ, видѣли кругомъ только тьму, матеріализмъ и деморализацію? Если, въ чемъ они не могли сомнѣваться, Богъ дѣйствительно открылся когда-то поколѣнію, которое ничѣмъ не было лучше другихъ, то Его обѣщанія не могли быть тщетными и обманчивыми; и въ такомъ случаѣ на нихъ лежитъ обязанность напомнить объ этихъ обѣщаніяхъ своему народу и о томъ, что онъ долженъ сдѣлаться ихъ достойными. Если они твердо вѣрятъ въ наступленіе всеобщаго міра, то какой другъ челоѣчества, лелѣющій ту же идею, станетъ ихъ порицать за то, что они прибавили идиллію о волкѣ и ягненкѣ, пасущихся братски вмѣстѣ? Если въ своихъ трогательныхъ заботахъ о своихъ соотечественникахъ, разбѣянныхъ по всему міру хищничествомъ и изгнаніемъ, они ожидаютъ ихъ освобожденія и ихъ возвращенія въ славную эпоху всеобщаго возстановленія, то кто станетъ пожимать плечами, когда они заставляютъ переходить этихъ дорогихъ, оплакиваемыхъ братьевъ черезъ бесплодную пустыню, превратившуюся вдругъ подъ ихъ руками въ цвѣтущую ниву, гдѣ импровизированные источники журчатъ для того, чтобы утолять ихъ жажду, и гдѣ возникшія только наканунѣ деревья предлагаютъ имъ свою гостепріимную тѣнь?

Наконецъ, какъ единство Бога, Верховнаго Владыки міра, есть основной тезисъ теологіи пророковъ, такъ единство земной и національной власти есть его естественное послѣдствіе. Ихъ идеаль есть царь, который соединилъ бы въ своемъ лицѣ всѣ качества, украшающія слугу Господа и могущія служить для счастья людей. Это уже одно показываетъ, какъ невѣрно о нихъ судили, приписывая имъ республиканскія стремленія. Иегова ввѣритъ управление своимъ народомъ одному изъ сыновей Давида, отпрыску избраннаго дома Ишайдовъ, и внушитъ ему духъ мудрости, духъ правосудія, духъ могущества и бла-

гочестія, для того, чтобы онъ могъ быть на высотѣ своей миссіи. Въ одно и то же время побѣдитель и миротворецъ, онъ утвердитъ безопасность границъ и удалитъ съ земли всѣ войны. Мечи будутъ превращены въ сошники для плуга, и чужепленные цари сдѣлаются вассалами Израиля. Обѣ вѣтви націи, теперь раздѣленные и враждебныя другъ другу, будутъ снова соединены подѣ скипетромъ этого владыки, и его власть будетъ распространена до границъ земли. Онъ установитъ царство справедливости; Израиль будетъ священнымъ и вѣрнымъ народомъ. Но политическій элементъ будущаго начертанъ вездѣ съ извѣстною предпочтительностью и самыми блестящими красками. Надежды, которыя связаны съ личностью помазанника Бога, качества, которыя должны его характеризовать, иногда, кажется, превосходятъ границу того, что могутъ представлять качества и средства обычнаго смертнаго человѣка. Его царство должно продолжаться безконечное время. Въ другихъ мѣстахъ, впрочемъ, говорится о династическомъ унаслѣдованіи, и въ другихъ отношеніяхъ представляемая тамъ картина будущаго болѣе соответствуетъ дѣйствительности.

Какъ бы то ни было, эта идея, выраженная сначала съ твердою увѣренностью тремя пророками второй половины восьмого вѣка, менѣе часто возобновляется ихъ преемниками, изъ которыхъ одни ее совершенно оставляютъ, между тѣмъ какъ другіе представляютъ ее болѣе блѣдными красками. Однако она не была совсѣмъ потеряна изъ виду; она потомъ пробудилась съ совершенно новою энергіею, чтобы сдѣлаться наслѣдіемъ всего народа въ болѣе новую эпоху, когда этотъ народъ былъ удрученъ испытаніями не менѣе жестокими, чѣмъ тѣ, которыя древніе пророки испытали или предвидѣли. Эта идея въ концѣ стала исходною точкою религіознаго переворота, болѣе важнаго, чѣмъ всѣ, ему предшествовашіе *.

Если ко всему сказанному мы прибавимъ неоспоримый фактъ, что еврейскіе пророки, какъ, между прочимъ, и всѣ ихъ преемники, ожидали осуществленія своихъ надеждъ въ до-

* Здѣсь мы опускаемъ нѣсколько строкъ, впрочемъ, не очень важныхъ для хода изслѣдованія.

вольно близкомъ будущемъ, хотя не непосредственно,—то всякій убѣдится, что нѣтъ надобности ставить вопросъ, на сколько ихъ предсказанія сбылись. Вообще не надо останавливаться на частныхъ чертахъ ихъ видѣній, ни въ особенности искать въ нихъ точныя данныя относительно событій послѣдующихъ вѣковъ. Заглядывающая назадъ экзегетика, умудряющаяся находить и поэтому дѣйствительно находящая у нихъ то, что она узнала изъ исторіи, — очень малонадежная руководительница въ пониманіи произведеній пророковъ. Тѣмъ не менѣе пророчество своимъ духомъ и своими идеями счумѣло пережить, во всемъ, что въ немъ было существеннаго и вѣчно-истиннаго, создавшія и возрастившія его условія. Освобожденное отъ своего политическаго и національнаго элемента, оно возвысилось надъ превратностями мірскихъ дѣлъ, и человѣчество, какъ бы далеко оно еще ни было отъ назначенной ему Провидѣніемъ цѣли, можетъ только слѣдовать направленію, которое пророчество первое намѣтило.

IV.

Мы закончимъ нѣсколькими замѣчаніями относительно литературнаго характера пророческихъ книгъ, ограничиваясь, однако, замѣчаніями общаго значенія и предоставляя себѣ дѣлать характеристику всякаго отдѣльнаго автора при изученіи его произведеній въ частности.

Послѣ того, что было сказано объ ихъ назначеніи и объ условіяхъ ихъ общественной дѣятельности, какъ мы ихъ видимъ то совѣтниками царей, то народными ораторами, естественно является склонность разсматривать и ихъ произведенія, какъ рѣчи. Этотъ послѣдній терминъ, который, по истинѣ говоря, здѣсь употребленъ вовсе не неумѣстно, послужилъ къ распространенію и къ установленію мысли, что всѣ доставшіяся намъ отъ пророковъ сочиненія суть ничто иное, какъ поученія, которыя въ началѣ были произнесены передъ такими или иными слушателями, а потомъ записаны и собраны. Такъ какъ эта манера практиковалась также и у другихъ народовъ и въ разныя времена, то это понятіе само по себѣ не имѣетъ

ничего страннаго, и одно уже названіе пророка, съ которымъ тѣсно соединяется какъ на еврейскомъ, такъ и на греческомъ языкѣ, понятіе, о живой, торжественной рѣчи, какъ бы доказываетъ справедливость предположенія.

Мы такимъ образомъ не станемъ абсолютно опровергать это мнѣніе. Мы охотно признаемъ, что въ этой литературѣ заключаются элементы, къ которымъ названіе рѣчей можетъ быть примѣнено безъ большихъ затрудненій. Такъ, Іерміагу намъ рассказываетъ (въ XXXVI гл.), въ одной изъ самыхъ интересныхъ страницъ его книги, что онъ велѣлъ записать свои пророчества только на двадцать пятомъ году своей пророческой дѣятельности. Однако это утвержденіе не надобно принимать слишкомъ буквально, такъ какъ уже раньше онъ говоритъ нѣсколько разъ о собраніи своихъ произведеній (гл. XXIX и XXX). Другой примѣръ. Если мы будемъ читать внимательно эти нѣсколько страницъ, оставшихся намъ отъ Хаги, современника возстановленія храма, то легко убѣдимся, что до насъ дошелъ только простой и краткій резюме объ участи этого пророка въ этомъ дѣлѣ своими увѣщаніями, обращенными къ переселенцамъ, чтобы побудить ихъ снова взяться за столь долго оставленную работу. Рѣчи, которыя, какъ думаютъ, онъ произносилъ въ разныхъ случаяхъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ, суть только эскизы и не могутъ быть названы рѣчами. Въ другихъ мѣстахъ, какъ, напр., въ нѣкоторыхъ главахъ Амоса, и особенно въ большинствѣ текстовъ Ошеи, крайняя краткость стиля, а слѣдовательно, и его неясность, таковы, что нѣтъ возможности допустить, чтобы это было точное воспроизведеніе рѣчи, обращенной живымъ голосомъ къ народу; ибо этотъ послѣдній не былъ бы въ состояніи слѣдить за ораторомъ и понять его. Если всѣ эти пророки дѣйствительно обращались съ своими рѣчами къ народнымъ собраніямъ, то слѣдуетъ предполагать, что мы обладаемъ однимъ только сжатымъ содержаніемъ поученій, болѣе обширныхъ и изложенныхъ въ болѣе доступной формѣ для массъ, на которыя они должны были дѣйствовать. Мы бы могли привести еще примѣры въ доказательство того, что если нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что пророки-писатели были также и

ораторами, то изъ этого все-таки не слѣдуетъ заключить, что рѣчи, которыя они могли произносить по какому нибудь случаю, и произведенія, оставленные ими потомству, суть одно и то же, и что, читая эти послѣднія, мы можемъ себѣ составить вѣрное понятіе о первыхъ.

Но мы пойдемъ еще дальше. Мы настаиваемъ, что большинство текстовъ, которые мы имѣемъ отъ пророковъ—мы сказали бы даже: почти всѣ—суть ничто иное, какъ литературныя произведенія, и никогда не были произнесены публично, въ формѣ рѣчей. Пускай насъ только хорошо поймутъ: мы не говоримъ, что это названіе рѣчей, прилагаемое къ различнымъ частямъ, вошедшимъ въ книгу пророковъ, не было бы совсѣмъ удачно выбрано, если принять во вниманіе свойственный имъ стиль; мы только говорили о томъ, какимъ способомъ дошли эти произведенія въ первый разъ до тѣхъ, для которыхъ они предназначались. Еще менѣе хотѣли мы внушить мысль, что могла бы существовать какая-нибудь разница въ томъ, что касается самой основы ученія, между устной проповѣдью и тѣмъ, что мы позволимъ себѣ назвать кабинетною работою пророковъ, плодами которой мы пользуемся еще теперь.

Такъ, чтобы цитировать только такіе примѣры, гдѣ сказанное нами подтверждается самымъ очевиднымъ образомъ и по которымъ можно будетъ судить объ остальныхъ, достаточно сказать, что Іезекіиль самымъ положительнымъ образомъ никогда не обращался къ слушателямъ, а всегда къ читателямъ, которыхъ, естественно, онъ себѣ представлялъ присутствующими. Здѣсь есть такъ мало основанія для сомнѣнія, что мы не потратимъ ни одного слова для подтвержденія нашего мнѣнія: тексты сами говорятъ ясно. То же самое мы скажемъ объ анонимномъ произведеніи, которое въ нашихъ библіяхъ образуетъ вторую половину книги Іешаіагу и котораго содержаніе (это послѣднее, съ точки зрѣнія политическаго положенія Іудей того времени, можно назвать революціоннымъ) исключаетъ всякую возможность о публичномъ его провозглашеніи. Большая часть книги Іерміагу составлена въ формѣ мемуаровъ. Разказы многихъ пророковъ о своемъ первомъ при-

званіи или о началѣ ихъ дѣятельности, безъ сомнѣнія, отнюдь не имѣютъ характера рѣчей, произнесенныхъ когда либо публично (Іеш. VI; Іерм. I; Іезекк. I, 11).

Прочтите книгу Нахума и спросите себя по чистой совѣсти, какого рода слушателей можно бы предположить собравшимися вокругъ него, чтобы слушать его поэзію. Книга Хабакука до того художественно расположена, что можетъ явиться желаніе ее назвать драматическимъ произведеніемъ; сцены, которыя тамъ слѣдуютъ другъ за другомъ, требуютъ долгаго и обдуманнаго изученія, и то, что составляетъ ея главную заслугу, совершенно исчезаетъ для поверхностнаго наблюдателя; тѣмъ болѣе трудно думать о произнесеніи всего этого гдѣнибудь на площади передъ случайными слушателями. Эпическія рапсодіи грековъ не могутъ быть здѣсь приведены, какъ доказательство противнаго: онѣ не имѣютъ ничего общаго съ поэзію пророковъ.

Все это заставляетъ насъ сказать нѣсколько словъ о стилѣ этихъ произведеній. Въ общемъ, если принять во вниманіе построеніе текста, можно сказать, что онъ составляетъ середину между прозою и поэзію, хотя въ различныхъ степеняхъ. Иногда, но довольно рѣдко, онъ заимствуетъ у послѣдней даже искусственную форму строфы (Іезек. XIX. Іеш. IX, 7 и слѣд. Амось I, II). Болѣе часто онъ старается приблизиться къ поэзіи параллелизмомъ (риемъ по смыслу, о которомъ сказано въ введеніи къ псалмамъ) *, не принуждая себя однако

* Для того, чтобы читатель могъ уяснить себѣ, что авторъ понимаетъ подъ приемомъ смысла, приведу его опредѣленіе изъ указаннаго мѣста. Въмѣсто симметріи разиѣра и симметріи конца строкъ или риемы, которыя обѣ говорятъ одной только формѣ, она (древнееврейская поэзія) ограничивается симетрію смысла, говорящему уму, но, по всей вѣроятности, тоже имѣвшю музыкальную комбинацію, по крайней мѣрѣ, въ лирической поэзіи. Эту-то симетрію и принято называть *параллелизмомъ*, который состоитъ въ сопоставленіи рядомъ двухъ или нѣсколькихъ строкъ, очень тѣсно между собою связанныхъ логическою связью (*Poésie lyrique*, le Psantier et les Lamentations, p. 22). Вотъ хоть одинъ при- мѣръ:

Когда Израиль выходилъ изъ Египта,
 Домъ Іакова изъ среды варварскаго народа,
 Іегуда сталъ его святилищемъ,
 Израиль—его удѣломъ. (Пс. CXIV).

Перев.

давать строкамъ одинаковую долготу. Но довольно часто тамъ нѣтъ слѣдовъ и этой просодіи, свойственной еврейской литературѣ.

Въ другихъ же отношеніяхъ, не принимая во вниманіе форму, можно сказать, что стиль пророковъ гораздо больше сближается съ поэзію, чѣмъ съ простою проповѣдью. Уже чрезвычайная краткость размѣровъ большей части пророчествъ, входящихъ въ составъ произведеній каждаго пророка и которыя очень легко отдѣлять другъ отъ друга, показываетъ намъ, что нигдѣ тутъ дѣло не идетъ о томъ, что мы называемъ рѣчами, въ обыкновенномъ и широкомъ смыслѣ слова. Есть очень мало пророчествъ, которыя, будучи произнесены какъ рѣчи, даже съ извѣстною восторженностью, заняли бы больше пяти—десяти минутъ времени; есть очень многія, требующія еще меньше. Но что особенно существенно обнаруживаетъ поэтический стиль пророковъ—это форма, въ которую они окутываютъ свою мысль. У нихъ можно найти все то, что характеризуетъ лирической языкъ: выборъ выраженій, наименѣе общеупотребительныхъ, изысканные обороты, обиліе образовъ, живописныя метафоры, прозопопеи * самыя смѣлыя, жизнь, понятія и чувства, заимствованныя у природы, прямое и видимое посредство божества, непрерывная перемѣна ведущихъ рѣчь лицъ, гдѣ то говоритъ Богъ, то пророкъ или народъ, однимъ словомъ—рѣзкая живость движенія, какъ относительно содержанія, такъ и относительно формы, которая показываетъ, что порывы воображенія во всемъ этомъ играютъ такую же роль, какъ глубина религіознаго чувства и энергія нравственнаго сознанія.

Съ перваго взгляда можно было бы сказать, что все это довольно естественно и не требуетъ особенныхъ объясненій. Древность очень любила сближать поэзію съ пророчествомъ, въ чемъ свидѣтельство — латинскій терминъ *vates*, прилагавшійся одинаково къ этимъ обоимъ проявленіямъ духа. Мы, однако, замѣтимъ, что въ этомъ отношеніи существуетъ еще

* Фигура, въ которой авторъ вводитъ вымышленныя лица или даже неодушевленные предметы и заставляетъ ихъ говорить и дѣйствовать.

множество традиціонныхъ и очень распространенныхъ предразсудковъ, которые, до настоящаго времени, обнаруживали очень нежелательное вліяніе на толкованіе текстовъ. Мы въ своемъ мѣстѣ устранимъ извѣстное число изъ нихъ; здѣсь же мы должны указать только на нѣкоторые, имѣвшіе самое частое примѣненіе.

Такъ, въ разказахъ пророковъ нерѣдко встрѣчаются аллегоріи т. е. иносказательные разказы. Тамъ, гдѣ въ этихъ послѣднихъ выводятся только неодушевленные предметы, или же еще типическія или условныя лица, какъ это дѣлается въ басняхъ или нравоучительныхъ разказахъ, нѣтъ никакой возможности впасть въ ошибку. Другое дѣло тамъ, гдѣ авторъ самъ выступаетъ въ качествѣ дѣйствующаго лица въ своемъ разказѣ; тутъ всѣ вообще упорно принимаютъ этотъ послѣдній, какъ историческій фактъ. Намъ очень трудно убѣдить себя, что когда пророкъ разказываетъ очень прозаически, какъ онъ сдѣлалъ то-то, отправился туда-то, далъ такое-то имя своему новорожденному сыну—все это есть ничто иное, какъ риторическія фигуры, имѣющія цѣлью представлять въ конкретныхъ формахъ абстрактныя идеи, религіозныя или нравственныя, сужденія о данномъ положеніи, предвѣщаніе будущаго. Мы предупреждаемъ читателя, что вездѣ будемъ держаться этой послѣдней системы толкованія текстовъ, не смотря на предпочтеніе, которымъ еще пользуется противоположная система. Такъ еще въ наше время можно читать во множествахъ комментаріевъ, что пророкъ Осея женился послѣдовательно на двухъ куртизанкахъ (гл. I, 111), что Іерміагу сдѣлалъ два раза путешествіе къ Ефрату, чтобы узнать, что маленькій кусокъ матеріи, положенный въ воду, сгнилъ (гл. XIII); что Іезеккіэль сдѣлался вдовцомъ, не смѣя оплакивать свою жену (гл. XXIV); что онъ сдѣлалъ щель въ стѣнѣ своего дома, вмѣсто того, чтобы выходить черезъ дверь (гл. XII); что онъ оставался лежа въ теченіе 430 дней, будучи во все это время совершенно здоровымъ, но все-таки оставаясь безъ движенія, съ глазами, устремленными на кирпичъ, на которомъ было начертано изображеніе Іерусалима (гл. IV). Всѣ эти разказы совершенно фиктивные; тамъ нѣтъ и тѣни дѣйствительности, исключая

идеи, которую они въ нихъ выставляютъ и которая обрисована бросающимися въ глаза яркими цвѣтами, для того, чтобы она вѣрнѣе проникла въ сознание черезъ воображеніе. Мы могли бы еще привести множество примѣровъ, особенно изъ двухъ послѣднихъ пророковъ; но достаточно для настоящаго момента то, что мы обратили вниманіе читателей на этотъ очень интересный пунктъ.

Мы еще отмѣтимъ то, что называютъ видѣніями, относительно которыхъ существуетъ убѣжденіе, что рассказывающіе о нихъ пророки дѣйствительно находились въ состояніи экстаза, т. е., что они умственно были перенесены далеко чтобы быть свидѣтелями того, что происходило въ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ они, такъ сказать, тѣлесно не находились. Мы не думаемъ отрицать возможность такого психическаго состоянія, когда дѣйствительность на время исчезаетъ съ горизонта человѣческаго чувства, чтобы уступить мѣсто міру, существующему только для внутренняго глаза. Когда апостоль Павелъ утверждаетъ, что онъ лично испыталъ подобное состояніе созерцательныхъ способностей души, то мы ему можемъ вѣрить. И между прочимъ извѣстно, что это явленіе повторялось во всѣ историческія эпохи, вслѣдствіе сильнаго погруженія въ религиозную идею *. Но дѣло идетъ о томъ, чтобы знать, можетъ ли все это быть примѣнимо къ кажущимся аналогичными рассказамъ, какіе мы въ большемъ количествѣ находимъ у пророковъ. Мы въ этомъ сильно сомнѣваемся. Мы даже думаемъ, что не очень трудно убѣдиться въ томъ, что мы тутъ имѣемъ символическія формы мысли, слѣдовательно—одни только литературные приемы, риторическія комбинаціи, украшенія стили, и ничего больше. То эти видѣнія ограничиваются отдѣльными предметами, то они образуютъ цѣлыя картины, болѣе или менѣе богатыя подробностями и послѣдовательными

* Намъ кажется, что не только въ одномъ религиозномъ мірѣ, а въ мірѣ идей вообще возможно такое состояніе экстаза. Развѣ передъ поэтомъ, возвышающимся до вдохновенія, не исчезаетъ совершенно весь окружающій міръ? Въ этомъ собственно и состоитъ вдохновеніе, что поэтъ въ моментъ творенія видитъ только изображаемыя имъ явленія, т. е. создаваемыя его воображеніемъ.

дѣйствіями. Но повсюду мы видимъ, что воображеніе поэта работало для созданія тѣхъ и другихъ, и что оно исполнило свою задачу съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Такъ, когда Амосъ говоритъ, что онъ видѣлъ рой саранчи или корзину съ зрѣлыми фруктами (гл. VIII); когда Іерміагу видитъ покрытую почками вѣтвь, или кипящій котель (гл. I), или по двѣ корзины съ фидами (гл. XXIV); когда Захарія видитъ четыре рога или четырехъ кузнецовъ (гл. II), то мы не видимъ необходимости экстаза для того, чтобы авторы могли находить такіе въ сущности простые образы, но которые нуждаются въ объясненіяхъ, такъ какъ, вѣдь они избраны произвольно. Послѣдній авторъ, т. е. Захарія, особенно поучителенъ въ этомъ отношеніи; мы сейчасъ же видимъ, съ какимъ трудомъ онъ находитъ свои образы, и если надо признать, что онъ это дѣлаетъ довольно неудачно относительно ихъ красоты и ясности, то мы предпочитаемъ видѣть тутъ пріемъ писателя, чѣмъ дѣйствіе сверхъестественной силы. И то, что мы тутъ говоримъ относительно простыхъ и единичныхъ образовъ, мы это примѣняемъ равно и къ извѣстнымъ картинамъ большихъ размѣровъ, какія мы находимъ особенно въ книгахъ Захаріи и Іезеккіэля, для оцѣнки которыхъ являть надобности прилагать теологическія теоріи, такъ какъ въ этомъ отношеніи правила риторики и вкуса совершенно достаточны. Что касается перваго изъ двухъ только что названныхъ авторовъ, то у него можно бы цитировать каждую страницу; но мы рекомендуемъ особенно вниманію непредубѣжденныхъ читателей сцену всадниковъ (гл. I), сцену съ четырьмя колесницами (гл. VI), сцену съ женщиной (гл. V), сидящую внутри эфы (хлѣбная мѣра), и т. д. Картины Іезеккіэля несравненно прекраснѣе и грандіознѣе и по справедливости пользуются знаменитостью; но касательно отношенія, существующаго между представленіемъ и дѣйствительностью, онѣ абсолютно должны быть помѣщены на одной и той же линіи. Такова, напр., сцена съ поглощенной книгою (гл. III), сцена въ долину, наполненную костями, вдругъ воскресающими (гл. XXXVII), и особенно сцена, гдѣ авторъ видитъ практикующіеся въ святилищѣ Іерусалима языческіе культы и наказаніе, ведущее къ ихъ уни-

чтоженію (гл. VIII—XI)—сцена, составляющая истинный *chef d'oeuvre* художественной композиціи.

Мы легко понимаемъ, что авторы могли имѣть очень важные мотивы—представлять свои предостереженія въ образной формѣ или даже въ аллегорическихъ картинахъ, полныхъ живыхъ фигуръ. Это способствовало къ возбужденію вниманія; оно производило болѣе сильное и болѣе глубокое впечатлѣніе на умы читателей, чѣмъ то, какое нѣкогда производили символическія дѣйствія на умы зрителей, такъ какъ большинство людей слабо воспримчиво къ тому, что обращается къ ихъ разуму, а не къ ихъ чувству. Но мы утверждаемъ, что это маскированіе мѣли было совершенно излишне для самихъ пророковъ, и мы не видимъ никакой причины, почему божественный духъ, который ихъ воодушевлялъ и направлялъ, долженъ былъ бы совершать свои откровенія подь какою бы то ни было загадочною формою, всегда рискующею не быть вполне понятою, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ и сотни разъ тѣ же самыя идеи, тѣ же самыя предсказанія представлены подь ихъ перомъ самымъ простымъ и непосредственнымъ образомъ.

Когда видѣніе представляетъ передь читателемъ божественную личность подь человѣческою формою (Амосъ VII, Иеш. VI, Зах. III, и т. д.), или же такимъ образомъ, что его атрибуты распадаются на рядъ частныхъ символовъ, которые, будучи соединены въ одно цѣлое, представляютъ понятіе о Богѣ таковымъ, что оно становится доступно человѣческому разуму (Иеш. I, Иезек. I, X и т. д.), то не трудно узнать, что это есть созданіе ума автора, что это онъ создалъ эти формы, столь мало соотвѣтствующія нашимъ спиритуальнымъ религіознымъ идеямъ, нашему современному вкусу, которому онѣ могутъ касаться немного грубоватыми. То же самое можно сказать и о тѣхъ видѣніяхъ, въ которыхъ пророки разговариваютъ съ ангелами, и т. д.

Намъ еще осталось бы сказать о способѣ, какимъ произведенія пророковъ были собраны и обнародованы въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ ихъ теперь. Но дѣло въ томъ, что мы объ этомъ предметѣ очень мало знаемъ, а все то, что

объ этомъ говорить исторія или что могла отгадать критика, мы занесли въ спеціальныя введенія, предшествующія каждому отдѣльному пророку. Кромѣ того, нѣсколько общихъ указаний уже были нами даны выше. Мы тутъ только прибавимъ, что окончательное заключеніе сборника относится къ сравнительно новой эпохѣ. Извѣстно то, что во время Эзры, т. е. послѣ середины пятого вѣка до настоящей эры, нѣтъ еще вопроса объ этой части древней литературы, какъ о второмъ кодексѣ, который слѣдуетъ присоединить къ кодексу Закона, получившаго тогда свою окончательную форму и официальное освященіе (Нехем. VIII). Но трудно сказать, сколько еще протекло до тѣхъ поръ пока еврейскіе ученые закончили этотъ второй трудъ. Мы только можемъ утвердительно сказать, что это было сдѣлано раньше эпохи Маккавеевъ и появленія книги Даніеля, но что опредѣлить болѣе точно эту эпоху можно было бы только тогда, еслибы было возможно узнать время происхожденія книги Іоне, которая во всякомъ случаѣ есть наименѣе древній элементъ сборника.

Бенъ-Ами.

ИЗЪ ЭПОХИ ТАЛМУДИСТОВЪ.

1.

Элиша-бенъ-Абуа.

I.

Ужъ крылья мрачныя простерла ночь нѣмая,
Въ Ерусалимѣ стихнулъ шумъ дневной;
Повѣялъ вѣтеръ легкою волной,
Прохладой душный воздухъ освѣжая;
Какимъ-то, полнымъ тайнъ волшебныхъ, сномъ
Давно все спитъ вокругъ въ ненарушимомъ мирѣ;
Давно, сверкая трепетнымъ лучомъ,
Горятъ свѣтильники вечерніе въ эфирѣ,
И съ высоты ихъ темно-голубой
Таинственно глядятъ на мѣрь, объятый мглой.

II.

Темно во всѣхъ домахъ, лишь яркою звѣздой
Въ одной избушѣ огонекъ блеститъ.
Тамъ на одрѣ больной старикъ лежитъ,
Подперши голову костлявою рукою;

Мудрецъ въ тиши кончаетъ жизни путь,
 Всѣмъ міромъ проклятый, оставленный, забытый;
 И все слабѣй и тише бьется грудь....
 Другой, чудесный міръ, сіяніемъ залитый,
 Ужъ предъ собой въ туманѣ видитъ онъ,
 И рѣже слышится звучащій скорбью стонъ.

III.

Изрыли лобъ его глубокия морщины,
 Какъ снѣгъ бѣлы сѣдые волоса,
 Глубоко впади тусклые глаза:
 Въ послѣдніе часы томительной кончины
 Ихъ лучезарный блескъ пропалъ!
 Какъ листь оторванный отъ дерева грозой,
 Согнулся онъ, поблекнулъ и завялъ,
 И все въ немъ замерло подъ смертною тоскою....
 Одни уста безцвѣтныя дрожать,
 На нихъ порой слова чуть внятыя звучать.

IV.

Какъ будто силится онъ молвить вновь:—О, Боже,
 Взгляни, что люди сдѣлали со мной!
 Одинъ я!.. ни одной души живой,
 Когда измученный лежу на смертномъ ложѣ....
 Одинъ я.... брошень.... всѣми позабытъ....
 Но ждеть-ли милости убійца осужденный,

Въ чьемъ взорѣ пламя адское горитъ?
 Да кто я? Низкій гадъ, заразой зачумленный,
 Я демонъ зла, презрѣнный въ ихъ глазахъ,
 Насмѣшной злобною я сталъ на ихъ устахъ!

V.

Но все ужъ кончено... орудье притупилось....
 Я умеръ. О, ливуй, Синедрионъ,
 Теперь твой врагъ навѣки побѣжденъ,
 И нѣтъ того, въ кою грудь враждой къ тебѣ лишь билась!
 Веди-жъ народъ мой въ мрачную тюрьму,
 Гдѣ онъ отдастъ себя для мукъ и пытокъ новыхъ,
 За цѣпью цѣпь законовъ куй ему;
 А ты, принявшій ихъ, у ногъ судей суровыхъ,
 Какъ мученикъ предъ грознымъ палачомъ,
 Валяйся, будь послушнымъ ихъ рабомъ!

VI.

А я... Я звалъ тебя изъ мрака заблужденья,
 Изъ иглы пещеръ на новый, свѣтлый путь,
 Гдѣ полной грудью могъ-бы ты вдохнуть;
 Не вызывалъ изъ тьмы я грозныя видѣнья
 И ими мысль твою я не пугалъ.
 Ей вольнаго пути не заграждалъ запретомъ.
 Туманъ, что вѣчно взоръ твой затмѣвалъ,
 Я въ мигъ разсѣялъ-бы своимъ лазурнымъ свѣтомъ:
 Я въ чудный мiръ хотѣлъ ввести тебя,
 Червя преобразить мечталъ въ гиганта я!

VII.

Съ душой свободною отъ ложныхъ убѣжденій,
 Я звалъ тебя въ свой лучезарный храмъ;
 Своей волшебной прелестью, глазамъ
 Онъ свѣтится, какъ край таинственныхъ видѣній:
 Тамъ блещутъ грани дѣвственныхъ лѣсовъ,
 И зелень яркая колышется, какъ море,
 Бальзамомъ льется ароматъ цвѣтовъ,
 Какъ серебро ручьи струятся на просторѣ;
 Нѣтъ идоловъ, нѣтъ капищъ грозныхъ въ немъ,
 Но все твердить тебѣ о высшемъ, о святомъ....

VIII.

При блескѣ звѣздъ ночныхъ гармоній чудныхъ звуки
 Ты тамъ услышать могъ-бы въ тишинѣ;
 Тамъ все поеть о счастья, о веснѣ,
 Тамъ все твердить тебѣ: „Освободись отъ муки!
 „Зачѣмъ страдать? Иди впередъ съвозъ мразя,
 „Куда тебя ведетъ невѣдомая сила,
 „Въ твоёмъ пути душа тебѣ—маякъ,
 „Умъ—путеводное, надежное свѣтило;
 „Бесильный таинства грядущаго открыть,
 „Живи, о, человекъ, когда ты можешь жить!“

IX.

Я звалъ тебя къ себѣ, о, сынъ моей отчины,
 Но ты меня лишь грозно проклиналъ;

Восходъ.

Изъ-за тебя свою я славу растопталъ
Отрекса навсегда отъ наслажденій жизни;
Для благъ твоихъ забылъ все въ мѣрѣ я,
Я отдыха не зналъ, не вѣдалъ я покоя,—
Но ты безумнымъ называлъ меня;
И, еслибъ предъ твоимъ жилищемъ грустно стоа,
Просиль-бы я пріюта въ часъ ночной,
Какъ пса меня бы ты толкнулъ своей ногой!

Х.

И вотъ дождался ты!.. пришла моя кончина,
Со мною и все то, что свято мнѣ, умереть...
Пусть съ вѣрой въ торжество другой тебя ведетъ
Путемъ невѣдомымъ и грознымъ, какъ пучина
Пусть именемъ позора заклеюменъ,
Умру, не возбудивъ ни искры сожалѣнья,
Но будетъ день, въ цѣпи былыхъ временъ
Найдетъ меня мудрецъ, пойметъ мои стремленья!
Во мнѣ героя душу обрѣтетъ,
И мнѣ тогда вѣнецъ терновый онъ сплететъ!

С. Варгафтинъ.

РЕЛИГИОЗНЫЯ ПОВѢРІЯ И ПРЕДСТАВЛЕНІЯ ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА

ВЪ ЖИЗНИ И ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ *.

Единоголовіе въ толкованіи агадическихъ сказаній касательно загробной жизни установилось однако не съ самаго начала. Въ теченіе многихъ вѣковъ послѣ заключенія талмуда, раввинскіе авторитеты спорили между собою о характерѣ загробной жизни, причѣмъ каждый вооружался соответствующими его цѣли цитатами изъ агады, произвольно относя однѣ изъ этихъ цитатъ къ догмату посмертнаго воздаянія, а другія — къ эпохѣ воскресенія мертвыхъ. Вообще, отсутствіе ясныхъ обобщеній въ талмудѣ породило впослѣдствіи величайшую путаницу въ дѣлѣ опредѣленія характера и моментовъ загробной жизни, — путаницу, которая въ еврейскомъ богословіи не вполне устранена еще и до настоящаго времени.

Съ заключеніемъ талмуда, къ концѣ V-го вѣка, агада, сдѣлавшаяся такимъ образомъ частью освященнаго и неизмѣннаго кодекса, перестала развиваться и стала лишь предметомъ толкованій и комментариевъ. Гомилетическая литература (мидрашимъ), продолжавшаяся и послѣ заключенія талмуда, шла по пути агады и, по части повѣрій касательно загробной жизни, ограничивалась большею частью лишь повтореніемъ агадическихъ сказаній **. Вообще, въ теченіе шести вѣковъ, прошедшихъ отъ заключенія талмуда до Маймонида, чисто-богословская литература шла по протоптанной колѣѣ и не обогатилась никакими самостоятельными трудами:

* См. Восходъ кн. XI.

** Мы говоримъ здѣсь объ авторитетной и древней гомилетикѣ: о „Мидрашъ-Рабба“, составляющемъ легендарный комментарий къ библии. Остальные позднѣйшіе мидрашимъ включены нами въ общую группу «раввинской литературы».

въ продолженіе большей части этого періода, въ эпохи сабуреевъ и гаоновъ (500—1040 г.), эта литература занималась почти исключительно сличеніемъ талмудическихъ текстовъ, толкованіемъ и вообще пропагандою талмуда; а въ XI и XII вѣкахъ все, что было мыслящаго въ еврействѣ, бросилось на арабскую философію и на поэзію. Въ эпоху гаоновъ, вопроса о загробной жизни коснулся только знаменитый гаонъ Саадія, (892—942), въ своей религиозно-философской системѣ «*Emunot wê deot*». Само собою разумѣется, что, согласно духу всей своей системы, онъ разсматриваетъ вопросъ съ рационалистической точки зрѣнія. Его взглядъ на загробную жизнь замѣчательно ясенъ и оригиналенъ, хотя виѣсть съ тѣмъ онъ не отступаетъ отъ традицій агады. Какъ для талмудистовъ, такъ и для Саадія важнѣйшимъ моментомъ загробной жизни было воскресеніе мертвыхъ, которое тѣсно связано съ мессіанскимъ временемъ. Первый періодъ загробной жизни — время между смертью человѣка и воскресеніемъ мертвыхъ — есть періодъ *души*: «Въ теченіе этого времени — говоритъ Саадія, основываясь на одномъ талмудическомъ изреченіи—души праведниковъ покоятся подъ Престоломъ Воинимъ (*kisse-ha-kabod*), а души грѣшниковъ блуждаютъ по міру безъ покоя и отдыха» *. Когда же извѣстное количество душъ, искони предназначенныхъ Богомъ для временной земной жизни, соберутся опять въ своемъ прежнемъ небесномъ жилищѣ, тогда Богъ соединитъ каждую душу съ ея бывшимъ тѣломъ и произойдетъ воскресеніе мертвыхъ. Послѣ воскресенія и по окончаніи мессіанской эпохи на землѣ, совершится окончательное воздаяніе каждому по заслугамъ: тогда начнется безсмертный и безконечный «будущій міръ», въ которомъ праведники будутъ жить въ раю—въ небесномъ жилищѣ блаженства, а закоренѣлые грѣшники будутъ пребывать въ жилищѣ мученій, называемомъ геенною **. Такимъ образомъ, въ ученіи Саадія, идея безсмертія души уживается рядомъ съ представленіемъ о воскресеніи мертвыхъ, философія—съ религіею, разумъ — съ вѣрою. Но это ученіе было все-таки слишкомъ абстрактно для массы; въ особенности отвлеченныя представленія о первомъ, посмертномъ періодѣ загробной жизни не соответствовали конкретному, чуждому мистицизму уму вѣрующей массы. Этими объясняется, что ученіе Саадія имѣло только приверженцевъ въ лицѣ богослововъ-раціоналистовъ, но не имѣло вліянія ни на ортодоксальныхъ теологовъ, ни на систему народныхъ вѣрованій.

* *Emunot wê deot*, cap. VI, p. 103 (Herausg. v. Sluzki, Leipzig, 1864).

** Тамъ-же, гл. VII и IX, pp. 107 и 186.

Періодъ наиболѣе дѣятельнаго развитія вопроса о загробной жизни начался съ конца XII столѣтія. И главный толчокъ этому развитію данъ тѣмъ же безсмертнымъ Моисеемъ Маймонидомъ (1135 — 1204), который своими твореніями произвелъ настоящую революцію во всѣхъ сферахъ духовной жизни еврейства. Въ 1180 г. было окончено Маймонидомъ его колоссальное произведеніе «Мишне-Тора» или «Іадъ-га-газака», въ которомъ впервые всѣ догматы, предписанія и религиозные обряды, установленные Моисеевымъ закономъ и талмудомъ, были раздѣлены на группы, строго-логически классифицированы и получили ясную, кодификаціонную форму. Первая книга этого кодекса, озаглавленная «Сеферъ - Гамада» (книга познанія), посвящена классификаціи догматовъ и нравственныхъ законовъ, установленныхъ еврейскою религіею: это — цѣлый философскій религиозный и этический трактатъ, составленный съ тою ясностью, систематичностью и широтою мысли, которая въ то время была доступна одному Маймониду. Въ этой-то книгѣ, во главѣ восьмой пятаго отдѣла, изложено то ученіе Маймонида о загробной жизни, которое впослѣдствіи вызвало такую сильную бурю въ еврейскомъ ученомъ мірѣ. Вотъ содержаніе этой главы *in extenso*:

«Благо, сбереженное для праведныхъ,—это жизнь въ мірѣ будущемъ, жизнь безъ смерти, благо безъ зла, ибо сказано (Второзак. 22): «Дабы благо было тебѣ и дабы ты долгоденствовалъ», что традиціею толкуется такъ: дабы благо было тебѣ въ мірѣ по существу долгоденственному, т. е. въ мірѣ будущемъ. Награда праведныхъ состоитъ въ томъ, что они удостоятся этого блаженства, а *наказаніе грѣшниковъ — въ томъ, что они его не удостоятся*, но исчезнуть и умереть, ибо кто не сподобляется той блаженной жизни, тотъ на вѣки умираетъ, погибаетъ за грѣхи свои и исчезаетъ, какъ животное. Это и есть упомянутая въ Торѣ «погибель» (Числа, 15): «Погибать да погибнетъ душа та»,—что традиціею толкуется: погибать ей въ мірѣ семъ, и погибнетъ она въ мірѣ будущемъ, т. е. душа (грѣшника), по разлученіи съ тѣломъ въ этомъ мірѣ, не только не удостоится будущей жизни, но совершенно исчезнетъ (§ 1). *Въ будущемъ мірѣ нѣтъ ничего тѣлеснаго, плотскаго*; въ немъ только — души праведниковъ, безъ тѣла, какъ ангелы небесные. А такъ какъ въ немъ нѣтъ ничего тѣлеснаго, то нѣтъ въ немъ ни ѣды, ни питья и ничего изъ тѣхъ вещей, въ которыхъ человѣческое тѣло въ семъ мірѣ нуждается, и не будетъ тамъ нѣтъ мѣста ни одно изъ тѣхъ положеній, въ коихъ можетъ находиться только тѣло, напр. сидѣнье, стоянье,

совъ, печаль, снѣхъ, и т. п. Такъ сказали древніе мудрецы (см. выше): «Въ будущемъ мірѣ нѣтъ ни ѣды, ни питья, ни половыхъ сношеній, а только праведники сидятъ, съ вѣнциами на головѣ, и наслаждаются сіяніемъ лика Божія». Значить, тамъ нѣтъ ничего тѣлеснаго, ибо нѣтъ ни ѣды, ни питья. Выраженіе же «праведники *сидятъ*» употреблено *аллегорически* въ смыслѣ существованія безъ заботы и труда. Также выраженіе: «съ вѣнциами на головѣ» означаетъ, что въ нихъ существуетъ сознаніе того, ради чего удостоились они жизни въ будущемъ мірѣ; это и есть вѣнецъ ихъ.... А выраженіе: «наслаждаются сіяніемъ лика Божія» означаетъ, что они познаютъ и постигаютъ изъ божественной истины то, чего не могли постигать, когда находились въ брвенномъ и жалкомъ тѣлѣ» (§ 2).

..... «Мудрецы (талмудисты) называли это благо, уготованное праведникамъ, *по аналогіи*, «пиромъ», а обыкновенно оно называется просто «будущимъ міромъ» (§ 4). Съ другой стороны, наказаніе, котораго ужаснѣе нѣтъ, это — исчезновеніе души, которая не сподобится той блаженной жизни. Это и есть «преисподняя», то, чѣмъ пророки именовали то «гибельною ямою», то «пучиною», то «адомъ»; все это вообще выражаетъ окончательное истребленіе и безвозвратное исчезновеніе (§ 5). Можетъ быть, это благо (праведныхъ въ будущемъ мірѣ) покажется тебѣ ничтожнымъ и будешь ты думать, что награда за исполненіе заповѣдей и праведную жизнь состоятъ въ томъ, чтобы кушать хорошія яства, жить съ красивыми женщинами, одѣваться въ пурпуръ и шелкъ, жить въ великолѣпныхъ чертогахъ, употреблять серебряную и золотую посуду, и т. п.; такъ думаютъ эти арабы — глупцы, безумные, погруженные въ развратъ. Мудрецы же и люди съ умомъ понимаютъ, что все это — ничтожность и суета бесполезная, которую мы цѣнимъ въ семъ мірѣ лишь потому, что имѣемъ тѣло и плоть, въ нихъ нуждающіяся, какъ въ источникѣ своего существованія; но когда тѣла не будетъ, всѣ эти вещи сами собою прекратятся. *Блаженства же, въ коемъ будетъ пребывать душа въ будущемъ мірѣ, никоимъ образомъ нельзя постичь въ семъ мірѣ, гдѣ мы понимаемъ только физическія блага. Блаженство души безгранично, и не имѣетъ себѣ подобія между благами земными, съ которыми его сравниваютъ только фигурально, а вовсе не для того, чтобы выражать его истинную, непостижимую природу...* (§ 6)... Всѣ земныя блага будущаго, предсказанныя пророками, относятся только къ мессіанскому

времени, когда власть вернется въ Израилю, но не въ будущему міру (§ 7)... То, что мудрецы называютъ *«будущимъ міромъ»*, не означаетъ чего-то, теперь не существующаго, и (не показываетъ), что *этотъ земной міръ исчезнетъ, а послѣ этого наступитъ тотъ будущій міръ*; вовсе не такъ. «Будущій» міръ и въ настоящее время существуетъ, но его называютъ *«будущимъ»* въ томъ смыслѣ, что жизнь въ немъ слѣдуетъ за жизнью этого (земного) міра, гдѣ мы живемъ и тѣлесно и духовно и который для насъ есть предыдущій» (§ 8).

Болѣе возвышеннаго, съ религіозной точки зрѣнія, понятія о загробной жизни нельзя было представить. Маймонидъ всецѣло отрѣшается отъ всего чудеснаго въ загробной жизни. Какъ естествоиспытатель и врачъ, онъ знаетъ, что смерть есть только фізіологическій актъ разложенія тѣла; какъ философъ, онъ держится великаго принципа безсмертія души. На этомъ-то философскомъ принципѣ и на нравственномъ принципѣ воздаянія основываетъ онъ свое ученіе о загробной жизни. Загробная жизнь для него—абсолютная жизнь душъ. Воздаяніе выражается въ томъ, что праведныя души сознательно существуютъ, а грѣшныя исчезаютъ въ небытіи, въ нирванѣ. Если древніе религіозные авторитеты рисовали будущую жизнь конкретно, то это надо понимать иносказательно, аллегорически. Жизнь души непостижима, и потому ее сравниваютъ съ жизнью тѣла, что порождаетъ заблужденіе. Отсюда очевидно вытекаетъ, что ни рай, ни геенны въ обыкновенномъ смыслѣ нѣтъ, нѣтъ и не можетъ быть тѣлеснаго воскресенія мертвыхъ. Конецъ земному міру не предвидится; міръ тѣлесный и міръ душъ послѣдовательны лишь для людей, но въ порядкѣ міроваго бытія они—одновременны.—Таковы начала Маймонидова ученія и то, что изъ нихъ непосредственно вытекаетъ. Это — грандіозная, пантеистическая картина, достойная ученика и соперника Аристотеля. Но именно вслѣдствіе этого, большинство его современниковъ его не поняло и набросилось на него съ ожесточеніемъ тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе былъ его авторитетъ во всемъ мыслящемъ мірѣ.

Изъ ученія Маймонида непосредственно и ясно вытекало (хотя самъ онъ и боялся высказать это прямо), что *тѣлеснаго* воздаянія за гробомъ и *воскресенія мертвыхъ* нѣтъ и не можетъ быть. Это-то и послужило главнѣйшимъ casus belli. Ортодоксальный раввинскій міръ былъ встревоженъ тѣмъ сильнѣе, что это «еретическое» ученіе о загробной жизни было включено въ кодексъ, признанный во многихъ другихъ отношеніяхъ ге-

підальнимъ, знаменательнимъ произведеніємъ, и получившій тогда бистрое распространіе въ еврейскомъ ученомъ мірѣ, въ качествѣ авторитетнаго релігіознаго руководства, гдѣ впервые приведены въ систему всѣ законы Моисеевы и талмудическіе. Со всѣхъ сторонъ стали сыпаться къ Маймони-ду раввинскія посланія съ запросами по поводу его ученія о загробной жизни. Въкоторыя главы талмудическихъ академій на Востокѣ задумали противъ него открытый походъ, проповѣдая, что онъ отрицаетъ талмудъ и т. п. То не было время, когда безъ крайней опасности можно было «идти противъ міру»,—и Маймонидъ не выдержалъ перваго натиска. Въ 1191 г. написалъ онъ и обнародовалъ оправдательную брошюру, гдѣ онъ, не отказываясь въ существѣ отъ своего прежняго ученія о загробной жизни, утверждалъ, что онъ далекъ отъ отрицанія *догмата* воскресенія мертвыхъ и вполне допускаетъ, что въ мессіанскую эпоху Богъ чудеснымъ образомъ воскреситъ всѣхъ, прежде умершихъ къ жизни новой, продолжительной; это будетъ *вторичная земная жизнь*. Но послѣ этой вторичной жизни, которая въ концѣ концовъ также кончится, наступитъ для праведныхъ тотъ періодъ чисто-духовной, вѣчной и безсмертной жизни на небѣ, о которомъ и говорилось въ инкриминированной главѣ «Мишне-Тора». Эта, очевидно вынужденная обстоятельствами, уступка (отступленіемъ было бы несправедливо это назвать) не многихъ могла удовлетворить, отчасти потому, что Маймонидъ все-таки не объяснилъ, почему онъ совершенно игнорировалъ догматъ воскресенія въ своемъ кодексѣ; отчасти же потому, что люди обыкновенно принимаютъ во вниманіе резонъ: «Qui s'excuse—s'accuse». И дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ Маймонидовъ кодексъ распространялся на Западѣ, ученіе его о загробной жизни встрѣчало все больше и больше противниковъ. Однимъ изъ первыхъ застрѣльщиковъ въ борьбѣ западныхъ раввиновъ противъ Маймонида былъ его постоянный противникъ, французскій раввинъ и глава ортодоксальной партіи, извѣстный *Рабедъ* (Авраамъ-бенъ-Давидъ II), авторъ книги «Замѣчанія на Маймонидовъ кодексъ» (Hassogot). По поводу вышеприведенной главы Маймонидова кодекса, Рабедъ язвительно пишетъ: «Слова этого чело-вѣка въ моихъ глазахъ равносильны утверженію, что нѣтъ воскресенія тѣла, а есть только душамъ. Клянусь жизнью, что мудрецы наши, память ихъ да будетъ благословенна, вовсе не такъ думали, ибо они говорили, что праведники воскреснутъ не только въ своихъ тѣлахъ, но даже въ своемъ одѣяніи... (слѣдуютъ доводы изъ талмуда). Не можетъ быть, чтобы

все это была одна аллегорія» *. По поводу замѣчанія Маймонида объ аллегорическомъ значеніи слова «миръ», употребляемаго талмудстами для означенія загробнаго блаженства, Рабедъ восклицаетъ: «Какъ! если таковъ миръ, то гдѣ же тутъ чаша для совершенія надъ ней благословенія въ томъ мірѣ, о чемъ говоритъ талмудъ (Песахимъ, 119)? Ужъ лучше бы этотъ человекъ молчалъ!» На послѣдній пунктъ упомянутой главы, касательно одновременности земнаго и небснаго міровъ, Рабедъ замѣчаетъ: «Похоже на то, что онъ (Маймонидъ) не вѣритъ въ предсказанный конецъ міра, должествующаго погнѣбнуть и затѣмъ по волѣ Божіей вновь возродиться; а вѣдъ въ талмудѣ прямо сказано, что міръ долженъ стоять 6.000 лѣтъ, а затѣмъ обратится въ ничто и будетъ вновь воссозданъ». Мы привели эти нѣсколько замѣчаній Рабеда для характеристики тѣхъ взглядовъ, которыхъ держалось тогда ортодоксальное раввинство. Понятно, что подобнаго рода воззрѣнія никакъ не могли мириться съ воззрѣніемъ Маймонида, — и послѣднему была объявлена война на смерть.

Послѣ смерти Маймонида (1204) борьба изъ-за его ученія о загробной жизни еще болѣе усилилась. Всѣ сколько набудъ вліятельные раввины Европы принимали участіе въ этой борьбѣ, одни какъ противники, другіе какъ сторонники Маймонида, третьи какъ посредники между этими двумя крайними партіями. Дѣятельнѣе всѣхъ работали противники Маймонида, во главѣ которыхъ стояли ярые фанатики въ родѣ р. Меира Абулафіа, толедскаго раввина, р. Соломона изъ Монпелье, р. Іегуды Альфахара; лагерь сторонниковъ Маймонида, во главѣ которыхъ стоялъ его сынъ р. Авраамъ, былъ гораздо слабѣе силами, такъ какъ прикнуть къ этому лагерю было тогда нѣкоторымъ самопожертвованіемъ; роль посредниковъ играли великіе авторитеты того времени: Рамбанъ (Нахмонидъ), р. Давидъ Бинми и др. Къ прежнему мотиву борьбы прибавился въ то время новый: направленіе Маймонида въ философскомъ его произведеніи «Море-Небухимъ» (Путеводитель блуждающихъ), которое ортодоксы считали еретическимъ и анти-религиознымъ. Анти-маймонисты писали филиппики за филиппиками, которыя разсылались въ еврейскія общины. Въ своихъ посланіяхъ они, подобно Рабеду (но гораздо ожесточеннѣе чѣмъ онъ), нападали на Маймонида за то, что онъ лишаетъ всѣхъ спасительной надежды на воскресеніе и тѣлесное воздаяніе за гробомъ, что онъ толкуетъ

* См. «Кесефъ Мишне», комментарий къ Маймониду, ad locum, откуда взяты и дальнѣйшія цитаты изъ Рабеда.

талмудическія сказанія не буквально, а аллегорически, считаютъ эти сказанія суевѣрїями и чуть ли не подрываетъ всю основу іуданства. По ихъ мнѣнію, всѣ предположенія талмудистовъ касательно загробной жизни суть непреложныя истины, внушенныя божественнымъ наитїемъ, и понимать ихъ слѣдуетъ буквально. Анти-маймонизмъ принялъ особенно рѣзкій характеръ, когда во главѣ его адептовъ сталъ энергическій и ярый фанатикъ р. Соломонъ изъ Монпелье, заклятый врагъ всякой философіи и свободной мысли. Кромѣ «еретическаго» ученія о загробной жизни и занятія философією, р. Соломонъ ставилъ еще Маймониду въ вину то, что онъ въ своемъ кодексѣ рѣзко возставалъ противъ матеріализаціи Божества, противъ распространеннаго тогда антропоморфизма, основывавшагося на многихъ изреченїяхъ талмуда; Маймонидъ утверждалъ, что эти изреченія нужно понимать аллегорически, и за это опять прослылъ еретикомъ. Первымъ дѣломъ р. Соломона была агитація въ пользу запрещенія книгъ Маймонида, какъ еретическихъ: ему удалось побудить нѣсколькихъ французскихъ раввиновъ произнести синагогальное проклятїе надъ первою книгою Маймонидова кодекса и надъ его «Путеводителемъ». Но онъ еще не удовольствовался этимъ, и въ интересахъ своей партїи рѣшился на неслыханное въ Израилѣ дѣло: онъ донесъ членамъ католической инквизиціи, на рукахъ которыхъ еще не обсохла пролитая ими кровь альбигойцевъ, что книги Маймонида (распространявшіяся между христіанами въ арабскомъ текстѣ; «Путеводитель» переводился тогда и на латинскій языкъ) переполнены ереси и безбожія и что онѣ подрываютъ авторитетъ не только еврейства, но и христіанства. Вслѣдствіе этого доноса, всѣ сочиненія Маймонида были, по приказанію инквизиціоннаго ареопага, публично сожжены въ Парижѣ и Монпелье, въ 1233 г. Это событіе встревожило весь еврейскій міръ, борьба еще болѣе обострилась и грозила перейти въ расколъ. Мы не будемъ здѣсь излагать исторію этой долгой борьбы, составляющей одинъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ еврейской исторїи, и отсылаемъ незнакомыхъ съ дѣломъ ко второй главѣ седьмага тома «Исторїи Евреевъ» Гретца *, гдѣ весь ходъ этой борьбы описанъ подробно и мастерскою рукою. Мы здѣсь рассмотримъ только результатъ ея.

* См. также Шульмана «Толдоth Хахме Исраель», т. II, гдѣ исторія этой борьбы изложена довольно подробно, въ оригинальныхъ документахъ, но безъ надлежащаго критическаго освѣщенія, — что объясняется главнымъ желанїемъ автора угодить всѣмъ партїямъ, чтобъ никому не обидно было.

Результатомъ долгой борьбы изъ-за Маймонидова ученія о загробной жизни была прежде всего усиленная разработка этого вопроса въ литературѣ. Въ XIII вѣкѣ «вопросъ» о загробной жизни сталъ какъ-бы вопросомъ дня. Имъ занимались самыя выдающіеся раввинскіе авторитеты того времени. Особенно усердно разрабатывалъ его крупнѣйшій авторитетъ XIII вѣка, Моисей-бенъ-Нахмонъ (Нахманидъ или Рамбанъ), въ которомъ этотъ вѣкъ съ его правовѣрно-мистическимъ направленіемъ такъ же ярко отразился, какъ отразился рационалистическій и философскій XII вѣкъ въ личности Маймонида. Нахманидъ игралъ роль посредника между маймонистами и антимаймонистами, но болѣе склонялся на сторону послѣднихъ: онъ требовалъ, для устраненія скандала, снять проклятіе съ первой книги Маймонидова кодекса, но вмѣстѣ съ тѣмъ настаивалъ на запрещеніи философскаго «Путеводителя» и преслѣдованія всѣхъ изучающихъ его *. Въ качествѣ защитника Маймонидова кодекса, онъ оказывалъ великому философу медвѣжьи услуги, утверждая, что Маймонидъ никогда и не думалъ усумниться въ тѣлесномъ воздаяніи, въ адѣ и раѣ и въ конкретныхъ представленіяхъ объ этомъ талмуда, но только не хотѣлъ пускаться въ подобныя высокія матеріи. Самъ Нахманидъ, разумѣется, признавалъ всѣ талмудическія и народныя представленія о загробной жизни истинными и неподлежащими критикѣ (см. книгу его «Шааръ га-гемуль», трактатъ о загробномъ воздаяніи).

Когда борьба партій улеглась, въ еврейскомъ богословіи выяснились два разнчныхъ направленія по вопросу о загробной жизни. Сторонники перваго направленія держались аллегорическаго толкованія талмудическихъ выраженій относительно загробнаго міра, и видѣли суть будущей жизни въ жизни души, хотя и признавали также догматъ воскресенія. Къ этой малочисленной группѣ принадлежали испанскіе раввины, въ которыхъ еще жили традиціи арабской философіи и духъ Маймонида. Главнѣйшіе представители этого направленія были въ XIV и XV вв. знаменитые теологифилософы Герсонидъ (Ралбагъ), р. Юсифъ Альбо и Крескасъ. Но ряды этихъ поборниковъ рационализма, съ упадкомъ просвѣщенія и свободной мысли у евреевъ, все болѣе и болѣе рѣдѣють, и наконецъ съ изгнаніемъ евреевъ изъ Испаніи совершенно ступшевываются. За то все болѣе усиливается другое направленіе, ортодоксальное, сторонники котораго держались

* См. его посланіе къ французскимъ раввинамъ, Grätz VII, гл. II; «Толдотъ Хахмѣ Исраель» II, стр. 145 (2 изд.).

буквальнаго толкованія талмуда и считали всё сказанія его о загробной жизни непреложными истинами. Это направленіе становится все болѣе преобладающимъ, и наконецъ приобретаетъ исключительное господство.

Въ томъ же реакціонномъ XIII вѣкѣ, на духовной почвѣ еврейства начинается развиваться новая мистическая наука — *каббала*. Въ концѣ этого столѣтія, появляется, окруженный ореоломъ таинственности, знаменитый «Зогаръ», это священное писаніе каббалистовъ. Книгу эту, написанную на арамейскомъ языкѣ, приписывали танаиту II вѣка р. Симону-бенъ-Иохан, который будто бы сочинилъ ее, сидя въ пещерѣ 13 лѣтъ. Дѣйствительнымъ составителемъ этой книги былъ испанскій раввинъ мистикъ Моисей-де-Леонъ (хотя нѣтъ сомнѣнія, что онъ не былъ единственнымъ ея авторомъ и что для составленія ея онъ дѣйствительно пользовался нѣкоторыми древними апокрифическими произведеніями, какъ мы это объяснимъ въ другомъ мѣстѣ), но легенда о священномъ ея происхожденіи быстро распространилась и была освящена, какъ и сама книга. На заглавіи этой книги до сихъ поръ красуется имя р. Симона-бенъ-Иохан, и всякій раввинъ, при ссылкѣ на нее, не иначе ее называетъ какъ «га-Зогаръ га-кодешъ» (священный Зогаръ). Здѣсь не мѣсто говорить объ общемъ влияніи «Зогара» на развитіе (или, точнѣе, на извращеніе) еврейской мысли; это влияніе было могущественно и, какъ всѣмъ извѣстно, впоследствии выразилось не въ одной только духовной сферѣ. Но особенно сильно влияніе «Зогара» отразилось на ученіи о загробной жизни. Какъ извѣстно, вся суть этой книги, какъ и всей послѣдующей мистической литературы, сводится къ крайней матеріализаціи Божества (противъ чего нѣкогда такъ сильно возставалъ Маймонидъ) и вообще всѣхъ духовныхъ представленій, связанныхъ съ понятіемъ о Богѣ. Представленія о загробной жизни, разумѣется, оказались для каббалистовъ наиболѣе благодарною темою. Развитіе этихъ представленій до мельчайшихъ подробностей и выѣстъ съ тѣмъ грубая матеріализація ихъ — вотъ любимый конекъ «Зогара» и его послѣдователей. Вы здѣсь найдете обстоятельное архитектурное описаніе геенны, подробныя статистическія свѣдѣнія о числѣ демоновъ, служащихъ въ этомъ вѣдомствѣ по части пытаній грѣшниковъ, подробное описаніе всѣхъ родовъ мукъ и пытокъ, кониъ жители геенны подвергаются; такого же рода свѣдѣнія найдете тамъ и о райской жизни. «Зогаръ» же впервые ввелъ въ еврейскія понятія о загробной жизни новый видъ наказанія: *шмулъ*, т. е. блужданіе душъ грѣшниковъ послѣ смерти и переселеніе ихъ въ людей или въ различныхъ животныхъ (смотря по степени

преступности), пока онѣ не искупятся отъ грѣховъ въ непрерывныхъ земныхъ мукахъ и не очистятся какимъ нибудь великимъ богоугоднымъ дѣломъ человѣка, въ которомъ та или другая душа временно пребываетъ; только послѣ этого допускаются онѣ на небо. Представленія о переселеніи душъ сдѣлались въпослѣдствіи весьма популярными, и мы въпослѣдствіи посвятимъ разсмотрѣнію ихъ особую рубрику. Въ *практической каббалѣ*, развитіе которой началось съ XVI вѣка (Лурье и Виталь), материализованное ученіе о загробной жизни доведено было до чудовищныхъ крайностей. Здѣсь даже подробно перечисляются всѣ виды загробныхъ наказаній, и для каждаго грѣха опредѣляется соответственное наказаніе, въ видѣ ли геенны или же переселенія, причѣмъ относительно послѣдняго точно опредѣляется, за какой грѣхъ въ какого человѣка, въ какое животное или даже неодушевленный предметъ переселится душа согрѣшившаго. Въ этой мистической литературѣ, съ перваго шага уже переступленъ тотъ естественный предѣлъ для повѣрій касательно невидимаго міра, за которымъ начинается область религіознаго безумія. Если въ талмудическихъ представленіяхъ о загробной жизни все еще чувствуется чисто народный духъ, здоровая народная фантазія, не могущая слишкомъ много отдалиться отъ природы, — то въ мистической литературѣ только и видишь что неестественныя чудовищныя представленія, которыя могли родиться только въ больномъ, извращенномъ воображеніи, переполненномъ ужасами и всякими мерзостями. Умственные болѣзни такого рода, какъ доказала намъ исторія, принадлежать къ числу эпидемическихъ; понятія же и представленія, порожденныя такими больными умами, проникая въ народъ, могутъ грозить весьма опасными для духовнаго его здоровья послѣдствіями.

Около этого же времени, между XIV и XVI столѣтіями, появляются три дотогѣ невѣдомыхъ апокрифическихъ трактата («масехетъ») о тайнахъ загробной жизни, приписываемыхъ нѣкоторымъ изъ наиболѣе авторитетныхъ составителей талмуда. Первый изъ этихъ трактатовъ называется «Масехетъ хибуть га-кеверъ» («трактатъ о могильныхъ ударахъ») и заключаетъ въ себѣ описаніе могильныхъ страданій, которымъ, по исконному народному повѣрью, подвергается человѣкъ непосредственно послѣ смерти, по опущеніи тѣла въ могилу. Этотъ маленький апокрифъ составленъ совершенно въ формѣ мишны и состоитъ изъ пяти главъ. Вторая глава начинается словами: «Спросили у р. Эліезера ученики его: каковъ порядокъ могильныхъ ударовъ? И отвѣтилъ имъ р. Эліезоръ»... (тутъ слѣдуетъ опи-

саніе «могильныхъ страданій», совершенно согласное съ существующими народными повѣртіями объ этомъ же предметѣ,—о чемъ впоследствии, въ догматической части нашего изслѣдованія). Въ другихъ главахъ рѣчь ведется отъ имени р. Меира, р. Акивы и другихъ танаитовъ. Второй апокрифъ носитъ названіе «Масехетъ гегиномъ» (трактатъ о гееннѣ). Въ четырехъ главахъ его, также имѣющихъ форму мишны, описывается порядокъ адскаго суда надъ грѣшниками, и въ этомъ описаніи мы также находимъ поразительно сходство съ нынѣ распространенными въ народѣ повѣртіями. Здѣсь рѣчь ведется главнымъ образомъ отъ имени р. Іоханана. Наконецъ, третій апокрифъ есть отрывокъ изъ древняго якобы Мидраша и носитъ заглавіе «Маасе ди рабби Іегошуа-бенъ-Левн» («Приключеніе р. Іегошуа-бенъ-Левн»). Здѣсь разсказывается о томъ, какъ одинъ ангелъ чудеснымъ образомъ перенесъ рабби Іегошуа въ «тотъ міръ» и показалъ ему мученія грѣшниковъ въ аду и блаженство праведныхъ въ раю.—Эти три трактата впоследствии цитировались во всѣхъ народныхъ «назидательныхъ книгахъ», какъ произведенія древнихъ, священныхъ авторитетовъ. Впервые они напечатаны въ Венеціи, въ 1579 году, при книгѣ извѣстнаго раввина-мистика Эліа-де-Видаса «Решитъ Хохма» («Начало премудрости»), гдѣ о нихъ говорится, какъ о недавно найденныхъ въ рукописи апокрифахъ, принадлежащихъ составителямъ талмуда *. Оставляя въ сильномъ подозрѣніи мнѣніе о древности этихъ апокрифовъ, мы однако придаемъ имъ немало-важное значеніе. Поразительное сходство ихъ содержанія съ существующими народными повѣртіями даетъ намъ основаніе думать, что эти книги дѣйствительно основаны на вѣковыхъ преданіяхъ, но не на книжныхъ, талмудическихъ, а на живыхъ народныхъ преданіяхъ и повѣртіяхъ: онѣ, по нашему мнѣнію, составляютъ продуктъ чисто-народнаго разума, чисто-народныхъ вѣрованій, которыми такъ сильно злоупотребляла послѣдующая литература.

Введеніе мистическаго элемента въ еврейскую богословскую литературу способствовало крайнему вырожденію послѣдней. Возникла особенная отрасль литературы, состоящая изъ «нравоучительныхъ книгъ» (сифре-мусаръ), которую можно было-бы почти всю назвать «литературою о загроб-

* См. послѣднее варшавское изданіе этихъ трактатцевъ въ сборникѣ апокрифовъ «Ялуть га-роимъ» (изд. Герцога, 1885 г., стр. 78—89). Большія подробности о нихъ можно найти у *Геллинка* въ сборникѣ «Бетъ га-мидрашъ», отдѣлъ I №№ 15—16 и отд. II № 5 (Лейпцигъ, 1853).

ной жизни», такъ какъ всякое нравоученіе сводится въ ней къ убѣжденію въ ничтожности сего міра въ сравненіи съ міромъ будущимъ, къ утрашенію муками ада и къ подробнѣшему описанію сихъ послѣднихъ. Количественно весьма значительная, эта отрасль литературы (особенно сильно развившаяся въ періодъ XVI—XVIII ст.) вмѣстѣ съ тѣмъ и самая популярная; она составляетъ главную духовную пищу народной массы, такъ какъ другая отрасль — раввинская казуистическая литература — по своей трудности недоступна массѣ. Эта нравоучительная, проповѣдническая литература (значительная ея часть дѣйствительно и состоитъ изъ синагогальныхъ проповѣдей) подлаживалась подъ народныя понятія, для того, чтобы тѣмъ сильнѣе извратить ихъ; она злоупотребляла склонностью народа къ конкретному, осязательному представленію отвлеченныхъ вещей, и населила будущій міръ ужасами. Глубокая пропасть лежитъ между еврейской литературой до и послѣ XVI вѣка. Мы не говоримъ о различіи во всемъ ходѣ литературы въ оба эти періода, которыя столь же противоположны, какъ противоположны философія и мистика, рационализмъ и изувѣрство; мы желали-бы сопоставить вполнѣ *однородныя* литературныя произведенія того или другого періода, а именно произведенія специально нравоучительныя. Возьмите, напримѣръ, извѣстную нравоучительную книгу XI вѣка: «Ховотъ га-леавотъ» р. Бахи-бенъ-Пакуды, и сопоставьте ее съ нравоучительной же книгой XVII вѣка: «Шеветъ-Муссаръ» Эліагу га'кегена, пользующея огромной популярностью среди евреевъ, и особенно въ массѣ, которой она доступна въ жаргонномъ переводѣ. Въ «Ховотъ га-леавотъ» (Обязанности сердецъ) на первомъ планѣ выставляется чисто-нравственное значеніе богопослушанія и добродѣтели, весьма рѣдко говорится о загробной жизни, и то указывается лишь на догматъ справедливаго воздаянія за гробомъ, безъ всякихъ представлений объ адѣ, раѣ и т. п. Авторъ—глубокой психологъ, подбирающій различные случаи и положенія въ жизни и совѣтующій, какъ въ такихъ случаяхъ поступать, чтобы вѣра и добродѣтель не пострадали; это—нравоученіе въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Но раскройте любую страницу въ «Шеветъ Муссаръ» (Путь для наказанія — названіе вполнѣ соответствующее содержанію) — и вы натолкнетесь на нѣчто, совершенно противположное. Авторъ является не увѣщателемъ, но устрашителемъ. Возьмите напримѣръ, 9-й листъ первой части этой книги *; здѣсь

* Варшавское изданіе Гольдмана, 1871 г., текстъ съ жаргоннымъ переводомъ.

авторъ усвѣщиваетъ богача, который, увлекаясь земными благами, не заботится о спасеніи своей души, не изучаетъ торы и проводитъ все свое время въ свѣтской жизни. „А ты, богачъ,—воскликаетъ авторъ,—запомни сіе, и да не будутъ деньги въ твоихъ рукахъ топоромъ, чтобы имъ срубить всѣ деревья лѣсныя для увеличенія пламени въ гееннѣ, для приготовления тамъ неугасимаго огня, на которомъ будутъ жарить всякій кусокъ твоего тѣла, для увеличенія дыму, который будетъ ослѣплять твои глаза и коптить лицо твое! И не покупай себѣ на эти деньги демоновъ погубительныхъ, которые будутъ тебя пытать, какъ не съумѣютъ этого сдѣлать самые ожесточенные дьяволы; не копай себѣ ямъ глубочайшихъ, доходившихъ до преисподней, которыхъ не въ силахъ выкопать всѣ рабочіе міра, въ теченіе вѣчности, и въ которыя тебя ввергнуть по смерти, дабы черезъ нихъ доползти до мѣста ужасныхъ мученій!... И на что тебѣ огонь геенны, гдѣ ты будешь валяться какъ песь смердащій... и будешь кричать съ плачемъ и рыданіемъ, и никто тебѣ не поможетъ!“... «Горе тому,—воскликаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ,—кто не думаетъ объ ужасахъ ангела смерти, объ исходѣ души, о мученіяхъ въ могилѣ, о червяхъ и гадахъ, развѣдающихъ тѣло; горе тому, кто не думаетъ о днѣ суда, о мукахъ геенны, о неестественныхъ смертяхъ и о переселеніи душъ!“... (л. 24).

„Представь себѣ,—увѣщаетъ далѣе „наравоучитель“,—что вдругъ ты увидишь себя на томъ свѣтѣ разбитымъ, измученнымъ... и некому сжалиться надъ тобою, а вокругъ видишь однихъ только ангеловъ-губителей, похожихъ на безобразныхъ животныхъ и пресмыкающихся. Какъ только увидишь ихъ, мракъ тебя объемлетъ и члены твоего тѣла станутъ распадаться и почувствуешь такой же ужасъ, какой чувствовалъ ты, когда видѣлъ ангела смерти, пришедшаго съ мукою вырвать душу твою изъ тѣла. А безжалостные демоны тебя подхватятъ и поставятъ тебя высоко надъ бездонною пропастью; и ты, думая, что въ сторовѣ есть, за что ухватиться, ринешься туда и вдругъ спустишься, что поразитъ тебя тѣмъ больше, что ты надѣялся на точку опоры... Удары на тебя будутъ сыпаться невыносимые, и при всякомъ ударѣ будешь ты дико вскрикивать. Подъ тобою будетъ пылать огонь и надъ тобою — смола кипящая и расплавленная известь. И ужасныя лица въ образѣ гадовъ и чертей будутъ тебя окружать со всѣхъ сторонъ“. (46)... Мы бы никогда не кончили, еслибъ продолжали цитировать. Но и приведеннаго достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какія вѣрованія внушались народу относительно загробной жизни. Такимъ же духомъ проникнута вся наравоучительная литература то-

го времени. И да не подумаетъ читатель, что такъ проповѣдывали и писали только какіе нибудь темные раввины-фанатики; нѣтъ, такъ писалъ и знаменитый раввинъ XVII вѣка, современникъ Спиннозы, ходатайствовавшій передъ Кромвелемъ о допущеніи евреевъ въ Англію, Менассе-бенъ-Израиль, въ своей книгѣ «Нипшатъ Хаимъ». Въ 53-й главѣ этой книги дѣлается подробная классификація грѣшниковъ по степенямъ адскихъ наказаній. Даже праведники, говорится тамъ, должны пройти черезъ геенну и „выкупаться въ ея огнѣ“ мимоходомъ, такъ какъ „нѣтъ праведника, который бы чѣмъ-нибудь не согрѣшилъ“. Вся, вообще, книга проникнута ученіемъ о переселеніи душъ и переполнена нелѣпѣйшими баснями о загробной жизни (Grätz, X, 86).

Какъ далеко все это отъ Моисея-бенъ-Маймона, и какъ еще дальше отъ великаго Моисея, провозгласителя величайшей міровой религіи!

Въ послѣ-маймонидовской правоучительной литературѣ мы замѣчаемъ одно общее явленіе: представленія о воскресеніи мертвыхъ и связанномъ съ нимъ всеобщемъ судѣ оттѣсняются на второй планъ, а на первый выдвигаются представленія о непосредственномъ посмертномъ воздаяніи, о судѣ частномъ надъ каждымъ человѣкомъ. Явленіе это совершенно естественное. Мысль о непосредственномъ посмертномъ судѣ надъ каждымъ человѣкомъ гораздо сильнѣе вліяетъ на религиозное чувство личности, чѣмъ мысль о какомъ-то отдаленномъ коллективномъ судѣ; а такъ какъ правоучительная литература имѣла цѣлью вліять на возбужденіе личнаго религиознаго чувства, то она и пользовалась для этого представленіями о посмертномъ воздаяніи, интенсивность которыхъ ею доведена до крайней степени. Для этого она нашла вполне готовую почву въ народной массѣ, которая всегда склонна видѣть и цѣнить въ религіи только личную ея сторону, т. е. ея непосредственное отношеніе къ личности.

Мы, такимъ образомъ, прослѣдили ходъ развитія повѣрій о загробной жизни отъ библейской эпохи до новѣйшаго времени. Читателю легко будетъ сдѣлать резюме всего сказаннаго. Мы не рассмотрѣли до сихъ поръ въ фактическихъ подробностяхъ самаго содержанія системы повѣрій, какъ она изложена въ агадической и позднѣйшей правоучительной литературѣ, именно потому, что существенная часть этой системы легла въ основаніе существующихъ народныхъ псѣвій, при описаніи коихъ ссылка на упомяну-

* Цитировано въ Шевель-Муссаръ, т. II, л. 14.

тые литературные источники будутъ необходимы. Теперь окончена *историческая* часть; къ фактической же, описательной, мы приступимъ въ слѣдующей статьѣ. Здѣсь будутъ описываться существующія народныя представленія о смерти и загробной жизни, которыя будутъ раздѣлены на четыре послѣдовательныя группы: представленія о 1) смерти, 2) адѣ, 3) раѣ и 4) переселеніи душъ.

М. Мстиславскій.

ИЗЪ ГАЛИЦІЙСКИХЪ ОЧЕРКОВЪ

НАТАНА САМУЭЛИ.

I.

Два посланца Любви.

Съ быстротой стрѣлы постоянно мчатся по улицѣ эти два чело-
вѣка—Ареле *Паровщикъ* и Хаемель *Однако*. Оба облечены въ длин-
ные, до пояса выпачканные грязью, неуклюжіе кафтаны, полы кото-
рыхъ непрерывно развѣваются отъ быстрой ходьбы и отерываютъ гла-
замъ зрителя живописный фонъ картины: пришедшіе въ совершенную не-
годность штаны и болтающіяся нити ихъ арбеканфесовъ. На обоихъ кра-
суются также одинаковыя широкополыя шляпы, низко спускающіяся на
лицо. У одного изъ нихъ, Ареле Паровщика, шляпа эта позволяетъ
выдѣляться только величественному, багровому носу; у другого же,
Хаемеля Однако, котораго Господь совершенно освободилъ отъ такого
бремени, снабдивъ его только небольшимъ признакомъ носа, головное
украшеніе спускается своими широкими полями на лицо еще ниже,
чтобъ совершенно закрыть вышеупомянутый изъянъ, и даетъ возмож-
ность зрителю усматривать только густую рыжую бороду, кажущуюся
точно охваченною неугасимымъ пламенемъ любви. Если въ этихъ обѣ-
ихъ персонахъ есть нѣчто огненное, какъ, на примѣръ, у Ареле Паровщи-
ка носъ, а у Хаемеля Однако борода, то это не можетъ быть никакимъ
инымъ огнемъ, кромѣ любовнаго, ибо вѣдь они оба—крылатые послан-
цы Амура. Ареле Паровщикъ во всякомъ случаѣ болѣе своего това-

рища близокъ къ богу любви, онъ личный адъютантъ этого послѣдняго, натягивающій для него лукъ и направляющій его руку для того, чтобы тотъ въ своей слѣпотѣ не пускалъ стрѣлъ въ пустое пространство. Но и Хаемель находится на службѣ у Амура, хотя и косвеннымъ только образомъ. Хаемель собственно ничто иное, какъ тѣнь и эхо Ареле Паровщика, за которымъ онъ повсюду слѣдуетъ и слова котораго воспроизводитъ вторично. Но это воспроизведеніе онъ закрѣпляетъ всегда, во первыхъ, словечкомъ „однако“ или „еще какъ“, а во вторыхъ — мощью своей бороды, въ которую онъ обыкновенно при подобныхъ случаяхъ впирается всѣми своими десятью пальцами, раздѣляя ее такимъ образомъ на десять частей, которыя являются какъ бы десятью неопровержимыми свидѣтелями. Какъ сила Хаемеля заключается въ его бородѣ, такъ Ареле преимущественно силенъ своимъ носомъ, который онъ во всѣхъ положеніяхъ жизни умѣетъ настраивать на самые разнообразныя тоны — и, Боже мой, какихъ только звуковъ не извлекаетъ онъ изъ этого чуднаго инструмента! То весело свиститъ носъ, то пускаетъ рѣзко-пронзительную ноту, то гудитъ зловѣще-печально, то разражается трубнымъ ликованьемъ, словомъ — для всякаго своего настроенія умѣетъ Ареле находить въ своемъ носу соответствующій тонъ и звукъ!

Прозвищами „Паровщикъ“ и „Однако“ надѣлили обоихъ посланцевъ любви городской шутникъ — острякъ Береле Маршалекъ.

Поводомъ къ этому послужило слѣдующее происшествіе:

Ареле устраивалъ свадьбу дочери нѣкоего Израилля Эттелеса съ сыномъ нѣкоего Сендера Брейткопа изъ Д. Барышня была поразительно черна, точно ее безчисленное количество разъ протащили съвозъ дымовую трубу, и при этомъ такъ тоща и плоска, какъ дощечка, подвергнувшаяся неоднократному струганью. Въ свою очередь, молодой человекъ обладалъ такимъ значительнымъ тѣлеснымъ изъяномъ, который каждому кидался въ глаза. Что касается дѣвушки, то тутъ Ареле не имѣлъ никакого труда въ своемъ сватовствѣ, такъ какъ онъ изобразилъ ее родителямъ молодого человѣка красавицею въ новомъ вкусѣ, силь-

ною брюнеткою, которая еще только развивается физически—чему родители охотно повѣрили, ибо не были же они слѣпы къ изъяну своего сына, котораго готовы были женить на комъ угодно, лишь бы женить. Но оставалась самая трудная часть дѣла—повліять на родителей дѣвушки. Тутъ Ареле предстояло пустить въ ходъ все свое искусство—медленно и осторожно подготовить отца и мать къ тѣлесному недостатку жениха, предварительно отуманить имъ зрѣніе, или по крайней мѣрѣ отвлечь его отъ этого недостатка разными блестящими перспективами иного рода, дабы страшная пренона явилась имъ въ нѣсколько уменьшенномъ и смягченномъ видѣ. Отъ благополучнаго и искуснаго проведенія этого плана зависѣло устройство брака. Поэтому Ареле приготовился къ атакамъ всеми, находившимися у него въ распоряженіи оружіями и подготовилъ къ тому же своего коллегу, дабы тотъ неуклонно поддерживалъ его и неукоснительно подкрѣплялъ его рѣчь своими „однако“ и „еще какъ“, однимъ словомъ—служилъ ему постояннымъ и энергическимъ эхо,—ибо чего нибудь болѣе онъ не могъ и не долженъ былъ ожидать отъ своего безносаго органа.

И вотъ они явились къ ребѣ Израилю Эттелесу, отцу невѣсты.

Ареле, который и здѣсь, какъ во всѣхъ другихъ домахъ, былъ свой человѣкъ, какъ только вошелъ въ комнату, упалъ въ изнеможеніи на диванъ, вынулъ изъ кармана ярко-пестрый носовой платокъ и, произведя со своимъ носомъ такую операцію, которая заставляла этотъ членъ издать жалобный звукъ, повелъ слѣдующую рѣчь:

— Ахъ, ребѣ Израиль, тяжелый, я вамъ скажу, хлѣбъ—эта шадхенская работа! * Правду говорить талмудъ, что паровать людей также трудно, какъ раздѣлять пополамъ море.

— Охъ, трудно, еще какъ трудно, совсѣмъ какъ раздѣлять пополамъ море!—подтвердилъ Хаемель, при чемъ впился разставленны-

* Шадхенъ—свать.

ми пальцами своихъ обѣихъ рукъ въ бороду, и Черное море раздѣлилось на десять частей...

— Много пришлось мнѣ потрудиться, — продолжалъ Ареле, — но наконецъ удалось выискать для вашей дочери жениха: сына ребѣ Сендера Брейткопа изъ Д.

— Однако, однако, и еще какого жениха! — прозвучало эхо.

— Вотъ гдѣ настоящее богатство! — вѣщала дальше Ареле.

— Однако, однако... и еще какое богатство! — звучали уста то-варища, точно часы съ репетиціей.

— И семья — знатная, самая чтò ни на есть знатная!

— Знатная... однако, однако... самая знатная!

— А женихъ... да, скажу вамъ, ребѣ Израиль, цвѣтокъ — не женихъ!

— Еще какой цвѣтокъ!

— И въ добавокъ жениху дадутъ гораздо больше приданого, чѣмъ вы даете дочери, чтò вѣдь выходить совсѣмъ на выворотъ...

— Конечно на выворотъ... такое приданое... однако, однако... приданое!..

Ребѣ Израиль, выслушавъ этотъ дуэтъ до конца, заговорилъ въ свою очередь:

— Дѣйствительно, — сказалъ онъ, — все достоинства и достоин-ства! Но вѣроятно тутъ есть и недостатокъ...

— Недостатокъ? — И Ареле извлекъ изъ своего носа мужествен-ный свистъ. — Скажите лучше — преимущество!

— И еще какое преимущество! — быстро поддакнулъ Хаемель.

— Какое же преимущество? — освѣдомился ребѣ Израиль.

— Женихъ будетъ освобожденъ отъ воинской повинности.

— И еще какъ освобожденъ!

— Отчего же это? — продолжалъ разспрашивать ребѣ Израиль.

Ареле возмущился:

— Почему? Да потому, что онъ — партія, у которой достоинство на достоинствѣ, преимущество на преимуществѣ.

— Какимъ же это образомъ, — продолжалъ ребъ Израиль все съ большимъ и большимъ любопытствомъ, — при столькихъ достоинствахъ и преимуществахъ ребъ Сендеръ даетъ больше приданого, чѣмъ я? Ради чего онъ это дѣлаетъ?

— Ради чего онъ это дѣлаетъ? — съ торжествомъ сказалъ Ареле; — ради того, что я уговаривалъ его и росписывалъ все до тѣхъ поръ, пока онъ не согласился. Да-съ, такъ и знайте, что Ареле много можетъ сдѣлать, коли захочетъ.

— Да, мы много можемъ, — отозвалось эхо, — и еще какъ много!

— Да, охотно вѣрю, — замѣтилъ съ улыбкой ребъ Израиль, — но соберемъ-ка все, что вы тутъ наговорили: такое большое богатство, самая знатная семья, женихъ — цвѣтокъ, освобожденъ отъ воинской повинности — и при всемъ этомъ ребъ Сендеръ, вопреки всякимъ правиламъ, даетъ сыну своему больше приданого, чѣмъ я — дочери!.. Нѣтъ, ужъ какъ хотите, а тутъ чтонибудь да не такъ!

— *Что* *нибудь*, дѣйствительно только что *нибудь*! — рѣшился наконецъ объявить Ареле; — сущій пустякъ, не больше булавочной головки!

— *Что* именно какъ булавочная головка? — спросилъ ребъ Израиль.

— Да говорятъ вамъ, совсѣмъ ничего, и толковать не стоитъ... едва замѣтно... ну, не больше булавочной головки!

— Да что вы все — булавочная головка, да булавочная головка! Что такое не больше булавочной головки?

Наступила рѣшительная минута: надо было высказаться. Ареле приготовился къ этому очень серьезно, заставивъ свой носъ свиснуть нѣсколько разъ одинъ велѣдъ за другимъ.

— Да что? — произнесъ онъ, наконецъ, въ совершенно-пренебрежительномъ тонѣ; — говорятъ... люди толкуютъ... только это совсѣмъ незамѣтно... толкуютъ, будто у жениха сзади что-то въ родѣ горба....

— Однако... однако... и какой еще горбъ!..—добавило вѣрное своему долгу эхо.

Ареле въ испугѣ откинулся назадъ, услышавъ это страшное эхо, и такого яростнаго звука, конечно, никогда еще не издавалъ его носъ... Хаемель и самъ испугался своего собственнаго голоса, такъ, какъ это восклицаніе вырвалось изъ его устъ невольно и только по привычкѣ. Но еще болѣе, чѣмъ обоихъ ихъ, поразило все это отца дѣвушки.

— Вы безстыдный человѣкъ!—набросился онъ на Ареле, — мошенникъ, торгашъ людскими душами! Какъ вы смѣете предлагать моей дочери жениха съ горбомъ? Вонъ отсюда! Чтобъ нога ваша никогда больше не переступала порога моего дома!

Ареле увидѣлъ, что если онъ не оставитъ немедленно этой комнаты, то ребъ Израиль поможетъ ему это сдѣлать — и поэтому отретировался, а тѣнь его вслѣдъ за нимъ. Но прежде чѣмъ захлопнуть за собой дверь, онъ еще вынулъ жало противъ своего обидчика.

— Не зачѣмъ вамъ такъ гнѣваться, ребъ Израиль, — сказалъ онъ, держа ноги наготовѣ для удирательнаго марша, — я спаровалъ очень хорошо: чего совѣмъ нѣтъ у вашей красавицы-дочечки, то съ избыткомъ есть у жениха: она слишкомъ плосковата, онъ немножко черзуръ полонъ... одно на другое и выходитъ!

Въ тотъ же самый день, въ синагогѣ, гдѣ послѣ молитвы обсуждались всѣ современныя событія, это происшествіе послужило матеріаломъ для живой и занимательной бесѣды...

— Ну, нечего сказать,—замѣтилъ одинъ: — получилъ сегодня Ареле-шадхенъ отъ ребъ Израиля Эттелеса порядочный носъ!

— Такъ ужъ всегда водится въ этомъ северномъ мірѣ! — перебилъ его острякъ Береле Маршалекъ съ комическимъ вздохомъ,—у кого много есть, тому дается еще больше. Развѣ не было бы гораздо благороднѣе дать носъ Хаемелю, у котораго таковой вовсе не обрѣтается?

— А между тѣмъ Хаемель вполне заслужилъ его, — сказалъ первый и сообщилъ, какъ некстати подвернулся тотъ со своимъ „однако, однако...“

— Это удачное „однако“, — замѣтилъ Береле Маршалекъ, — заслуживаетъ никогда не быть преданнымъ забвенію. Мы съ этихъ поръ будемъ прозывать умнаго шадхена *Хаемель Однако*.

Предложеніе было единогласно принято при громкомъ хохотѣ.

— А какой же носъ получилъ Ареле отъ ребъ Израиля? — освѣдомился одинъ изъ присутствующихъ.

— Ребъ Израиля показалъ ему дверь.

— Вѣроятно, онъ хорошо замѣтилъ себѣ ее, — смѣясь, сказала Маршалекъ, — и завтра снова постучится въ эту дверь.

— Нѣтъ, не посмѣетъ больше, — возразилъ первый, — потому что онъ тяжело обидѣлъ ребъ Израиля.

И тутъ была сообщена слушателямъ нивеллировочная система Ареле — именно, какъ онъ сказалъ ребъ Израилю, что его парованіе совсемъ не такъ дурно, ибо у горбатаго жениха слишкомъ много того, чего у сильно выструганной невѣсты слишкомъ мало...

— Ну, теперь я понялъ!.. — замѣтилъ Маршалекъ, сдѣлавъ рукою движеніе въ воздухѣ, каковое всегда обозначало у него, что онъ намѣревается съострить.

— Что вы поняли? — съ любопытствомъ спросили съ разныхъ сторонъ.

— Я понялъ, почему Ареле спаровался именно съ Хаемелемъ, а не съ другимъ шадхеномъ.

— Почему же? — продолжали освѣдомляться отовсюду.

— Потому что Ареле и при этомъ выборѣ дѣйствовалъ совершенно согласно со своей системой, — прокричалъ Маршалекъ гѣвучимъ голосомъ: — чего Хаемелю не хватаетъ по части носа, того у него самого слишкомъ много; одно на другое и выходить.

Стѣны синагоги задрожали отъ новаго хохота.

— Ну, — заключилъ Маршалекъ, — такъ какъ Ареле умѣетъ па-

ровать такъ отлично, то, конечно, заслуживаетъ, чтобъ мы съ этихъ поръ звали его *Ареле Паровщикъ*.

Такъ ово и было.

Съ того дня въ городѣ С. одного адъютанта бога Амура зовутъ Хаемель *Однако*, другого—*Ареле Паровщикъ*.

II.

Антисемитъ.

Во времена господства прежняго окружного начальника, еврейской общинѣ въ Р. жилось очень привольно. Тогда предъ каждымъ еврейскимъ домикомъ красовался памятникъ въ видѣ навозной кучи очень почтеннаго возраста и пахнувшей не совсѣмъ розами; тогда относились еще съ уваженіемъ и пощадой въ старческимъ годамъ всѣхъ полуразрушенныхъ построекъ, какъ ни бачали онѣ дряхлыми головами, какъ ни угрожали похоронить подъ собою ихъ обитателей; тогда „клаузы“ * выросли въ одну ночь, словно ядовитые грибы; хасидамъ не было запрещено производить свои безчинства открыто на улицѣ; всѣ чудотворцы имѣли право устраивать здѣсь свои резиденціи и высасывать, совершенно по своему усмотрѣнію и желанію, кровь изъ бѣднаго, невѣжественнаго населенія; представителямъ религіи было вполне предоставлено замазывать глаза своей набожной паствѣ, и ни одна рука не подымалась на хедеры; однимъ словомъ — евреи владѣли здѣсь привилегіями, въ которыхъ могли имъ позавидовать всѣ ихъ друзья и враги.

Но всякое великолѣпіе имѣетъ на землѣ свой конецъ. По удаленіи вышеупомянутаго окружного начальника, былъ призванъ на его мѣсто изъ неизвѣстной мѣстности другой, и этотъ другой — по крайней мѣрѣ, по увѣренію членовъ здѣшней общины — оказался деспотомъ, жестокосердымъ тираномъ, однимъ словомъ — „антисемитомъ“. По его приказанію, всѣ навозные холмы передъ домами подвергнулись разсыпанью и

* Молитвенный домъ, служащій въ то же время и мѣстомъ для ученія.

уничтоженію, старческой возрастъ всѣхъ полуразвалившихся домиковъ не былъ пощаженъ, хассидамъ пришлось залезти въ свои норы, подобно боящимся свѣта ночнымъ птицамъ, всѣ цадики, совокупно со своими приверженцами, увидѣли себя въ необходимости бѣжать изъ города, многіе клаузы закрыты были, и, наконецъ, — что было всего страшнѣе — надъ хедерами пронеслась опустошительная буря.

Кто же удивится послѣ этого, что всѣ члены общины сплотились, какъ одинъ человекъ, для того, чтобы поставить преграду бѣдствію — спасти свое священнѣйшее достояніе — „хедеры?“ Неслыханное дѣло! Этотъ окружной начальникъ требуетъ, чтобы меламеды предъявляли ему свои „квалификаціонныя свидѣтельства“, т. е. права на обученіе! Что общаго у еврейскаго обученія съ этимъ иностраннымъ словомъ? Онъ требуетъ, чтобы „хедеры“ не были лишены свѣта и воздуха, какъ будто безъ того и другого нельзя быть вполне набожнымъ евреемъ! Развѣ ихъ родители, и прародители, и прапрародители, не получили образованія въ этихъ же самыхъ темныхъ и душныхъ комнатахъ и, выйдя оттуда, не пережили и не наплодили дѣтей и внучать въ полномъ изобиліи? Понадобились, вишь, этому привереднику просторныя и свѣтлыя комнаты! Пожалуй, онъ скоро потребуетъ школъ, комнатъ съ полами, а тамъ и учителей въ короткихъ сюртукахъ и съ обнаженными головами! Нѣтъ, долѣ снести это — невозможно!

И вотъ устроили „ассифу“ (собраніе).

Въ тотъ день служба синагоги, вооруженный своимъ деревяннымъ молоткомъ, переходилъ отъ одной еврейской двери къ другой и тремя ударами въ каждую приглашалъ въ это засѣданіе всѣхъ членовъ общины.

И всѣ они, съ женами и дѣтьми, стекались въ большую синагогу, скоро наполнявшуюся такимъ множествомъ народа, что можно было подумать — сегодня судный день.

Что творилось въ этомъ засѣданіи? Кому въ Галиціи неизвѣстно, какъ происходятъ подобныя собранія? — Всѣ рты находятся въ быстрой и сильной движеніи, такъ что различныя визжащія, кричащія

и верчащія голоса сливаются въ одинъ вавилонскій хаосъ, въ которомъ ни одинъ изъ присутствующихъ не можетъ различить свой собственный голосъ. Тогда служба синагоги начинается бѣшено колотить по столу своею дощечкой, носящей названіе „пральника“, чтобы такимъ способомъ побудить почтеннѣйшую публику попридержаться, наконецъ, языкъ за зубами. Послѣ этого призыва къ порядку буря переходитъ въ общее, нескончаемое шиканье, ибо всѣ считаютъ себя обязанными заставить повелительнымъ „шш!“ замолчать другъ друга. Но эти „шш!“ имѣютъ только то дѣйствіе, что каждый отдѣльный человѣкъ чувствуетъ побужденіе запретить другому произнесеніе этого „шш!“ Дѣлается это, конечно, посредствомъ собственнаго, тѣмъ болѣе энергическаго и продолжительнаго „шш“, вслѣдствіе чего всѣ эти, другъ друга заглушающіе „шш“ сливаются въ одинъ общій, подобный шуму морскихъ волнъ, хоръ, — и такимъ образомъ засѣданіе оканчивается.

Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ заключать, что такимъ способомъ не достигается никакой результатъ. О, совершенно напротивъ! На настоящемъ засѣданіи было рѣшено — всѣми силами защищать „хедеры“.

И принялись защищать.

Именно въ первый же понедѣльникъ послѣ этого вся еврейская община весь день *постилась*.

Но это средство — въ прежнее время, быть можетъ, оказывавшееся очень дѣйствительнымъ — на этотъ разъ не привело ровно ни къ чему. Проклятый окружной начальникъ, какъ видно, твердо рѣшился похерить хедерство. Онъ обложилъ старшины общинъ высокими штрафами, часто собственною своею персоною вторгался въ хедеры и разгонялъ учащихся, грозилъ меламедамъ арестами — и вотъ теперь, въ добавокъ ко всему этому, сталъ обнаруживать намѣреніе насильно посылать еврейскихъ дѣтей въ городскія школы. Однимъ словомъ, общій постъ ни на каплю не уменьшилъ силы этого, столь жестокосердаго, окружного начальника.

А между тѣмъ городокъ Р. мало по малу преобразовывался и возрождался, какъ фениксъ изъ своего пепла. Изъ кучъ мусора отъ раз-

рушенныхъ лачугъ подымались красивые, бѣленьіе домики съ милыми фасадами и живописными башенками; ухабистыя мостовыя выровнялись, прежняя запущенность и безпечность уступила мѣсто аккуратности и порядку, болотистый и поросшій бурьяномъ городской паркъ превратился въ чудесный садъ съ тѣнистыми аллеями, лужайками, цвѣточными бесѣдками и серебристыми ручейками. Христіанское населеніе самымъ единогласнымъ образомъ одобряло новаго начальника, хотя тоже имѣло основаніе негодовать на его безвѣріе, такъ какъ онъ и въ церковь не ходилъ и къ исповѣди не являлся. Населенію еврейскому приходилось отъ него очень тяжело: онъ, повидимому, поставилъ себя спеціальною цѣлью донекать именно евреевъ. Сегодня онъ приказывалъ имъ реставрировать синагогу, завтра закрыть „клаузь“, послѣ завтра выгонялъ изъ города какого нибудь заѣзжаго чудотворца — а однажды повергъ всю общину въ неописанный трепетъ и ужась....

Именно, однажды явился въ синагогу во время богослуженія судебный приставъ — ну, какъ есть судебный приставъ, въ настоящемъ видѣ и полной формѣ: фуражка съ кокардой, зеленый виць-мундиръ и неизбѣжная пачка бумагъ подъ мышкой... Что можетъ понадобиться такой персонѣ въ синагогѣ?

Понятно, что при видѣ его все молившееся собраніе пришло въ нѣмой ужась; но это не помѣшало служителю правосудія тѣмъ надменнѣе и повелительнѣе пройти къ передней стѣнѣ, гдѣ одинъ изъ старшинъ общины — не превосходившій остальныхъ храбростью — стоялъ передъ своимъ пюпитромъ.

— Окружной начальникъ, — провозгласилъ судебный приставъ, — изволилъ приказать, чтобы одинъ изъ старшинъ завтра явился къ нему.

— Явиться?.. А по каковой причинѣ? — спросилъ совсѣмъ растерявшійся старшина.

Но служитель правосудія состроилъ серьезную и важную фізіономію, какъ будто хотѣлъ сказать, что судебныя тайны не должны быть

выдаваемы, и, не отвѣтивъ ни слова, размѣренными шагами вышелъ изъ синагоги...

Послѣ нѣсколькихъ минутъ нѣмого испуга вдругъ изъ всѣхъ усть, точно изъ лопнушаго котла, вылетѣли всевозможные звуки человѣческихъ голосовъ.

— Это на счетъ того, чтобы заставлятъ дѣтей ходить въ городскія школы!—началь одинъ.

— Да, да! — поддержали его двадцать другихъ, — на счетъ школы! Начнутъ таскать нашихъ дѣтей въ школы!..

— Чтобы совращать ихъ съ пути истиннаго! — закричало нѣсколько десятковъ новыхъ голосовъ.

— Онъ хочетъ совсѣмъ погубить евреевъ! — раздался жалобный хоръ со всѣхъ сторонъ.

— О, вы еще не все знаете! — крикнулъ одинъ съ особенно глубокомысленной физиономіей; — онъ намѣревался даже закрыть синагогу!

— Синагогу! — въ ужасѣ воскликнули всѣ; — это почему же?

— Потому, что онъ уже два раза приказывалъ ее реставрировать.

— А гдѣ же будемъ мы молиться?—спросили многіе.

— Какая тамъ синагога, что вы толкуете! — воскликнулъ новый членъ собранія, гребя длинными руками, точно веслами, и расталкивая ими толпу; — совсѣмъ не синагогу хочетъ онъ закрыть, а мивву *, для того, чтобы еврейскія дѣти не размножались такъ сильно!

— И за незаконными браками намѣренъ онъ слѣдить очень строго!—дополнилъ другой.

— Какъ же мнѣ теперь быть!—жалобно завопилъ третій:—вѣдь на завтра назначена свадьба моего сына!

* Специальное купанье для еврейскихъ женщинъ.

— Не браки, — утѣшили его сосѣдъ, — хочеть отмѣнить онъ, а миле *; я это знаю изъ достовѣрнаго источника.

— А я въ свою очередь знаю, — сообщилъ одинъ, — что онъ желаетъ, чтобы мертвыхъ не хоронили раньше сорока восьми часовъ послѣ смерти.

— Сорокъ восемь часовъ! — въ ужасѣ крикнула вся община.

— Собирается онъ тоже отмѣнить митту ** и ввести въ употребленіе похоронныя дроги! — доложилъ другой.

— И заставить насъ, — дополнилъ первый, — хоронить нашихъ мертвецовъ въ гробахъ.

— Въ гробахъ! — заголосила вся община; — ну, конецъ всему нашему еврейству!

— Однако, что же намъ сдѣлать, чтобы воспрепятствовать всему этому? — задалъ, наконецъ, вопросъ старшина, точно выйдя изъ глубокаго ошеломленія.

— Прежде всего „ассифа!“ — въ одинъ голосъ крикнуло собраніе.

Въ тотъ же самый день служка синагоги снова обходилъ со своимъ деревяннымъ молоткомъ одинъ домъ за другимъ и снова тремя ударами созывалъ всѣхъ въ ассифу...

И опять всѣ, съ женами и дѣтьми, большими, шумными толпами ринулись въ большую синагогу...

И эта ассифа ни на волосъ не отличалась отъ остальныхъ, но важный результатъ былъ тѣмъ не менѣе достигнутъ...

Мудрый совѣтъ подалъ на этотъ разъ Гецеле Аллесь, хитрый, умный человѣчекъ въ общинѣ, который въ нуждѣ всегда находилъ добрый совѣтъ...

— На этой недѣлѣ, — сказалъ онъ — у нихъ рождественскіе праздники, и поэтому имъ понадобится много съѣстной провизіи. Мое мнѣніе — преподнести эти вещи въ подарокъ супругѣ окружного на-

* Обрѣзаніе.

** Похоронныя носилки.

чальника. Окружной начальникъ не можетъ принимать отъ насъ никакого подарка, ибо онъ присяжный чиновникъ; супругъ же его, напротивъ, ничто не препятствуетъ дѣлать это, а разъ что мы привлечемъ ее на свою сторону, такъ и супругъ совѣмъ у насъ въ рукахъ. Мнѣ уже не одинъ разъ удавалось черезъ жену прибирать и мужа.

Мудрое предложеніе было принято съ общимъ одобреніемъ.

— Но кто же рѣшится взять на себя поднесеніе этого подарка?

На нѣкоторое время этотъ вопросъ поставилъ всѣхъ въ очень затруднительное положеніе.

Но и тутъ маленький Гецеле изъявилъ готовность принять на себя эту опасную роль, потому что въ храбрости у него отнюдь не было недостатка, что онъ доказалъ на дѣлѣ уже безчисленное количество разъ: неоднократно, очень неоднократно выталакивалъ его за дверь тотъ или другой чиновникъ, и онъ постоянно снова проскальзывалъ въ ту же дверь, чтобы повергнуться ницъ предъ „всемилоостивѣйшимъ господиномъ“.

И уже въ тотъ самый день двинулся мужественный Гецеле по направленію къ дому окружного начальника. Онъ шелъ, нагруживъ обѣ руки различными съѣстными припасами—головой сахару, нѣсколькими фунтами кофе и шоколаду, а равно и живымъ существомъ, которое однажды уже спасло Капитолій — именно, жирнымъ, упитаннымъ гусемъ. Изъ всѣхъ этихъ вещей, за исключеніемъ гуся, половину Гецеле нашелъ нужнымъ оставить у себя дома, потому что *все* это количество показалось ему слишкомъ тяжелой ношей, и онъ сказалъ своей женѣ: „Я представляю себѣ, что я тоже—частица господина окружного начальника и что, слѣдовательно, нѣкоторая доля этихъ вещей нужна тебѣ и пригодится точно также какъ и господину окружному начальнику!“

Съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ожидала вся община возвращенія Гецеле. Но каковъ же былъ ея испугъ, когда по истеченіи не болѣе получаса она увидала Гецеле шествующимъ изъ дома окружного началь-

ника въ такомъ же нагруженномъ видѣ, въ какомъ онъ отправился туда.

— Провалиться бы сквозь землю этой окружной начальницѣ! — прошипѣлъ Гецеле въ отвѣтъ на всѣ вопросы, которыми осадила его толпа.—Представьте вы себѣ: какъ только я вошелъ въ домъ, она меня спрашиваетъ: „куда?“ Скажите пожалуйста—точно требуется сперва ей доложить, куда идешь? Натурально, у меня за отвѣтомъ дѣло не стало. „Къ вамъ—говорю—милостивѣйшая государыня,—подарочекъ отъ еврейской общины!“ Она какъ услышала это, вдругъ завопила точно помѣшанная: „Вонъ откуда сiю минуту!“ Но я убраться не спѣшилъ, а отвѣчалъ: „Тутъ вѣдь ничего дурного нѣтъ, милостивѣйшая государыня моя; это только маленькое вниманiе, потому какъ теперь наступаютъ ваши прекрасные праздники. Кушайте на здоровьечко съ вашимъ супругомъ и дѣточками!“ Какъ сказалъ я это—она принялась такъ хохотать, что я подумалъ,—вотъ, вотъ рассыпется! А затѣмъ и говоритъ: „Вотъ-то смѣшная каналья!“ Ну, тутъ смѣшная каналья поняла, что ей слѣдуетъ дѣлать — и пошла складывать всѣ эти продукты въ кухню. Но тогда дѣло приняло уже совсѣмъ серьезный оборотъ... Ну, да что вамъ долго рассказывать? Меня просто вышвырнули за дверь со всѣми этими вещами. Вотъ я теперь и спрашиваю васъ — не стоитъ ли эта окружная начальница, чтобъ ей провалиться сквозь землю?

Обсуждать этотъ вопросъ было некогда, потому что на первый планъ выступилъ другой, важнѣе:

— Какъ же теперь быть? Что дѣлать?

— Надо идти къ начальнику по его требованiю, — рѣшила вся община, —чтобы не раздражать его еще больше.

— Но кому идти? Которому изъ старшинъ?

— Вамъ, ребъ Мендель, — обратился одинъ изъ нихъ къ другому;—вамъ слѣдуетъ идти: вы вѣдь самый между нами достойный!

— Это съ какой стати?—въ испугѣ возразилъ ребъ Мендель;—

совсѣмъ напротивъ! Самый достойны вы, ребъ Авремель! Вамъ идти къ начальнику!

— Ребъ Ареле, — обратились тогда тотъ и другой къ третьему старшинѣ, — собственно говоря, идти слѣдуетъ вамъ, ибо вы на всякія рѣчи большой мастеръ!

— Странныя у васъ выдумки! — горячо возразилъ ребъ Ареле. — Я мастеръ на рѣчи! Я краснорѣчивъ! Вотъ ужъ совсѣмъ напротивъ!

Негодование Ареле было отнюдь не безосновательно, такъ какъ онъ страшно заикался... Тѣмъ не менѣе, въ мирныя времена имѣлъ онъ слабость при всякомъ удобномъ случаѣ выступать въ качествѣ оратора... Да, въ мирныя времена, но не въ такія критическія, такія тяжкія...

Нѣкоторое время благородный диспутъ между тремя старшинами оставался нерѣшеннымъ.

Наконецъ, однако, нашли исходъ:

Къ окружному начальнику отправились всѣ трое — соединенными силами.

Дверь въ кабинетъ начальника была заперта, потому что тамъ находилось уже нѣсколько посѣтителей. Поэтому старшинамъ пришлось подождать въ передней. Черезъ затворенную дверь долеталъ до нихъ рѣшительный, по временамъ жесткій голосъ окружного начальника, и это обстоятельство не могло особенно способствовать укрѣпленію въ нихъ бодрости и мужества.

— Онъ въ очень дурномъ настроеніи! — прошепталъ одинъ старшина.

— Вѣшенный антисемитъ! Исчезнуть бы ему съ лица земли! — замѣтилъ другой, облегчая этимъ свое сердце.

— Богу только вѣдомо, что насъ ожидаетъ! — со вздохомъ прибавилъ третій.

Но вотъ дверь открылась, посѣтители вышли, и наши старшины не успѣли осмотрѣться, какъ уже стояли въ кабинетѣ начальника.

Начальникъ былъ коротенькая, приземистая фигура, очень смуг-

лый брюнетъ съ благородными, рѣзкими чертами лица и парюю черныхъ, блестящихъ глазъ.

— Почему же, господа, вы потрудились пожаловать сюда всё трое?—спросилъ онъ привѣтливымъ тономъ, въ то же время пригласивъ ихъ движеніемъ руки занять мѣсто на диванѣ...

Ни одинъ изъ старшинъ не позволилъ себѣ воспользоваться этимъ почетнымъ приглашеніемъ, — но Авремеле-заика тотчасъ же почувствовалъ пробужденіе своего ораторскаго таланта.

— Да, — началъ онъ, — мы явились всё трое просить ваше высокородіе...

— Просить?—повторилъ начальникъ, — о чемъ же?

— Чтобы ваше высокородіе насъ не преслѣдовали!..

Лицо начальника снова приняло строгое выраженіе.

— Преслѣдовать!—рѣзво сказалъ онъ;—я васъ не понимаю.

Ораторскій талантъ заика-старшины мгновенно погибъ...

— Это мы на счетъ хедеровъ...—долженъ былъ пояснить за него другой старшина.

— Такое преслѣдованіе я считаю цѣлебнымъ лекарствомъ, — возразилъ начальникъ серьезнымъ тономъ. — Впрочемъ, этой больной, изувѣченной общинѣ потребны еще многія другія ампутаціи...

— Митта, миве, миле!—подумали старшины и уныло опустили головы.

— Но это дѣло особое, — продолжалъ начальникъ, снова перейдя въ привѣтливый тонъ;—я пригласилъ одного изъ васъ къ себѣ съ совсѣмъ иною цѣлью.

Всѣ трое опять подняли головы.

— Съ какою же иною?—освѣдомился заика, снова почувствовавшій себя ораторомъ.

— Я хотѣлъ васъ просить, господа, пожаловать завтра вечеромъ въ мою квартиру, и притомъ еще съ нѣсколькими...

— Еще съ нѣсколькими!..—изумленно повторили всё трое;— для чего же?

— Завтра,—совершенно добродушно отвѣчалъ начальникъ:—
*годовщина смерти моей матери, и мнѣ хотѣлось бы
прочестъ кадишь...*

— Прочестъ кадишь!!—съ неописаннымъ удивленіемъ восклик-
нули всѣ трое.—Но къ Ареле вдругъ возвратилось все его мужество:
онъ совершенно фамиллярно опустился на диванъ, къ которому за нѣ-
сколько минутъ до того не смѣлъ прикоснуться, нюхнулъ порядочную
порцію табаку и выпустилъ энергическимъ голосомъ изъ заикающихся
устъ:

— Зна... зна... значить, вы настоящій семитъ!..

Перев. Петръ Вейбергъ.

ПЪСНИ ДНЯ.

СОНЕТЪ.

Въ дни юности, мой духъ восторгомъ озаряя,
Любовь-волшебница витала надо мной,—
И мѣръ казался мнѣ тогда свѣтлѣе рая,
И цѣлый родъ людской—семьей моею родной.

Минули дни, какъ мигъ. Дорогой непривѣтной
Я брелъ среди толпы, безмолвенъ и угрюмъ,
Не встрѣтилъ я нигдѣ мечты моей завѣтной
И горько осмѣялъ я плодъ незрѣлыхъ думъ.

Я брелъ стезей своею... Но часъ пробилъ свиданья:
Услышалъ вкругъ себя я вопли и рыданья,
Двѣ рати въ грозный бой суровый рою погналъ,—

Враждой я воспылаю, занесъ надъ ближнимъ руку—
И съ плачемъ опустилъ... Смиривъ сердца музу,
„Люби враговъ своихъ!“ мнѣ кто-то прошепталъ...

М. Абрамовичъ.

ТЕОЛОГИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ СПИНОЗЫ.

(Окончаніе) *.

Jedes Elementarbuch ist nur für
ein gewisses Alter.

Lessing.

V.

Мы уже видѣли выше, что вся богословская критика Спинозы, въ конечномъ своемъ результатѣ, сводится къ отдѣленію области вѣры отъ области философствованія. Кладя между философіей и теологіей широкую межу, Спиноза этимъ подготовляетъ себѣ почву для развитія своихъ политическихъ взглядовъ. Справедливость, однако, требуетъ сказать, что политическое міровозрѣніе Спинозы не отмѣчено тою самостоятельностью и оригинальностью, которыя составляютъ выпуклую особенность его метафизическихъ и богословскихъ ученій. Теорія политическаго натурализма создана не авторомъ «Теологико-политическаго трактата».

Хотя Гуго Гроцій первый между мыслителями новаго времени заговорилъ о «соціальномъ договорѣ», истиннымъ творцомъ договорнаго государства долженъ быть признанъ, однако, знаменитый англійскій мыслитель Гоббесъ, впервые развившій съ такою необыкновенною послѣдовательностью естественныя основанія государственной жизни. Въ своемъ политическомъ ученіи Спиноза—

* См. Восходъ кн. XI.

ученикъ Гоббеса. Въ трактатѣ о «Гражданинѣ» * Гоббесъ отвергаетъ положеніе Аристотеля, что человѣкъ есть ζῷον πολιτικόν (животное общежительное)—положеніе, приводящее, какъ мы уже видѣли, къ признанію государства первобытной формой человѣческой жизни. Гоббесъ, а за нимъ и Спиноза утверждаютъ, что «люди не рождаются гражданами, а дѣлаются таковыми» **. Государственному состоянію—учать оба мыслителя—предшествуетъ состояніе естественное, въ которомъ люди, одержимые однѣми страстями, не знаютъ взаимнаго согласія и живутъ только по законамъ своей природы. На этой стадіи своего развитія человѣкъ дѣлаетъ только то, къ чему побуждаютъ его страсти и необузданная воля. Въ естественномъ состояніи нѣтъ обязанностей, гражданскихъ и нравственныхъ законовъ, нѣтъ иныхъ велѣній, кромѣ велѣній природы. На этой первобытной ступени—грубая физическая сила есть тотъ радіусъ, которымъ человѣкъ чертитъ кругъ своихъ правъ, чертитъ безъ всякаго соображенія съ интересами другихъ индивидовъ, руководясь однимъ только желаніемъ — исчерпать до дна всѣ свои естественныя способности ***. Въ état de la nature сила, свобода и право—синонимы. Коварно убить когонибудь не есть преступленіе, — возможность такого дѣянія есть его единственное и полное оправданіе. Дать обѣщаніе и нарушить его тоже не значитъ совершить преступленіе; напротивъ того, — исполнить обѣщаніе и этимъ причинить себѣ вредъ, значитъ несправедливо поступить по отношенію къ самому себѣ †. «Подъ естественнымъ правомъ, говоритъ Спиноза, я разумѣю законы природы, тѣ правила, по которымъ совершается все, т. е. собственную силу природы. Во всей природѣ и, слѣдовательно, въ каждомъ недѣлимомъ естественное право простирается на столько, на сколько простирается сила. И такъ, все, что каждый человѣкъ дѣлаетъ въ силу естественныхъ законовъ,

* De Cive, Cap. I, § 2.

** Ibid. et Spinoza. Tract. politicus V, § 2 (homines civiles non nascuntur, sed fiunt).

*** Куно-Фишеръ, Истор. ф. т. I.

† Deutsches Staats-Wörterbuch, Bluntschli und Bratter, Johan Huber, 1883 № 2.

онъ дѣлаетъ по абсолютному, естественному праву» *. Ясно, что въ естественномъ состояніи право пропорціонально силѣ и что безправно только безсиліе. Отсюда слѣдуетъ, что естественное состояніе есть *bellum omnium contra omnes*, необузданная, своекорыстная, дикая борьба всѣхъ противъ всѣхъ. Но разумъ естественнаго права требуетъ самосохраненія недѣлимыхъ, а борьба всѣхъ противъ всѣхъ есть взаимное уничтоженіе. Такимъ образомъ, собственный интересъ приводитъ человѣка къ сознанию необходимости заключить миръ съ себѣ подобнымъ, создать союзъ, общая сила котораго, превышая силы отдѣльных его членовъ, *могла-бы и, ergo, имѣла-бы право* подчинить себѣ каждого индивида. Государство есть господство общей воли, общей силы. *Общая воля* — это *genus proximum* всѣхъ *формъ* государственнаго быта. Разнообразныя, историческія *формы* государственной жизни—только разновидности воплощенія этой общей воли. Гоббесъ расширяетъ власть государства, государственную волю, до полного уничтоженія естественнаго права человѣка. Руссо поступаетъ какъ разъ наоборотъ, т. е. подчиняетъ государственное право естественному, Спиноза образуетъ какъ бы переходную ступень отъ Гоббеса къ Руссо **. «Естественное право каждого недѣлимаго, говоритъ Спиноза, не пропадаетъ въ государствѣ. Какъ въ естественной, такъ и гражданской жизни человѣкъ дѣйствуетъ по законамъ своей природы и заботится о собственномъ благѣ. Я утверждаю, что человѣкъ и въ томъ, и въ другомъ состояніи побуждается надеждою и страхомъ одно дѣлать и другого не дѣлать, но главное различіе между природою и государствомъ заключается въ томъ, что въ государствѣ всѣ боятся одного и того-же и что, поэтому, *безопасность* представляетъ въ государствѣ для всѣхъ одинаковый интересъ и жизненный принципъ» ***.

Государство не уничтожаетъ естественнаго права каждого человѣка,—оно только ограничиваетъ его, оно прекращаетъ борьбу недѣлимыхъ и даетъ надежную охрану интересамъ са-

* Tractatus politicus. Cap. II, § 4.

** Куно-Фишеръ, *ibidem*.

*** Tractatus politicus. Cap. III, § 3.

мосохраненія. Государство, говоритъ Гоббесъ, это «искусственный человѣкъ», гарантирующей «естественному человѣку» защиту и безопасность*.

По учению Гоббеса и Спинозы основу государства образуетъ то, что составляетъ природу человѣка: физическая сила и разумъ. Физическая сила—это основа естественной свободы, разумъ—принципъ государственнаго общежитія, побуждающей человѣка, въ интересахъ мира и самосохраненія, подавлять въ себѣ неугомонныя силы «естественной» природы и подчиняться тому физическому или коллективному лицу, которое на основаніи соціального договора признано правительствующимъ. Два философа, выводя *statum civilem* изъ *statu naturali*, приходятъ, однако, къ различнымъ заключеніямъ. По учению Гоббеса естественное право прекращаетъ въ государствѣ свое бытіе. Человѣкъ, разъ отчуждившій свои права, лишается ихъ навсегда. Его личность, желанія, поступки, слова, мысли — все отнынѣ находится въ рукахъ государственной власти**. Вручая правительствующему лицу *actum subjectionis*, первый гражданинъ провозглашаетъ: «Отнынѣ я виновникъ всего того, что сдѣлаетъ лицо, кому отдаю верховную власть» — и этимъ лишаетъ себя добровольно всякой самостоятельности***.

Спиноза, какъ мы уже говорили, утверждаетъ, что естественное право не уничтожается никакими договорами и что власть государства имѣетъ свои границы, за которыя она не должна переступать. Въ государствѣ уничтожается не естественное право, а только невыгодная сторона естественнаго состоянія †. Естественное право по природѣ своей неуничтожимо; уничтожить можно только договорное право. Всеобщій законъ человѣческой природы, говоритъ Спиноза, гласитъ: каждый по

* *Leviath. I de homine. p. 1.* Совершенно сохраняется естественное право, по теории Спинозы, въ международныхъ отношеніяхъ, гдѣ сильнѣйшее государство имѣетъ больше правъ, чѣмъ слабое. *Tract. pol. Cap. II, § 3.*

** *Leviath. Cap. XLII, p. 260.*

*** *Ibid. p. 107 „actionum omnium ejus hominis, cui summam tribuimus potestatem, autorem me facio“.*

† На введеніе естественнаго права въ государственннй бытъ Спиноза самъ указываетъ (письмо № 50) какъ на черту, отличающую его отъ Гоббеса.

своему разумѣнію выбираетъ изъ двухъ благъ большее, изъ двухъ золъ меньшее *. Поэтому безусловная вѣрность соціальному договору невозможна. Можно легко представить себѣ случаи, когда нарушеніе его становится неизбѣжнымъ и цѣлесообразнымъ. Сила каждаго договора въ его пользѣ. Чтобы обезпечить договору долговѣчную жизнь, необходимо сдѣлать такъ, чтобы съ нарушеніемъ его сопряжены были большія невыгоды. Но разъ государственный договоръ становится источникомъ зла для гражданъ, онъ несомнѣнно долженъ быть нарушенъ. «Долженъ быть нарушенъ» потому еще, что первый актъ тираническаго управленія есть нарушеніе основнаго принципа всякаго соціальнаго или политическаго договора—блага народа. По воззрѣніямъ же Гоббеса, взякое, разъ принятое обязательство по отношенію къ государству ненарушимо, и только одна верховная власть можетъ отрѣшить гражданъ отъ него **. Разъ сложившаяся форма политическаго общежитія никоимъ образомъ не можетъ быть замѣнена другою самоличною волею гражданъ, ибо въ государствѣ граждане не имѣютъ своей воли, не имѣютъ права вершить вопросы политической или иной важности по своему собственному усмотрѣнію.

Врагъ всякихъ политическихъ и соціальныхъ реформъ, глашатай государственнаго абсолютизма, Гоббесъ въ основаніе своихъ политическихъ воззрѣній положилъ ученіе чистаго сенсуализма и матеріализма. Мысль, чувства, желанія—ничто иное, какъ аффекты, вызываемые раздраженіемъ тѣла, раздраженіемъ матеріи. Душа, мысль, чувство—пустые звуки. Реальна только плоть, весь міръ только простое, механическое сочетаніе матеріальныхъ силъ. Государство—это организмъ, приводимый въ движеніе внѣшнею, принудительною силою. Не будь этой принудительной силы, строгаго ока верховнаго начальника, оно не могло бы просуществовать и четверти часа,—ибо по природѣ человѣкъ—человѣку волкъ—*homo homini lupus*—и война всѣхъ противъ всѣхъ—нормальный, естественный порядокъ вещей. По ученію Гоббеса не только *внѣшній* строй обще-

* Tract Theol., p. XVI.

** Leviath. c. XIV, p. 70.

ственной жизни заправляется и долженъ заправляться верховною властью, но и внутренняя, психическая жизнь гражданъ должна быть подчинена ея принудительной силѣ. Государь мыслить и думать за своихъ подданныхъ. Въ Гоббесовомъ *statu civili* человѣкъ имѣетъ собственно только одно право—не доносить на самого себя и не убивать самого себя *.

Спиноза и Локкъ, напротивъ того, узаконяютъ свободную инициативу народа по отношенію къ вопросамъ, имѣющимъ «учредительный» характеръ, узаконяютъ ее, какъ мы видѣли, изъ вниманія къ прирожденнымъ, неотъемлемымъ, естественнымъ правамъ человѣка. Локкъ и Спиноза въ значительной степени подготовили почву для знаменитой «декларации правъ человѣка и гражданина».

По возрѣніямъ Гоббеса цѣль государства — только физическое благо гражданъ (*jucundissime vivere*) **, ибо, говоритъ авторъ *Leviathana*, не въ спокойствіи духа заключается счастье настоящей жизни; по мнѣнію же Спинозы духовное, интеллектуальное спокойствіе высшая проблема человѣческой жизни, и государство ничѣмъ не должно препятствовать человѣку въ разрѣшеніи ея. Каждое государство, читаемъ мы въ «Теологико-политическомъ трактатѣ», по смыслу лежащаго въ его основѣ соціального договора, должно обезпечивать гражданину всѣ условія самосохраненія и духовнаго развитія. Лучшее государство то, которое управляется разумнымъ духомъ и согласіемъ народа—республика. Въ республикѣ, думаетъ Спиноза, подданные застрахованы отъ всякаго насилія, ибо они въ то же время и правительство ***. Республиканское правительство, управляя страной съ согласія всѣхъ гражданъ, никогда не будетъ прибѣгать къ макиавелистической политикѣ, къ которой вынуждено прибѣгать правительство, добывшее

* *Leviath.* cap. XXI, *De libertate civium*.

** *De cive* c. XIII § 4.

*** *Tract. Theol. Pol.* XVI. *Illā respublica maxime libera est, cujus leges sana ratione fundatae sunt, ibi enim unusquisque ubi velit, liber esse potest, hoc est in integro animo ex ductu rationis vivere.*

себѣ власть насиліемъ и штыкомъ *. Демократія — это *гражданская форма естественной жизни* народа. Въ ней, въ демократіи, правовая жизнь утверждена на непоколебимыхъ *естественныхъ* основаніяхъ, въ ней физическая природа человѣка какъ бы примирена съ разумомъ. Въ республикѣ всѣ равны и всѣ одинаково свободны.

Въ возникшемъ на основаніи договора государствѣ мало по малу начинаютъ складываться всѣ тѣ нравственные представленія и понятія, которыя впоследствии составляютъ моральный обиходъ каждаго человѣка, ибо, какъ уже сказано, въ естественномъ состояніи всѣ живутъ только по законамъ своей природы. Понятія добра и зла, справедливости и несправедливости — плоды гражданской жизни: въ естественномъ состояніи несправедливо только то, чего никто не хочетъ или не можетъ. Въ *statu naturali* не можетъ быть суда надъ сильнымъ за то, что онъ угнетаетъ слабого — можно ли судить щуку за то, что она пожираетъ маленькихъ рыбъ? И такъ, всѣ моральныя понятія суть продукты социальной жизни. Въ государствѣ не трудно опредѣлить, говоритъ Спиноза, что право и что не-право, кто врагъ и кто другъ **. Подъ правомъ гражданина, продолжаетъ Спиноза, я разумѣю гражданскую свободу самосохраненія, защищаемую государственными законами и государственными силами. Не-правомъ *in statu civili* называется всякое противозаконное ограниченіе правъ одного гражданина другимъ. Правосудіе есть возданіе каждому подданному того, что ему слѣдуетъ по законамъ страны. Тотъ, кто не признаетъ «государственнаго договора» — врагъ государства, а преступникъ есть тотъ, кто нарушилъ существующій гражданскій или политическій законъ. Если солдатъ оставитъ свой постъ, хотя бы для того, чтобы убить врага, онъ несомнѣнно совершитъ преступленіе. Нужно отличать гражданское преступленіе отъ политическаго. Первое есть всегда полное *дѣланіе*, противное существующему закону; ко второму приравнивается даже одно только *покушеніе*. Гражданинъ совершилъ

* Tract. politicus. Cap. 5 § 6.

** Tract. Theol. Pol. XVI.

политическое преступленіе, если онъ покусился присвоить себѣ или вручить кому бы то ни было верховную власть. Политическое покушеніе должно быть наказуемо, ибо было бы поздно судить человѣка, уже овладѣвшаго кормиломъ правленія *.

Въ излагаемой главѣ «Теоологико-политическаго трактата» ставится и рѣшается слѣдующій интересный вопросъ: если въ государствѣ основою всѣхъ нашихъ понятій о добрѣ и злѣ, правѣ и несправедливости служатъ существующіе гражданскіе и политическіе законы, то не служить ли въ естественномъ состояніи божественный законъ основою этихъ понятій? Спиноза утверждаетъ, что естественное состояніе, естественное право гораздо старше религіознаго **. Въ естественномъ состояніи нѣтъ ни религіи, ни законовъ—нѣтъ, слѣдовательно, и понятій, ими обусловливаемыхъ. Естественныя понятія и потребности—врождены человѣческой природѣ. Религіозныя понятія и потребности человѣкъ пріобрѣтаетъ только по достиженіи извѣстной степени развитія. Еслибъ человѣчество *in statu naturali* знало божественные законы и заповѣди, не было бы и самаго естественнаго состоянія, ибо божественные законы и повелѣнія уничтожаютъ произволь до-государственнаго быта и вводятъ силы человѣческія въ строгія и опредѣленныя рамки.

VI.

Чтобы изъ живого примѣра извлечь необходимыя правила политическаго устройства государствъ, Спиноза подробно рассказываетъ исторію политической жизни Іудеи. Происхожденіе еврейскаго царства Спиноза объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Когда евреи освободились отъ египетскаго ига, они, по совѣту Моисея, свободно перенесли всѣ свои естественныя права на самого Бога. Въ третій день по исходѣ, Моисей взшелъ къ Богу, и Господь воззвалъ къ нему, говоря: «если вы будете слушаться голоса Моего и соблюдать заветъ Мой, то будете

* Ibidem.

** Nam is (*status naturalis*) et natura, et tempore prius est religione. Tract. Theol. Pol. XVI.

собственностью Мнѣ изъ всѣхъ народовъ, будете царствомъ священниковъ и народомъ святымъ». И такъ, по совѣту величайшаго вождя народа Израильскаго, провозглашена была *идеальная* теократія, т. е. такая форма гражданскаго общегитія, въ которой есть только одна власть—власть божественная. Въ идеальной теократіи религія и политика, мораль и право тождественны; кто потрясаетъ основы религіи, потрясаетъ и колеблетъ политическіе устои теократіи. Въ идеальномъ царствѣ божьемъ господствуетъ полное равенство всѣхъ: каждый имѣетъ право вопрошать Бога и толковать Его отвѣты. Однако, *идеальная* теократія мыслима только у народа, стоящаго на высокой степени нравственнаго развитія. Современники Моисея не были, конечно, *такимъ* народомъ, и потому совершенно естественно, что начальники всѣхъ колѣнъ и старѣйшины іудейскіе, вскорѣ послѣ того, какъ Іегова открылся народу Израильскому, пришли къ Моисею и сказали ему: «Вотъ показавъ намъ Господь, Богъ нашъ, славу Свою и величіе Свое, и голосъ Его слышали мы изъ огня. Въ этотъ день мы видѣли, что Богъ говоритъ съ человѣкомъ, и онъ остается живъ: но теперь для чего намъ умереть? вѣдь этотъ великій огонь пожретъ насъ; если мы еще услышимъ голосъ Господа, Бога нашего, то умремъ, потому что, есть ли какая плоть, которая бы слышала голосъ Бога живого, изъ среды огня, какъ мы, и осталась жива? Приступи *ты* и слушай все, что скажетъ Господь, Богъ нашъ, и мы будемъ слушать и исполнять» (Втор. V, 21--25). Слѣдовательно, съ этого момента идеальное, *невидимое* божественное управленіе получаетъ явное и видимое выраженіе въ видимомъ органѣ теократіи—Моисей. Идеальная теократія замѣнилась теократіей абсолютно-монархической, ибо въ единомъ лицѣ Моисея сосредоточилось управленіе всѣми сторонами народнои жизни—религіозной, соціальной и законодательно-политической. Моисей и жрецъ, и царь, и пророкъ. Народъ еврейскій обязанъ отнынѣ безпрекословно повиноваться не тому, что скажетъ *ему* Іегова, а тому, что *Моисей* отъ имени Его прикажетъ. Моисей единственный носитель и толкователь божественныхъ велѣній, онъ же верховный судья, не подчиненный никакой власти, намѣстникъ божественнаго величества, имѣю-

цій исключительное право вопрошать Ягову, возвѣщать народу его отвѣты и, въ случаѣ необходимости, принимать принудительныя мѣры для осуществленія божественной воли. Никто, кромѣ Моисея, не могъ говорить къ народу отъ имени Яговы. Даже истинные пророки, при жизни Моисея, должны были подчиняться этому общему, не знавшему исключеній, правилу (Числа, XI, 28). Слѣдуетъ замѣтить, говоритъ Спиноза, что однажды отчудивъ Моисею всѣ свои естественныя права, еврейскій народъ лишилъ себя навсегда права сколько нибудь стѣснять его дѣятельность, указывать ему, кто долженъ быть его преемникомъ, такъ сказать, наслѣдникомъ его религіознаго и политическаго суверенитета. Моисей могъ передать всю полноту своихъ правъ *одному* человѣку, но онъ могъ и раздѣлить ее между *многими* или *нѣкоторыми*. И дѣйствительно, читаемъ мы въ «Теологико-политическомъ трактатѣ», по смерти Моисея устанавливается такая форма государственной жизни, которую ни демократическою, ни аристократическою, ни монархическою назвать нельзя, именно форма раздѣленнаго теократическаго правленія *. Право *толкованія божественныхъ законовъ* усваивается однимъ, право управленія государствомъ на основаніи *истолкованной божественной воли* — другимъ. Преемники Моисея не были уже абсолютными носителями теократическаго правленія. Жрецъ отдѣляется отъ свѣтскаго начальника колѣна. Первосвященникъ становится какъ бы посредствующимъ звѣномъ между народомъ и Яговой. Онъ не имѣетъ права лично, по собственному почину, вопрошать невидимаго Царя теократіи—онъ вопрошаетъ обыкновенно по просьбѣ военачальника. Жрецъ имѣетъ право непосредственнаго сношенія съ Богомъ, но онъ лишенъ права самовольнаго почина; начальникъ колѣна, напротивъ того, властенъ въ починѣ, но не имѣетъ права непосредственнаго сношенія. Жрецъ только *толкователь* воли Божьей, военачальникъ же превращаетъ толкованіе жреца въ *законъ и повелѣніе*. Жрецъ не обладаетъ и не долженъ обладать никакими орудіями принудительнаго осуществленія воли Божьей. Военачальникъ, опираясь на

* Tract. Theol. Politic. cap. XVII.

силу меча и щита, можетъ насильно проводить *велнія* Яеговы. По закону Моисея, жреческое достоинство должно быть наслѣдственнымъ въ родѣ. Со смертью жреца мѣсто его занимаетъ сынъ его, и народъ не имѣетъ права облекать правомъ жреческаго служенія того, кого ему вздумается. При жизни своей Моисей возвелъ въ званіе верховнаго святителя брата своего Аарона, а въ званіе начальника всѣхъ іудейскихъ колѣнъ—Иисуса Навина, который и раздѣлилъ завоеванный имъ Хаанаъ между двѣнадцатю іудейскими колѣнами. Со смертью же Иисуса мѣсто общаго іудейскаго начальника осталось навсегда незанятымъ. Съ упроченіемъ Израиля въ завоеванной странѣ, съ раздѣленіемъ завоеванной территоріи между отдѣльными колѣнами, *общій* начальникъ, общій представитель военно-политическихъ интересовъ всей Іудеи былъ бы совершенно излишнимъ. Конечно, предъ Богомъ всѣ колѣна Израиля были только отдѣльными частями одного политическаго цѣлаго, но въ отношеніяхъ другъ къ другу каждое изъ нихъ было совершенно самостоятельную и автономною единицею *. Каждый начальникъ заботится о благѣ своего колѣна—онъ вопрошаетъ Яегову (черезъ верховнаго жреца), командуетъ войсками, строить города, отражаетъ вражескія нападенія и рѣшаетъ вопросы войны и мира. Надъ нимъ нѣтъ другого судьи, кромѣ Бога. Но еслибъ онъ измѣнилъ Яеговѣ, то всѣ колѣна должны объявить его своимъ врагомъ. Кто же, спрашивается, избирался въ старѣйшины колѣнъ? Библия, говоритъ Спиноза, не даетъ намъ надежнаго матеріала для разрѣшенія этого вопроса, — но слѣдуетъ думать, что старѣйшій членъ одного изъ тѣхъ родовъ, на которые раздѣлялось каждое колѣно. Въ случаяхъ особенной и крайней важности самъ Яегова провозглашалъ надъ всѣми колѣнами одного общаго начальника. Какъ уже сказано, всѣ колѣна предъ Богомъ представляли одно цѣлое: видимымъ выраженіемъ ихъ единства служилъ единый храмъ, возведенный всѣми колѣнами во славу Всемогущаго Начальника теократіи. Какъ объяснить, однако, то, что свѣтскіе представители еврейскаго народа лишены были

* Tract. Theol. Pol. XVII.

права непосредственнаго сношенія съ Богомъ, права *самобитнаго законодательства*? Представители государственной власти, объясняетъ Спиноза, прикрываютъ всё свои дѣянія мантиею закона, и это имъ легко дѣлать, потому что въ ихъ рукахъ находится *толкованіе* его. Провидя вѣщимъ окомъ всё тѣ злоупотребленія, которыя неизбѣжны будутъ при соединеніи въ одномъ и томъ же органѣ права толкованія Божественной воли и права законодательства, Моисей постановилъ, что начальники колѣнъ только облачаютъ въ законную форму тѣ готовые принципы, *тѣ толкованія*, которыя имъ отъ имени Бога преподаны будутъ жрецами. Такимъ образомъ, въ сущности, только «слово священниковъ, сыновъ Левіиныхъ, должно рѣшать всякое дѣло и всякій причиненный вредъ». Левиты, кромѣ толкованія, никакимъ другимъ государственнымъ дѣломъ заниматься не должны — они не имѣли своего участка земли, но были поселены на землѣ остальныхъ колѣнъ и пользовались десятою частью ихъ доходовъ. «Отдѣлилъ Господь колѣно Левіино, чтобы носить ковчегъ завѣта Господня, предстоять предъ Господомъ, служить Ему и благословлять именемъ Его», «потому нѣтъ Левиту *части и удѣла* съ братьями его: самъ Господь есть удѣлъ его» (Втор. X, 8, 9). Чтобы народъ твердо зналъ божественныя повелѣнія, Моисей завѣщалъ сынамъ Левіинымъ и всѣмъ старѣйшинамъ Израилевымъ по прошествіи каждаго семи лѣтъ, въ опредѣленное время года, въ праздникъ кущей, читать ихъ всему Израилю, собравшемуся предъ лицо Господа, вслухъ, дабы «Онъ (Израиль) слушалъ, учился, боялся Господа и старался исполнять всё слова Его закона». При такихъ условіяхъ начальники колѣнъ по необходимости должны были строго наблюдать за правомѣрностью всѣхъ своихъ дѣяній, ибо малѣйшее нарушеніе божественныхъ уставовъ и повелѣній могло бы повлечь за собою гнѣвъ и ненависть народа, среди котораго знаніе законовъ было такъ широко распространено. Другою гарантіею противъ княжескаго произвола служило то, что войско Израиля было строго національнымъ ополченіемъ, составленнымъ изъ подоправныхъ гражданъ отъ 20 до 60-ти лѣтняго возраста. Наемные элементы въ ополченіе не допускались. Само собою, что наличность такого войска застрахо-

вывала свободу народа отъ капризовъ княжескаго деспотизма. Кромѣ національнаго ополченія и жреческаго служенія, княжескій произволъ встрѣчалъ препятствіе въ исподоволь развивавшемся и расцвѣтавшемъ институтѣ свободной проповѣди и свободнаго обличенія. Свободные служители божественнаго откровенія могли ежеминутно поднять знамя возстанія противъ угнетателя народа. Къ числу важныхъ условій, которыя обеспечивали еврейское царство отъ всевозможныхъ внутреннихъ превратностей, должно отнести также и то, что княжеское правленіе не было наследственнымъ въ родѣ. Не знатность происхожденія, не заслуги предковъ, а добродѣтель и выдающіяся способности имѣли право притязанія на княжескую власть.

Всѣ эти условія политическаго быта должны были воспитывать въ еврейскомъ народѣ любовь къ своему отечеству и къ своимъ правителямъ. Обрѣтая въ своей странѣ политическую и духовную благодать, сыны Израиля считали ее земнымъ раемъ, добровольное отлученіе изъ котораго было бы непростительнымъ проступкомъ. Государство Израильское никого не должно было приговаривать къ изгнанію, ибо преступникъ долженъ быть наказанъ, а не *отозоренъ*. Любовь евреевъ къ своему отечеству не была просто любовью — это было чувство религіознаго благоговѣнія, подъ владычествомъ котораго должно было безмолствовать всякое космополитическое чувство. Теократическое устройство, какъ таковое, должно было воспитывать въ еврейскомъ народѣ узкое чувство національной гордости, національнаго самоуваженія. Все, что жило внѣ теократическаго строя, должно было древнему іудею казаться низменнымъ, ничтожнымъ и презрѣннымъ. Государства не теократическія представлялись ему государствами варварскими. Духовная благодать розлита только въ теократіи. И дѣйствительно, знаетъ ли исторія болѣе совершенные и гуманные законы, чѣмъ тѣ, которые дѣйствовали въ Іудеѣ еще въ раннюю зарю ея исторической жизни? Нигдѣ, кромѣ Іудеи, право владѣнія землею не было правомъ вѣчнымъ и неотъемлемымъ. Знали ли другіе народы право юбилейнаго года, когда проданная земля отчуждалась въ руки первоначальнаго ея

собственника? Гдѣ еще благотворительность была развита въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ въ Іудеѣ? Гдѣ еще установлены были праздники, въ которые всѣ, рѣшительно всѣ: — «рабъ и рабыня, левитъ и пришлецъ, сирота и вдова должны были веселиться предъ лицомъ Господа»? — Удивительно ли послѣ этого, что духъ національной гордости, восторженный патриотизмъ должны были сдѣлаться основными особенностями еврейскаго народнаго характера? Однако іудейская теократія въ дѣйствительности не была такимъ совершенствомъ, какимъ она казалась сынамъ Израиля. Что она не была такимъ совершенствомъ, видно, по словамъ Спинозы, изъ того, что она все-таки пала и была уничтожена. Спиноза говоритъ: Богъ далъ Израилю законы несовершенные, ибо Онъ хотѣлъ отомстить ему за его прежнія прегрѣшенія, за его прежнюю нечестивость. У Іезекіиля мы читаемъ: «Возмутился противъ Меня домъ Израилевъ въ пустынѣ: по предписаніямъ Моимъ не поступали и отвергли постановленія Мои, которыя исполняя, человекъ могъ бы быть живъ черезъ нихъ, и субботы Мои весьма нарушили. И я сказалъ было: излію на нихъ гнѣвъ Мой въ пустынѣ, чтобы истребить ихъ. Однакожь ради имени Моего Я дѣйствовалъ такъ, чтобы Оно не хулилось у народовъ, въ глазахъ которыхъ Я вывелъ ихъ» (XX, 13, 14). «Но и дѣти возмутились противъ Меня: по предписаніямъ Моимъ не поступали, не соблюдали и не исполняли постановленій Моихъ, которыя исполняя, человекъ можетъ быть живъ, субботы Моихъ не святости. И Я сказалъ было: излію гнѣвъ на нихъ, чтобы утолить негодованіе Мое противъ нихъ въ пустынѣ. Но Я отклонилъ руку Мою и ради имени Моего сдѣлалъ такъ, чтобы не хулилось оно у народовъ, предъ которыми Я вывелъ ихъ. Между тѣмъ поднося руку Мою въ пустынѣ, Я клялся разсѣять ихъ среди народовъ и разогнать ихъ по землямъ». *«Потому Я далъ имъ учрежденія недоброя и постановленія, отъ которыхъ они не могли бы жить, и допустилъ ихъ скверниться своими приношеніями, когда они стали проводить черезъ огонь всякій первый плодъ утробы, чтобы раззорить ихъ, дабы знали, что Я Господь»* (XX, 21, 22, 23, 25). Въ самомъ дѣлѣ, почему еврейская теократія, исполненная, повидимому, мно-

гихъ совершенствъ, пала? «Скажутъ, можетъ быть, потому, что еврейскій народъ не былъ послушнымъ; но такой отвѣтъ достоинъ только ребенка: почему Израиль былъ менѣе послушенъ, чѣмъ другіе народы? Не по природѣ ли? Но вѣдь природа не воспитываетъ народовъ—ихъ создаютъ языкъ, законы и нравы. И только эти два послѣднихъ—законы и нравы—развиваютъ духовную фizioномію, извѣстныя стремленія, а также и извѣстныя предрасудки, въ каждомъ народѣ. Такимъ образомъ, если-бъ іудеи въ дѣйствительности были менѣе послушны, чѣмъ другіе смертные, то въ этомъ виновны были бы ихъ законы и обычаи». Словомъ, думаетъ Спиноза, паденіе еврейскаго государства объясняется только несовершенствомъ господствовавшихъ въ немъ законовъ. Если признать, что іудеи не были покорными, то должно, по мнѣнію Спинозы, эту непокорность считать продуктомъ тѣхъ законовъ и обычаевъ, которыми они повинны были подчиняться. А не были эти законы совершенными только потому, что великій Іегова простеръ надъ народомъ свою карающую, мстительную, гнѣвную руку за то, что онъ (домъ Израилевъ) «возмутился противъ Него въ пустынѣ» и отвергъ Его предписанія. Давая законы, великій Іегова, говоритъ Тацитъ, желалъ не облагодѣтельствовать народъ Іудейскій, а отомстить ему. Первоначальная воля Іеговы не была проведена въ еврейскомъ государствѣ. Іегова, наприимѣръ, пожелалъ, чтобы первенцы были призываемы къ священнослужительскимъ обязанностямъ, — но увидя, что всѣ, кромѣ одного колѣна, стали поклоняться тельцу, Онъ перенесъ сіи обязанности на это колѣно (Числа III, 12, Втор. X, 8). «Я пораженъ, говоритъ Спиноза, что въ небесной душѣ гнѣвъ былъ такъ великъ, что даже сами законы, которые обыкновенно создаютъ честь народа, его славу и безопасность, были предназначены только для мести и наказанія, что они были собственно не законами, не благомъ народа, а его наказаніемъ и искупленіемъ». Что весь народъ, кромѣ левитовъ, былъ отверженъ Богомъ, видно изъ того, что онъ не имѣлъ права лично припадать къ Нему съ вопросами. Этимъ же, думаетъ Спиноза, объясняется и постоянный антагонизмъ между народомъ и левитами. «Народъ постоянно наравилъ слѣдить за ихъ (леви-

товъ) дѣятельностью — и прегрѣшеніе одного изъ нихъ взваливать на плечъ всѣмъ». Нерѣдко среди народа говорилось о тяжелой обязанности кормить совершенно праздныхъ и презрѣнныхъ людей. Эти люди служили Богу, священнодѣйствовали въ храмѣ—да, но они въ то же время были живыми свидѣтелями безчестія и позора всего народа, не только *народа*, но и свѣтскихъ его представителей. И такъ, представители колѣнъ и народъ должны были въ концѣ концовъ измѣнить тому алтарю, у котораго благочестивые левиты возносили молитвы всемогущему Іеговѣ. Не понятно ли теперь, почему Царство Божіе обратилось въ царство произвола? О блестящемъ періодѣ царей Давида, Соломона и др. Спиноза не распространяется: въ періодъ этотъ, по словамъ его, государство іудейское было только блѣдной тѣнью Моисеевой теократіи.

Этотъ бѣглый историческій очеркъ приводитъ Спинозу къ убѣжденію, что еврейская теократія воспитала народъ еврейскій въ чувствахъ узко-національнаго эгоизма и сдѣлала его неспособнымъ для широкой космополитической или, вѣрнѣе сказать, *международно-политической* дѣятельности. Однако, отдѣльныя черты теократическаго быта іудеевъ и по сіе время заслуживаютъ вниманія.

Изъ исторіи евреевъ явствуетъ, что избирательное начало не было противно духу теократіи — такъ народъ Израильскій, въ моментъ, указанный выше, добровольно *переноситъ* на Моисея всю полноту политическихъ и религиозныхъ правъ, что служители религіи не были облечены правомъ *законодательства*, хотя имъ присвоено было право *толкованія* законовъ, что они не имѣли также права исключать изъ общества того или другого члена. Къ этимъ заключеніямъ Спиноза прибавляетъ еще слѣдующія: во 1) что въ Моисеевой теократіи совершенно не было *религиозныхъ сектъ*—не было, развѣ, потому, что жрецы не имѣли права *самобытнаго священнодѣйствія* и, два, потому, что они—жрецы—толковали законы не отъ своего имени, а отъ имени всемогущаго Іеговы. Только во второй періодъ политической исторіи Іудеи, верховные жрецы, соединивъ въ своихъ рукахъ власть священнослужительскую съ властью свѣтскою, стали прикладывать ко всякому религиоз-

ному толкованію свою собственную, поддѣльную печать. Съ этого времени въ царствѣ Израильскомъ стали появляться партіи и секты; во 2) что пророки своею свободою проповѣдью, правомъ свободаго обличенія часто ожесточали людей и вносили смуту въ народную жизнь; и въ 3) что въ первомъ періодѣ политической жизни Іудеи была одна только гражданская война; но какъ только первая форма правленія замѣнилась второю, монархическою, число гражданскихъ войнъ стало увеличиваться безъ конца.

Отсюда, съ своей стороны, слѣдуетъ, во-первыхъ, что весьма опасно для религіи и государства лицамъ, несущимъ священнослужительскія обязанности, присваивать право законодательства и управленія; во-вторыхъ, что не менѣе опасно подводить филозофскіе вопросы подъ дѣйствіе религіозныхъ законовъ, или брать то или другое спорное *мнѣніе* подъ охрану свѣтскаго закона; въ третьихъ, что въ интересахъ религіи и государства сужденіе о томъ, что есть право, должно быть предоставлено исключительно верховной свѣтской власти; и въ четвертыхъ, что для еврейскаго народа оказалась весьма гибельной замѣна теократической демократіи теократическою монархіей.

Чтобы правильно оцѣнить смыслъ излагаемой нами главы «Теологико-Политическаго Трактата», необходимо нѣсколько ближе познакомиться съ тѣмъ, что есть теократія, какова она была у древнихъ іудеевъ и каковою она должна быть. Теократія есть такая форма общественнаго и политическаго быта, въ которой собственно есть только одна власть: власть Бога. Въ идеальной теократіи нѣтъ и не можетъ быть другихъ властей. Но время «идеальной теократіи» еще не наступило. «До тѣхъ поръ, пока Богъ не будетъ все во всѣхъ, пока каждое человѣческое существо не будетъ вмѣстилищемъ Божества, до тѣхъ поръ Божественное управленіе человѣчествомъ требуетъ особыхъ органовъ или проводниковъ своего дѣйствія въ человѣчествѣ» **.

* Tract. Theol. P. XVIII.

** Еврейство и христіанскій возросъ, Вл. Соловьева, стр. 34.

Эти органы теократическаго правленія, по словамъ профессора Соловьева, должны дѣйствовать не въ одной какой нибудь частной области народной жизни, не въ одной только религиозно-нравственной сферѣ, но также и въ сферахъ политической и социальной. Такимъ образомъ, въ правильно организованной теократіи должны существовать: святитель,—руководитель чисто-религиозныхъ интересовъ, царь—руководитель интересовъ политическихъ и, наконецъ, пророкъ—стражъ социальныхъ интересовъ. Эти три органа дѣйствуютъ одновременно, каждый не выступая за предѣлы своей естественной сферы. Священникъ печется о *направленіи* умовъ по пути любви и добра, царь несетъ тяжелыя латы политическаго *управленія*, пророкъ своею свободною проповѣдью *исправляетъ* и возвышаетъ умъ и сердце народа *. «Полнота теократическаго идеала (мы сказали бы: режима), говоритъ Соловьевъ, требуетъ равномѣрнаго и согласнаго развитія этихъ трехъ орудій Божественнаго правленія». Хотя мы въ ветхозавѣтной теократіи находимъ всѣ три указанные органы—и святителя (со временъ Аарона) и царя (со временъ Саула), но «оба эти служенія и священное и царское какъ бы заслѣнялись и затмѣвались служеніемъ пророческимъ». «Величайшимъ представителемъ еврейскаго народа былъ не первосвященникъ Ааронъ, а пророкъ Моисей, и если впоследствии Давидъ занялъ такое выдающееся мѣсто въ судьбахъ еврейской теократіи, то это потому, что онъ былъ не только царь, но и пророкъ. Во всякомъ случаѣ замѣчательно, что *пророкъ* Моисей учреждаетъ священство, пророкъ же Самуиль учреждаетъ царство и помазываетъ первыхъ царей» **. Ясно, слѣдовательно, что пророческое служеніе получило у евреевъ такое широкое развитіе, что оно совершенно обезсилило два другихъ служенія—святительское и царское. Тамъ, гдѣ громкій голосъ народнаго учителя былъ послушенъ только порывамъ собственнаго вдохновенія, тамъ ни царское начало, ниже священнослужительское, не могли получить необходимаго и соизмѣрнаго развитія. «Изъ трехъ царей

* Ibid.

** Ibid. стр. 35.

нераздѣленнаго еврейскаго государства первый, Сауль, не смотря на свое мужество, и третій, Соломонъ, не смотря на свою мудрость, оба оказались недостойными представителями теократическаго царства. При Соломонѣ уже обнаруживается нравственный упадокъ этого царства (идолопоклонство), а съ раздѣленіемъ его надвое при сынѣ Соломона оно утрачиваетъ также свой внѣшній блескъ и могущество: для раздвоившагося государства порабощеніе чужеземцамъ стало лишь вопросомъ времени. Такимъ образомъ оправдался взглядъ пророка Самуила, который нѣкогда столь неохотно согласился на учрежденіе царской власти въ Израилѣ. Онъ былъ правъ не потому, чтобы царская власть была излишней для еврейскаго народа (напротивъ, она была ему слишкомъ нужна), но человекъ Божій, хорошо зная народъ свой, предвидѣлъ, что царское начало не привьется къ Израилю и своимъ неудачнымъ осуществленіемъ только умножитъ народныя бѣдствія* . Слѣдовательно, «при всей великой благодати, которую народъ еврейскій получилъ отъ Бога черезъ своихъ пророковъ», чрезмѣрное развитіе пророческаго служенія совершенно подорвало значеніе царскаго служенія, царскаго управленія и этимъ уничтожило ту силу, которая одна могла отстоять *политическую самостоятельность* Іудеи.

И такъ, ни священнослужительское начало, ни царское, ни пророческое не получили въ іудейской теократіи должнаго и правильнаго развитія. Классъ священнослужителей не былъ популяренъ въ народѣ, корпораціи пророковъ не знали никакихъ рамокъ для своей дѣятельности, институтъ свѣтскаго начальства былъ слишкомъ слабъ и немощенъ.

Эти соображенія, кажется намъ, даютъ надлежащее освѣщеніе словамъ Спинозы, что пророки очень часто ожесточали людей и вносили смуту въ народную жизнь. Спиноза, придававшій такое особое значеніе политическимъ силамъ и инстинктамъ еврейскаго народа, не могъ не относиться къ «свободной» дѣятельности пророковъ нѣсколько критически. Чтобы существовать и развиваться, теократія должна

* Ibid.

обладать сильною царскою властью, готовою мечомъ и копьемъ защищать ея интересы. Военная дисциплина нужна каждому народу не менѣ нравственныхъ заповѣдей, и гдѣ, какъ въ Иудеѣ, послѣднія вытѣсняють первую, тамъ исчезаетъ надежда на продолжительное политическое существованіе.

Если, напротивъ того, отправиться отъ положенія, что еврейство призвано было быть носителемъ и глашатаемъ чистой нравственности, чистой и свободной вѣры, то мы прійдемъ вмѣстѣ съ Ренаномъ къ тому выводу, что недостаточная покорность пророкамъ лишила еврейство того вліянія, которое оно могло и должно было имѣть на *нравственное* развитіе человѣчества *. Все, значить, зависитъ отъ точки отправленія. Спиноза и Ренанъ одинаково послѣдовательны въ своихъ умозаключеніяхъ.

VII.

Нѣкоторыя изъ приведенныхъ нами въ предыдущей главѣ соображеній Спинозы имѣють для насъ въ настоящую минуту тотъ интересъ, что они со большею силою и убѣдительною раскрывають всю несостоятельность знаменитаго афоризма Кавура о свободной церкви въ свободномъ государствѣ. Государство, говоритъ Спиноза, верховенствуетъ не только надъ соціально-политической жизнью, но и надъ духовными интересами народа. Каждая религія получаетъ *силу закона* только въ рукахъ свѣтской власти, подъ флагомъ политическаго суверена. Въ рукахъ правительства религія есть не ученіе только, а сильное право. Въ государствѣ и только въ государствѣ религія, вѣра, обрѣтаетъ правовую силу, становится системою моральныхъ началъ, защищаемыхъ правовыми нормами. Ясно, поэтому, что съ паденіемъ Иудеи религія евреевъ перестала быть *правомъ*, нарушеніе котораго могло бы подлежать наказанію.

Со времени вавилонскаго плѣненія религія евреевъ имѣетъ значеніе только *разумной доктрины*, лишенной всякой юридической обязательности. И такъ, если истинную, фактическую силу

* Etudes religieuses (l'histoire du peuple Israel) 1864.

религія обрѣтаетъ только въ государствѣ, то изъ этого слѣдуетъ, что свѣтскіе властители суть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и верховные представители религіозно-нравственныхъ интересовъ своего народа. Священно-служители суть органы *подчиненные*, органы *подзаконные*. Богъ, говоритъ Спиноза, управляетъ народами не непосредственно, а черезъ ихъ верховныя правительства. «Поэтому, говорится въ Теологико-Политическомъ Трактатѣ» мы находимъ слѣды Божественной справедливости только тамъ, гдѣ правители справедливы» *. «Несомнѣнно, продолжаетъ дальше Спиноза, что вѣрность отечеству—высшая обязанность каждаго человѣка», ибо паденіе государства есть уничтоженіе всякаго благополучія на землѣ. Слѣдовательно, дѣянія, приносящія вредъ государству, ни при какихъ условіяхъ не могутъ считаться богоугодными и, наоборотъ, всякое дѣяніе, содѣянное на благо страны, несомнѣнно благочестиво и богоугодно. Государственный алтарь даже грѣхъ можетъ превращать въ добродѣтель. Напримѣръ, убить своего сына—значитъ несомнѣнно согрѣшить, нарушить божественный законъ. Но Манлій, пожертвовавъ сыномъ своимъ во имя государства, совершилъ истинно-благочестивое дѣло, ибо «благо народа—величайшій законъ, которому одинаково подчинены какъ божественныя, такъ и человѣческія велѣнія». И такъ, верховная государственная власть есть высшая носительница не только социаль-политической, но и религіозной жизни народа,—только она одна компетентна судить о его нуждахъ и потребностяхъ. Религіозные законы не могутъ выйдти изъ границъ общенародной, общегосударственной пользы; положеніе: люби ближняго, какъ самого себя, ограничивается социальными соображеніями о любви къ *цѣлому обществу*. Никому не разрѣшается лелѣять свою индивидуальную добродѣтель въ ущербъ интересамъ государства, никому не разрѣшается оказывать своему ближнему помощь изъ средствъ государственнаго казначейства. Истинное благочестіе требуетъ полного подчиненія *личности* законамъ страны, пекущимся о благѣ и пользѣ всѣхъ и каждаго. Законы гражданскіе и политическіе образуютъ какъ бы

* Tract. Theol. P. XIX.

береговую линію религіознаго законодательства. Подданные государства не должны, подь страхомъ уголовной отвѣтственности, брать подь свою защиту преступника, присужденнаго подлежащею властью къ смертной казни. Свѣтское законодательство этимъ постановленіемъ не уничтожаетъ религіознаго закона: помогай ближнему, а только вводитъ его въ разумныя границы. И такъ, еще разъ, въ государствѣ церковь не можетъ и не должна быть самостоятельной и самодовлѣющей властью, не можетъ и не должна быть отдѣлена отъ верховной свѣтской власти. «Утверждаютъ, говоритъ Спиноза, что въ еврейской теократіи жреческая власть была отдѣлена отъ власти свѣтской, но забываютъ при этомъ, что верховные жрецы получили свои права изъ рукъ Моисея, неограниченнаго—религіознаго и свѣтскаго—самодержца Іудей» *. Изъявъ религію изъ рукъ государства, мы этимъ не только съузили бы его естественную компетенцію, но и сдѣлали бы совершенно невозможнымъ правильное развитіе его: всякое государственное начинаніе, задуманное въ интересахъ страны и народа, могло бы быть парализовано духовною властью.

Причину, почему христіанскимъ правительствамъ приходилось такъ долго отстаивать свое религіозное верховенство, Спиноза объясняетъ слѣдующимъ образомъ.

Первыми носителями христіанскихъ идей были, какъ извѣстно, не коронованныя особы, а частные и бѣдные люди. Въ продолженіе многихъ вѣковъ глашатаи Новаго Завѣта обучали не только народы, но и самодержавныхъ вѣнценосцевъ закону Христа. Неудивительно, поэтому, что, играя очень долгое время роль хранителя и толкователя Новаго Завѣта, христіанское духовенство пожелало увѣковѣчить за собою религіозную власть. Не такъ было у древнихъ евреевъ. Возникновеніе іудейской церкви есть возникновеніе и іудейскаго царства. Тотъ, кто возвелъ политическое зданіе Іудей, тотъ же водворилъ въ немъ и священнослужительскія каведры. Царь Давидъ назначаетъ изъ левитовъ 24,000 человекъ «для завѣдыванія дѣломъ въ домѣ Господнемъ», 6,000 писцовъ и судей, 4,000 привратниковъ,

* Ibidem.

4,000 «прославляющихъ Господа на музыкальныхъ орудіяхъ» (I Хр. XXIII, 4, 5). «Чтобы по потребности всякаго дня приносить всесоженія, по заповѣди Моисеевой, въ субботы, и въ новомѣсячія, и въ праздники три раза въ годъ: въ праздникъ опрѣсноковъ, и въ праздникъ седмиць, и въ праздникъ купцевъ, Соломонъ, сынъ Давида, построилъ жертвенникъ предъ храмомъ Господнимъ и «поставилъ, по распоряженію отца своего, отдѣленія священниковъ на службу ихъ, и левитовъ на стражи ихъ, чтобы они славесловили и служили при священникахъ по потребности каждаго дня, и преддверниковъ по отдѣленіямъ ихъ къ каждаму воротамъ; потому что таково было завѣщаніе Давида, челоуѣка Божія» (II Хр. гл. VIII, 13, 14). «Изъ этого и другихъ мѣстъ исторіи царей, говоритъ Спиноза, явствуетъ, что осуществленіе религіознаго дѣла въ Іудеѣ зависѣло всегда отъ царей» *.

Къ необходимости подчинить религію государству приходитъ и Гоббесъ въ своемъ Левіаѳанѣ **.

Однако, умозаключенія, лежація въ основѣ этого вывода у Гоббеса, нѣсколько отличны отъ тѣхъ, которыя мы привели выше. Спиноза защищаетъ необходимость подчиненія церкви государству на томъ основаніи, что цѣли обоихъ тождественны: благо и счастье народа. Свѣтское законодательство—только *намалодное* изображеніе отвлеченной религіозной морали, какъ бы переводъ алгебраическаго выраженія въ живую геометрическую фигуру. Чтобы доказать необходимость сосредоточенія религіозной власти въ рукахъ свѣтской, Гоббесъ, оставаясь вѣрнымъ сенсуалистическому мировоззрѣнію, низводитъ религію съ ея вѣковѣчнаго пьедестала. Мы, говоритъ авторъ Левіаѳана, не имѣемъ о Богѣ рѣшительно никакого представленія, хотя мы и убѣждены въ Его существованіи. Челоуѣкъ подобенъ слѣпорожденному, испытывающему теплоту огня, но не умѣющему вообразить себѣ его ***. Несогласно даже съ достоинствомъ Бога

* Theol. T. P. XIX.

** с. XLII.

*** Lev. cap. XI, p. 54.

говорить, что мы Его познаемъ и представляемъ себѣ *. И такъ, если у насъ нѣтъ представленія о Богѣ, то что же такое религія, какъ не извѣстное количество внѣшнихъ обрядовъ, устанавливающихъ *внѣшнюю*, единственно реальную связь между человѣкомъ и Богомъ? Внутренняя же связь человѣка съ Всевышнимъ выражается въ одномъ только сознаниі, что Богъ—единая причина всего сущаго (*causa, omnium rerum*), сознаниі, требующемъ полной покорности «всемогущей природѣ» **. При воззрѣніи на религію, какъ на средство внѣшняго общенія между человѣкомъ и «всемогущей первой причиной», Гоббесъ естественно долженъ былъ сосредоточить всѣ религіозныя права въ рукахъ свѣтской власти, компетентной судить о пригодности, или непригодности тѣхъ или другихъ обрядностей и обычаевъ. Каждое государство есть въ извѣстномъ смыслѣ и царство Божіе,—либо естественное, либо пророческое. Въ первомъ господствуетъ естественный законъ, открывающійся людямъ путемъ прирожденнаго имъ разума, во второмъ—слово пророка. Въ гражданскомъ обществѣ, гдѣ каждый человѣкъ есть въ сущности рабъ верховной власти, не можетъ быть и рѣчи о свободномъ правѣ толкованія воли Божіей; это право безусловно *должно* принадлежать только представителю гражданской ассоціаціи, ибо просторъ въ субъективныхъ сужденіяхъ могъ бы только быть источникомъ гибельной анархіи. Это «должно» имѣетъ силу по отношенію какъ къ тѣмъ государствамъ, гдѣ религія основана на *естественныхъ* началахъ, такъ и къ тѣмъ, гдѣ религія покоится на откровеніи, на словахъ пророка. Никакое государство не можетъ допустить существованіе въ своихъ предѣлахъ какой бы то ни было власти, имѣющей тѣ или другія самобытныя задачи и цѣли. Въ государствѣ могутъ существовать только *органы* единой верховной власти. Церковь—есть именно одинъ изъ такихъ органовъ.

* Lev. XXXI. Contra honorem Dei est dicere, quod illum concipimus, imaginamur vel aliquam ejus in anima habere ideam.

** Ibid. c. XXXI, p. 168.

VIII.

«Заключительная глава «Теологико-политическаго трактата», говоритъ Блунчли *, настоящій вѣнецъ этого творенія. Въ ней Спиноза высказалъ свои воззрѣнія на цѣль государства въ тѣхъ замѣчательныхъ словахъ, которыя бы слѣдовало золотыми буквами начертать надъ воротами всѣхъ резиденцій и государственныхъ совѣтовъ».

Мы уже видѣли выше, что Гоббесъ не признаетъ никакихъ границъ для верховной власти: онъ подчиняетъ государству даже внутреннюю, психическую жизнь человѣка. Подданные не должны имѣть собственнаго мнѣнія о добрѣ и злѣ, о правдѣ и неправдѣ. Собственные, самостоятельныя сужденія—удѣлъ естественнаго состоянія, въ государствѣ же истинно все то, что признается закономъ, и ложно то, что имъ запрещено. Не такъ думаетъ Спиноза. «Если бѣ, говоритъ онъ, мыслямъ такъ же легко было приказывать, какъ и языку, каждый подданный жилъ бы по волѣ верховной власти и считалъ бы истиннымъ и ложнымъ только то, что считалось бы таковымъ этою властью. Но это невозможно. Душа человѣка не можетъ быть подчинена кому бы то ни было, и никто не въ силахъ отказываться отъ своего естественнаго права свободно мыслить и судить, никто не можетъ передать это свое право другому». Каждый человѣкъ можетъ и долженъ мыслить по собственному своему разумѣнью. «Конечно, замѣчаетъ Спиноза, государство *можетъ* по праву считатьъ врагами всѣхъ своихъ противумышленниковъ, но я говорю не о *правѣ*, а о пользѣ; государство *можетъ* за самыя ничтожныя дѣянія предавать смертной казни своихъ подданныхъ, но никто не скажетъ, что такое поведеніе государства было бы понятно» **. Политика деспотизма въ концѣ концовъ приводитъ государство на край гибели. Государство не въ силахъ давать уставы и законы человѣческой душѣ,—слѣдовательно, и не отказывая ему въ правѣ заниматься подобнымъ законодательствомъ, мы должны сказать,

* Исторія общаго госуд. права.

** Tract. Theol. P. Cap. XX.

что по существу это его право призрачно и недѣйствительно, ибо право безъ силы—только звукъ пустой. Принудительная власть государства простирается только на то, что вообще поддается принудительному нормированію, т. е. только на внѣшнія дѣянія. Государство не обладаетъ тѣмъ рычагомъ, который проникалъ бы въ лабораторію человѣческаго духа, и всякая попытка съ его стороны наложить свою руку на умъ человѣка по меньшей мѣрѣ бесплодна. Цѣль каждаго государства—свобода. Государство не должно наказывать высказанную гражданиномъ спокойную, объективную мысль, не проникнутую гнѣвомъ, ненавистью и духомъ мятежной непокорности. Всякій можетъ доказывать предъ правительствомъ, что данный законъ недостаточно разуменъ, что онъ устарѣлъ и не отвѣчаетъ болѣе условіямъ времени, но нарушить этотъ законъ никто не въ правѣ, ибо законы обязательны для всѣхъ, пока они существуютъ и не отмѣнены компетентнымъ учрежденіемъ. Критика свободна, но она не должна быть злостной и пристрастной. Вѣрнопопдаанные граждане повергаютъ къ стопамъ предержавшей власти всѣ свои умозаключенія по тому или другому политическому вопросу и покорно ожидаютъ отъ нея новыхъ и разумныхъ распоряженій. Если вы вызываете къ *народу*, чтобы онъ нарушилъ свои гражданскія обязательства, вы творите крамолу, за которую понесете установленную и заслуженную кару, понесете не потому, что по вашему мнѣнію политическія обязательства нарушимы, а за то, что вы вызываете къ *дѣланіямъ*, не дозволеннымъ верховною властью, закономъ. Область безстрастной науки и объективнаго, безстрастнаго философствованія не нуждается въ правительственной опеке и не угрожаетъ мирному теченію государственной жизни.

И такъ, мысль ненаказуема. *Nemo cogitationis reopam patitur*. Наказуемы только поступки и дѣйствія.

Этими замѣчаніями о свободѣ въ государствѣ Спиноза заканчиваетъ свой «Теологико-политическій трактатъ».

Мы уже видѣли, что Спиноза, вслѣдъ за Гоббесомъ, выводитъ государственное общежитіе изъ естественнаго состоянія. Государство, по ученію Спинозы—это извѣстное механическое

сочетаніе силъ, дѣйствующихъ съ безусловною правильностью по порядку, изображенному въ «Соціально-политическомъ Договорѣ». Не подлежитъ, съ точки зрѣнія автора «Теологико-политическаго трактата», сомнѣнію, что договоры, на которыхъ возведены политическія строенія государства, могутъ и даже должны быть въ известнѣхъ случаяхъ нарушаемы. Всякое такое нарушение соціальныхъ договоровъ въ одно мгновеніе она приостанавливаетъ вращеніе историческаго колеса и возвращаетъ нарушителей въ состояніе естественное, въ состояніе абсолютной независимости и свободы. И такъ, нить исторіи въ каждую данную минуту можетъ быть оборвана. Въ основѣ политической жизни каждаго народа лежитъ его *верховная, свободная воля*. Сегодня эта воля диктуетъ хартіи правъ и обязанностей, завтра она ставитъ крестъ надъ всѣмъ тѣмъ, что написано подъ ея диктовку вчера. Непонятно, однако, какъ при приведенномъ воззрѣніи на существо и характеръ до-государственнаго, естественнаго быта, возможно говорить о государствѣ, какъ о произведеніи *свободной воли*. Не рисковано-ли допустить, что люди, одержимые только дикими страстями, чуждые всякой нравственности, способны въ одинъ прекрасный день начертать два договора, одинъ соціальный, другой политическій? Откуда у первобытнаго человѣка, знающаго одинъ только языкъ — языкъ страстей — это политическое краснорѣчіе, это краснорѣчіе здраваго и дисциплинированнаго смысла, которое такъ необходимо для изложенія хотя бы самыхъ первыхъ основъ «соціальной» и «политической» жизни?

Однако, если можно считать спорной основную посылку второй половины «Теологико-политическаго трактата», за то общая ея тенденція справедливо отяжала Спинозу славу краснорѣчиваго, неустрашимаго адвоката лучшихъ и высшихъ интересовъ человѣка. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, «Теологико-политическій трактатъ», изложенію котораго мы благоговѣнно посвятили наши слабыя силы, навсегда останется однимъ изъ славнѣйшихъ памятниковъ рѣдкой, неистощимой энергіи мысли и духа. Заключимъ нашу статью словами Гейне: «Чтеніе Спинозы поражаетъ насъ, какъ видъ вѣдическаго жреца».

природы, погруженной въ жизненный покой. Это цѣлый лѣсъ высокихъ идей, точно уходящихъ въ небеса; ихъ цвѣтуція вершины движутся волнообразно, а стволы неподвижно углубляютъ свои корни въ вѣчную землю. Въ сочиненіяхъ Спинозы чувствуются дуновенія, производящія въ васъ что-то невыразимое, точно вы дышите воздухомъ грядущаго».

А. Волыискій.

ИЗЪ ДРЕВНИХЪ СКАЗАНІЙ,

Черезъ рошу, топорами нагруженный,
Тащился возъ, грохоча и скрипя.
Полдневный лучъ игралъ на стали закаленной,
Сверкая и дробясь о грани острія.

И вмигъ, слыша звонъ враждебной стали,
Шума въ испугѣ нѣжной листвою,
Березки молодыя задрожали,
Предвидя близость смерти роковой.

Но старая сосна, питомица столѣтій,
Промолвила березкамъ молодымъ:
„Чего страшитесь вы? Зачѣмъ дрожите, дѣти,
Предъ звукомъ стали, мертвымъ и пустымъ?”

Пусть много, много насъ легло подъ топорами,—
Враги нестрашны будутъ вамъ,
Покуда дѣрева вы не дадите сами
Для рукоятокъ топорамъ...”

Когда я дую пыльную вникаю
Въ твою печальную судьбу, народъ родной,
Невольно въ тѣ мгновенья вспоминаю
Сказаніе, записанное мной...

С. Фругъ.

Б У М А Г И.

ОЧЕРКЪ.

(Посвящаю Е. Р.).

Маленькая, низенькая комнатка. Вся ея меблировка состоитъ изъ грязной кровати, маленькаго столика, двухъ скамеекъ и большаго шкафа съ книгами.

У стола сидѣлъ сутуловатый, худощавый человѣкъ лѣтъ 50—55, съ длиннымъ носомъ, большими глазами, осѣненными густыми бровями, и большимъ съ морщинами лбомъ. Ермолка помѣщалась у него на затылкѣ. Всклоченные волосы висѣли въ беспорядкѣ и образовали у ушей два длинныхъ пейса, это Янкель Этлсъ, калиновскій корчмарь, или, вѣрнѣе, Янкель—мужъ калиновской корчмарки.

На столѣ лежала большая книга, въ которую Янкель смотрѣлъ со вниманіемъ. Видно было, что онъ весь былъ поглощенъ этой книгой. Онъ сидѣлъ неподвижно и сосредоточенно смотрѣлъ въ мелкія буквы комментарія. Лобъ его то растягивался и принималъ видъ квадратной доски порядочной величины, причеиъ глаза задумчиво устремлялись въ окно, то сморщивался, и глаза опять начинали бѣгать по мелкому прифту книги. Такъ Янкель просидѣлъ съ часъ, ломая голову надъ одной и той же страницей. Наконецъ, онъ машинально, тихо, не отрывая глазъ отъ книги, сталъ подниматься со стула. Поднялся, подошелъ со сморщеннымъ лбомъ къ шкафу, тихо и медленно вынулъ оттуда массу разбросанныхъ и исписанныхъ мелкимъ почеркомъ бумагъ. Тамъ были листы, полулисты, чет. вертушки и просто кусочки. Положивъ ихъ на столъ, Янкель

опять началъ вдумываться въ книгу. Черезъ нѣсколько минутъ онъ перевелъ глаза на бумаги, сталъ ихъ разглаживать, пересматривать, перечитывать и, вынувъ, наконецъ, полуисписанный лоскутокъ бумаги, началъ его читать съ напряженнымъ вниманіемъ. Прочитавъ до конца, Янкель придвинулъ къ себѣ чернильницу съ гусинымъ перомъ, стоявшую на окнѣ, и сталъ лихорадочно и скоро писать.

— Янкель, Янкель! — слышался снизу здоровый женскій голосъ.

Янкель встрепенулся, но продолжалъ писать еще лихорадочнѣе, еще быстрѣе, чѣмъ прежде. Лобъ его еще сильнѣе наморщился, и вся фигура приняла такое положеніе, какъ будто была готова сейчасъ подняться и уйти.

— Я-я-янкель!! Совсѣмъ не дозваться его! — опять слышался прежній голосъ, но громче и съ раздраженіемъ.

Янкель быстро поднялся со стула, бросилъ перо и поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Черезъ минуту онъ уже былъ внизу, въ корчмѣ, которая состояла изъ просторной, пустой и грязной комнаты. Въ корчмѣ было много мужиковъ, которые галдѣли и кричали. За стойкой стояла женщина невысокаго роста, тучная, съ яркими глазами, съ рѣзкими чертами лица, и мѣрила водку.

Янкель подошелъ къ стойкѣ.

Но его уже нельзя было узнать: такъ онъ перемѣнился весь въ эту минуту. Лицо его, вмѣсто прежняго мыслящаго выраженія, приняло какой-то умоляющій и туповатый видъ.

— Наконецъ-то! — съ гнѣвомъ сказала кабатчица, увидя Янкеля, — не дозовешься его, когда онъ сидитъ у себя тамъ наверху! Вотъ возьми и поѣзжай съ Иваномъ къ нему въ деревню; онъ тебѣ тамъ дастъ два пуда льна. Только смотри хорошо, какого онъ тебѣ дастъ! Слышишь?.. Но зачѣмъ я тебя посылаю! Ты вѣдь всегда какъ разъ наоборотъ сдѣлаешь! Ну, ужъ муженька мнѣ Богъ далъ!

Лицо Янкеля сдѣлалось еще туповатѣе, еще приниженнѣе.

— Человѣкъ ничего не умѣетъ дѣлать! — продолжала хозяйка. — Только притронется къ чемунибудь — смотришь: онъ

уже напортилъ! А я должна смотрѣть за всѣмъ: за кабакомъ, за дѣтьми, — хоть возьми да разорвись!

Янкель грустно посмотрѣлъ на дверь въ его комнату.

— Онъ уже посматриваетъ туда! посматриваетъ! Тамъ теплѣе? Да? О! если бы Богъ меня избавилъ отъ тебя 20 лѣтъ тому назадъ! Тогда бы я не такъ мучилась и страдала!.. Возьми, болванъ! надѣнь свою шубенку и поѣзжай съ Иваномъ въ Удиловку—это 8 верстъ отсюда— и возьми тамъ у него два пуда льна. Только — въ десятый разъ тебѣ говорю!— смотри, чтобы онъ тебѣ далъ хорошій товаръ; ты вѣдь знаешь, что мужикъ-воръ, тѣмъ болѣе, что этотъ лень онъ за старый долгъ отдаетъ... Кабатчица подала мужу шубу и шапку. Янкель одѣлся и черезъ нѣсколько минутъ уже ѣхалъ съ Иваномъ по дорогѣ въ Удиловку.

На другой день, въ 12 часовъ дня, Янкель, сторбленный, усталый и весь въ снѣгу, вошелъ въ корчму, неся на плечахъ большой кулъ. Этль — такъ звали его жену — встрѣтила его.

— Скоро же ты вернешься, нечего сказать! А ну, покажи-ка, что ты тамъ привезъ?

Но едва только она подошла ко льну, какъ всплеснула руками.

— Силы небесныя! батюшки мои!.. Здѣсь на 10 рублей льна?! Чтобъ тебя съ корнемъ вырвало! Что ты это привезъ? Болванъ! вѣдь это костра! Дуракъ! Ду-у-урракъ!..— кричала Этль изо всѣхъ силъ, выставляя кулаки.

Янкель стоялъ, какъ осужденный, съ опущенной головой и туповатымъ взоромъ испуганно смотрѣлъ на лень. Этль кричала, топала ногами и бранилась. Янкель все еще стоялъ, пока, наконецъ, она ему сказала:

— Ну, ступай-же, калѣка! Иди къ себѣ, дуракъ! Вонъ съ глазъ моихъ! Проваливай! Онъ еще стоитъ!..

Янкель, приниженный, съ опущенной головой, направился въ свою комнату.

Тихо вошелъ онъ въ нее, тихо подошелъ къ столу, оперся объ него ладонями и съ печалью въ глазахъ сталъ без-

цѣльно смотрѣть въ окно. Не трогаясь съ мѣста, онъ въ такомъ положеніи простоялъ съ часъ. Только нѣсколько протяжныхъ вздоховъ вырывалось изъ его груди отъ времени до времени.

На столѣ все лежало въ такомъ порядкѣ, какъ онъ вчера оставилъ, только бумагъ не было. Янкель этого не замѣтилъ и продолжалъ стаять. Наконецъ, поднявшись, онъ подошелъ къ шкафу, желая его отворить. Но тутъ онъ замѣтилъ на полу лоскутокъ бумаги, густо исписанный его почеркомъ. Онъ вздрогнулъ, поднялъ его и тревожно осматрѣлъ... Потомъ опять подошелъ къ столу и сталъ обшаривать и осматривать лежавшія на немъ вещи; поднялъ книгу, посмотрѣлъ, но бумагъ подъ ней не было! Безпокойно и лихорадочно обвелъ онъ глазами всю комнату, — бумагъ нигдѣ не было видно...

— Куда бы онѣ могли дѣться? — безпокойно произнесъ Янкель, — я, кажется, ихъ оставилъ на столѣ.

Онъ трепещущими руками началъ осматривать книги въ шкафу. — Не нашлись. Черезъ полчаса все въ комнатѣ уже было перерыто и перевернуто вверхъ дномъ. — Все напрасно! Бумагъ — увы! — нигдѣ не оказалось.

Постоявши, какъ статуя, среди комнаты, ошеломленный Янкель, наконецъ, подошелъ къ дверямъ.

— Не видала ли она ихъ? — выговорилъ онъ болѣзненно.

Но онъ вернулся отъ дверей, опять сталъ искать и шарить въ мѣстахъ, уже дважды имъ обшаренныхъ и обысканныхъ. Нѣсколько разъ онъ направлялся къ дверямъ, но, не рѣшаясь выйти, все возвращался и сызнова начиналъ искать свои бумаги.

Наконецъ онъ вышелъ.

Этль накрывала на столъ и его не замѣтила.

Нѣсколько минутъ Янкель смотрѣлъ на свою жену, потомъ хрипло проговорилъ:

— Этль!

Этль быстро повернулась; она испугалась голоса, какимъ было произнесено ея имя — такъ онъ былъ порывистъ и глухъ! Но, увидѣвъ своего мужа, она сказала:

— Что? Видно ѣсть захотѣлось? да! Впрочемъ, свой обѣдъ ты уже сегодня заработалъ!

— Нѣтъ,—сказалъ Янкель тихо.—Не видала ли ты бумагъ, которыя у меня лежали тамъ на столѣ?

Въ его голосѣ слышна была такая печаль, такая горечь, онъ звучалъ такимъ умоляющимъ тономъ, что Этль довольно мягко отвѣтила:

— Бумаги? Какія бумаги? Не знаю... Ахъ, да! Вчера я взяла тамъ у тебя какія-то бумаги, мнѣ нужно было завернуть махорочный табакъ и селедки...

Лицо Янкеля все перекосилось отъ этихъ словъ. Онъ весь затрясся и чуть не упалъ.

— Ты... все употребила?.. едва вымолвилъ онъ.

— Нѣтъ, тамъ въ стойкѣ еще лежитъ нѣсколько кусочковъ.

Янкель однимъ прыжкомъ очутился за стойкой. Быстро сталъ онъ тамъ искать, всюду осмотрѣлъ, но больше одного листка, который былъ весь испачканъ селедочнымъ разсоломъ, не нашелъ; лихорадочно повертѣлъ онъ его въ рукахъ, всмотрѣлся въ него, но листокъ былъ до того испачканъ, что ничего нельзя было разобрать.

Янкель сдѣлался еще блѣднѣе прежняго.

— Этль!—страстно и звучно произнесъ онъ,—скажи, кому ты отдала бумаги?..

— Кому? Не помню! Какимъ-то мужикамъ. О чемъ тутъ спрашивать! Садись, будемъ обѣдать.

Янкель нѣсколько времени мутно смотрѣлъ на нее.

— Этль! — плачевнымъ голосомъ сказалъ Янкель.— Этль! три дня я не буду ѣсть, скажи мнѣ только, куда ты дѣвала эти бумаги?.. Сжался!

Этль это ужъ вывело изъ терпѣнія, и она начала кричать:

— Не дай Богъ, когда этотъ дуракъ начинаетъ приставать! Ну, что ты присталъ, какъ банный листъ?! Не знаю — и конецъ! Болванъ!.. Вотъ тебѣ отецъ семейства! кормилецъ! Какіе пустяки ему лѣзутъ въ голову!..

Но Янкель ужъ ее не слышалъ.

Съ отчаяніемъ онъ направился къ себѣ въ комнату. Онъ не слышалъ, какъ жена кричала ему вслѣдъ: «Такъ что-жь ты не идешь обѣдать?»

Онъ вошелъ въ свою комнату, обвелъ ее мутными глазами, грузно опустился на стулъ и тихо, истерически заплакалъ.

С. Р.

НАДЪ БИБЛІЕЙ.

Надъ библіей въ раздумьи я поникъ,
Ловя мечтой божественныя главы;
Передо мной священный міръ возникъ
И весь цвѣтетъ въ лугахъ нетлѣнной славы.

Встаютъ изъ мглы задумчивыхъ вѣковъ
Прекрасныя и чудныя былины...
И вижу я, сквозь дымящій ихъ покровъ,
Угасшихъ странъ цвѣтуція руины.

Я грезю въ Эдемъ перенесенъ:
Межъ мшистыхъ скалъ легко гарцуютъ лани,
Цвѣтетъ сирень... синѣетъ небосклонъ...
И колибри трепещетъ на бананѣ.

Съ небесъ струится бархатная ночь,
Поя росой душистыя растенья,—
И грѣшныхъ сновъ властительная дочь
Уже спѣшитъ на зовъ грѣхопаденья...

И вижу я дымящійся костеръ
У темныхъ волнъ сердитаго Ефрата,—
И слышенъ тамъ завистливый раздоръ,
И поднялъ мечъ впервые братъ на брата!

Лежить въ крови окоченѣлый трупъ,
А братъ-злодѣй въ дубравы поспѣшаетъ;
Ужасный бредъ шевелитъ складки губъ
И дерзкій взоръ раскаяньемъ пылаетъ.

И вижу я—разлились волны рѣкъ,
Морская ширь всю землю поглотила
И носится кочующій ковчегъ,
Какъ нѣкій гробъ безъ веселья и вѣтрила!

И вижу я—въ молчаньи дремлетъ степь,
Блуждается паръ вечерняго тумана
И въ сумеркахъ кургановъ сѣрыхъ степь
Рисуется таинственно и странно,—

Дорогою съ усталымъ первенцомъ
Идетъ отецъ—и шагъ свой замедляетъ;
Вотъ видѣнъ холмъ—и жертвенникъ на немъ
Трепещущимъ сіяніемъ мерцаетъ.

И слышу я на стѣнахъ городовъ,
Въ гнѣздилищахъ разврата и пороковъ
Крикъ торгашей и грозный звонъ оковъ,
И гордый плачь осмѣяныхъ пророковъ...

Я вижу пиръ въ блистающемъ дворцѣ;
 Синѣетъ дымъ кадилаицъ благовонныхъ,
 Стучать сосуды... блещутъ на крыльцѣ
 Огни лампадъ, елеемъ напоенныхъ,

Кругомъ царить и смѣхъ, и произволь,
 Какъ будто Богъ не властвуетъ огниѣ...
 И чертится таинственный глаголь
 Передъ царемъ, забывшимся въ гордынѣ...

Весь ветхій міръ прошелъ передо мной
 Съ безумьемъ битвъ, съ пророчествомъ и славой,
 И я смущенъ Израиля судьбой
 То сумрачной, то строго величавой,

Возлюбленный Иеговою народъ!
 Алтарь твой смятъ, сыны твои плѣнены;
 Ты сталъ пигмеемъ будничныхъ заботъ,
 Ты сталъ рабомъ чужой короны!

Твой брошенъ щитъ, давно заржавленъ шлемъ
 На полѣ жизни, вѣчномъ полѣ тлѣнья...
 Ты промѣнялъ библейскій свой Эдемъ
 На торжество базарнаго волненья.

Но будетъ день—и пепель ты страхнешь
 Съ главы своей, печалью отягченной.
 И братомъ ты въ семью людей войдешь,
 Страданіемъ для славы обновленный.

К. Фофановъ.

ЕВРЕЙСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Въ «Кіевскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» за 1884 годъ долгое время явнулся очеркъ и. д. секретаря кіевского губернскаго статистическаго комитета В. Г. Мозговаго, подъ заглавіемъ «Общественная и частная благотворительность въ кіевской губерніи». По окончаніи, очеркъ этотъ вышелъ отдѣльнымъ оттискомъ. Въ него вошли свѣдѣнія о слѣдующихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ: I, о благотворительныхъ обществахъ; II, о богадѣльняхъ; III, о народныхъ столовыхъ; IV, о дешевыхъ квартирахъ и ночлежныхъ пріютахъ; V, о школахъ и пріютахъ, и VI, о больницахъ и лечебницахъ.

Такъ какъ матеріалы для этого очерка собраны кіевскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ непосредственно отъ лицъ, завѣдующихъ каждымъ изъ благотворительныхъ учреждений въ губерніи, то и свѣдѣнія эти отличаются большою правдивостью.

Для читателей «Восхода» мы намѣрены извлечь изъ этого очерка всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ еврейскимъ благотворительнымъ учрежденіямъ, которыя мы находимъ въ отдѣлахъ II, III, V и VI.

Еврейскихъ богадѣленъ, содержащихся изъ суммъ коробочнаго сбора, считается въ кіевской губерніи тринадцать:

1) Бердичевская еврейская общественная богадѣльня основана въ началѣ нынѣшняго столѣтія, находится въ завѣдываніи попечителей, избираемыхъ по приговорамъ бердичевского еврейскаго общества. Призрѣваемые въ этой богадѣльнѣ евреи принимаются по предварительному удостовѣренію совѣта богадѣльни о совершенной бѣд-

ности и неспособности къ труду. За входъ въ богадѣльню установлена плата по два руб. одновременно, но въ большинствѣ случаевъ принимаются бесплатно. Призрѣваемые пользуются безвозмездно помѣщеніемъ, пищей и одеждой, иногда же богадѣльня выдаетъ бѣднымъ пособие отъ 1 до 3 р.

Богадѣльня содержится на счетъ общества евреевъ-купцовъ и мѣщанъ г. Бердичева и собственныхъ капиталовъ не имѣть.

Содержаніе заведенія и число призрѣваемыхъ было:

	призрѣвалось:	содержаніе:
Въ 1879 г.	11 душъ об. п.	2,180 р.
› 1880 ›	11 ›	2,300 ›
› 1881 ›	12 ›	2,290 ›
› 1882 ›	19 ›	3,500 ›
› 1883 ›	35 ›	3,600 ›

Такимъ образомъ, за пять лѣтъ число призрѣваемыхъ увеличилось болѣе, чѣмъ въ три раза.

2) Богадѣльня вмѣстѣ съ больницей въ м. Ржищевѣ, кievскаго уѣзда, основана въ 1870 году; находится въ вѣдѣніи ржищевского еврейскаго общества. Принимаются престарѣлыя неимущія лица еврейскаго исповѣданія, которыя пользуются бесплатно помѣщеніемъ, пищей и одеждой. Содержится богадѣльня изъ остатковъ коробочнаго сбора. Свѣдѣній о числѣ призрѣваемыхъ нѣтъ. На содержаніе богадѣльни израсходовано:

Въ 1879 г.	784 р.
› 1880 ›	825 ›
› 1881 ›	811 ›
› 1882 ›	912 ›
› 1883 ›	1,055 ›

3) Еврейская богадѣльня въ м. Богуславѣ, каневского уѣзда, основана около 50 лѣтъ тому назадъ, находится въ вѣдѣніи еврейскаго общества. Призрѣвается всегда отъ восьми до десяти душъ обоего пола. Содержится изъ остатковъ коробочнаго сбора (въ 1883 г. — 600 р.) и изъ частныхъ пожертвованій.

4) Вѣлоцерковская общественная еврейская богадѣльня, въ м. Вѣлой Церкви, васильковского уѣзда, основана лѣтъ 80 тому назадъ; помѣщается въ общественномъ домѣ. Приемъ обуслови-

вается хроническимъ недугомъ и бѣдностью. Платы не взимается. Всѣ призрѣваемые пользуются даровымъ помѣщеніемъ, одеждой и пищей. Содержится на средства коробочнаго сбора и частными пожертвованіи. Число призрѣваемыхъ и расходъ на ихъ содержаніе былъ:

	призрѣвалось:	содержаніе:
Въ 1879 г.	24 душъ об. п.	2,100 р.
› 1880 ›	22 ›	2,000 ›
› 1881 ›	23 ›	2,000 ›
› 1882 ›	24 ›	1,400 ›
› 1883 ›	12 ›	1,400 ›

Кромѣ того ежегодно вмѣстѣ съ призрѣваемыми содержалось отъ трехъ до четырехъ дѣтей.

5) Богадѣльня для больныхъ, престарѣлыхъ, глухо-нѣмыхъ и хромыхъ евреевъ въ г. Звенигородкѣ основана лѣтъ 25 тому назадъ, находится въ вѣдѣніи еврейскаго общества. Призрѣваемые, кромѣ помѣщенія и пищи, получаютъ еще даромъ и лекарство; содержится на средства коробочнаго сбора, лекарства же отпускаются на средства купца Шпигеля.

Число призрѣваемыхъ и содержаніе были:

Въ 1879 г.	15 душъ об. п.	633 р.
› 1880 ›	16 ›	633 ›
› 1881 ›	17 ›	633 ›
› 1882 ›	6 ›	300 ›
› 1883 ›	8 ›	350 ›

6) Богадѣльня въ м. Шполѣ, звенигородскаго уѣзда, основана въ 1874 году. Принимаются въ нее только мѣстные жители. Призрѣваемые пользуются помѣщеніемъ и пищей. Заведеніе не имѣетъ никакихъ средствъ, а пища и отопленіе получаютъ въ видѣ пожертвованій отъ мѣстныхъ жителей натурой. Въ богадѣльнѣ призрѣвается ежегодно 10—12 душъ обою пола.

7) Радомысльская еврейская общественная богадѣльня въ г. Радомыслѣ, хотя существуетъ давно, но съ 1881 г. въ ней введенъ особый порядокъ; находится въ вѣдѣніи еврейскаго общества и помѣщается при еврейской больницѣ. Въ богадѣльню принимаются калѣки, неспособные къ труду, здѣсь они пользуются даровымъ

помѣщеніемъ, пищей и одеждой. Число призрѣваемыхъ ограничено пятью челоуѣками. Заведеніе содержится изъ суммъ коробочнаго сбора; содержаніе его въ 1882 г. обошлось въ 300 р., а въ 1883 г. въ 493 р.

8) Богадѣльня чигиринскаго еврейскаго общества въ г. Чигиринѣ основана неизвѣстно когда. Призрѣваются какъ мѣстные евреи, такъ и пріѣзжіе; призрѣваемые пользуются только помѣщеніемъ. Богадѣльня содержится изъ суммъ коробочнаго сбора. Въ 1883 г. отпущено было 344 р.

9) Александровская богадѣльня въ м. Златополѣ учреждена по-томственнымъ почетнымъ гражданиномъ И. М. Бродскимъ въ 1875 году, въ память спасенія жизни Государя Императора Александра II въ Парижѣ 25 мая 1867 г. Состоитъ въ вѣдѣніи златопольскаго еврейскаго общества. Въ богадѣльню принимаются престарѣлые и увѣчные обоого пола, неимѣющіе средствъ къ жизни, безъ различія сословій и вѣроисповѣданій, по очереднымъ спискамъ, по мѣрѣ очищенія вакансіи. Призрѣваемые принимаются бесплатно и пользуются полнымъ содержаніемъ. Заведеніе содержится изъ ежегодныхъ доходовъ, получаемыхъ съ арендной платы за землю, принадлежащую богадѣльнѣ; земля эта, въ количествѣ 894 десятинъ, находится въ херсонской губерніи, елисаветградскаго уѣзда, и пожертвована учредителемъ И. М. Бродскимъ.

10) Сквирская еврейская общественная богадѣльня въ г. Сквирѣ основана въ 1868 г.; состоитъ въ вѣдѣніи еврейскаго общества. Пріемъ призрѣваемыхъ обусловливается бѣдностью и болѣзненнымъ состояніемъ; принимаются только лица мѣщанскаго сословія и ремесленники, къ тому—исключительно еврейскаго исповѣданія. Призрѣваемые бесплатно пользуются въ богадѣльнѣ полнымъ содержаніемъ. Содержится богадѣльня изъ суммъ коробочнаго сбора.

Число призрѣваемыхъ и расходъ на нихъ были:

Въ 1879 г.	15 душъ об. п.	800 р.
› 1880 ›	9 ›	800 ›
› 1881 ›	11 ›	800 ›
› 1882 ›	16 ›	1,300 ›
› 1883 ›	8 ›	1,200 ›

Кромѣ того, въ Сквирскомъ уѣздѣ существуютъ еще еврейскія

богадѣльни въ м. Павологѣ, въ Ружинѣ, Вчерайшемъ и въ м. Володаркѣ; всѣ онѣ находятся въ завѣдываніи еврейскихъ обществъ и содержатся изъ остатковъ коробочнаго сбора. Богадѣльни эти соединены вмѣстѣ съ больницами, и призрѣваемые въ нихъ пользуются только даровымъ помѣщеніемъ; выдача же пищи зависитъ отъ пожертвованій натурой. На содержаніе ихъ было отпущено въ 1883 году:

Въ м. Ружинѣ	485 р.
» » Павологѣ.	105 »
» » Вчерайшемъ.	115 »
» » Володаркѣ	300 »

Перечисленными нами богадѣльнями не исчерпываются всѣ существующія въ кіевской губерніи, такъ какъ въ очеркѣ вошли лишь тѣ, о которыхъ кіевскій губернскій статистическій комитетъ успѣлъ собрать свѣдѣнія. Такъ какъ на содержаніе богадѣленъ отпускается изъ суммъ коробочнаго сбора каждаго мѣстечка извѣстная сумма, то, конечно, число ихъ значительно превышаетъ приведенныя нами свѣдѣнія.

Теперь переходимъ къ III категоріи, къ народнымъ (дешевымъ) столовымъ. Въ очеркѣ мы находимъ свѣдѣнія о дешевой кухнѣ въ Кіевѣ и страннопріимномъ домѣ въ Бердичевѣ.

Кіевская дешевая еврейская кухня, основанная въ 1871 г., помѣщается въ домѣ, принадлежащемъ еврейской общинѣ, по Ярославской улицѣ. Находится въ вѣдѣніи еврейской общины и подъ покровительствомъ потомственной почетной гражданки Эльки Габріелевны Розенбергъ. Столовая служитъ для приходящихъ, а также отпускаетъ кушанье на домъ. Содержится изъ суммъ, получаемыхъ за проданныя порціи, но такъ какъ этихъ суммъ ежегодно не хватаетъ, то дефицитъ пополняется добровольными пожертвованіями членовъ еврейской общины. Въ 1883 г. доходъ кухни составлялъ 3,468 руб., а расходъ 4,409 ру. Цѣна порціи назначена 6 коп., объѣд же изъ 2 блюдъ стоитъ 10 коп., изъ 3—15 и 20 к. Въ 1883 г. посѣтили кухню 28,545 человекъ обоаго пола, и изъ этого числа 455 лицамъ пища выдана бесплатно.

Странопріимный домъ (ахнусасъ-орхимъ) или бесплатная столовая въ Бердичевѣ находится въ вѣдѣніи еврейскаго общества и существуетъ съ незапамятныхъ временъ. Дому принадлежать въ Бер-

дичевѣ лавки и пустопорожнее усадебное мѣсто. Средствами заведенія служатъ доходъ съ этихъ лавокъ и пожертвованія печенымъ чернымъ и бѣлымъ хлѣбомъ, а также копѣчные взносы. Ежегодный приходъ и расходъ составляетъ около 1,000 руб. Обѣды выдаются только для приходящихъ: три обѣда въ три буднихъ дня и три обѣда въ три субботнихъ дня; въ будніе дни дается одно блюдо, а въ субботніе по два. Ежегодно получаетъ здѣсь пищу около 4,150 человекъ, всѣ бесплатно.

Въ V категоріи мы находимъ только свѣдѣнія о бѣлоцерковской еврейской талмудъ-торѣ, основанной лѣтъ 80 тому назадъ и находящейся въ вѣдѣніи еврейскаго общества. Заведеніе это назначено для приходящихъ, причѣмъ круглыя сироты здѣсь же получаютъ и пищу. Принимаются дѣти бѣдныхъ родителей или сироты, въ возрастѣ отъ 5 лѣтъ и содержатся до 14 лѣтъ. Дѣти проводятъ въ школѣ цѣлый день, обучаясь еврейской грамотѣ и еврейскому и русскому письму. Средствами содержанія служатъ коробочный сборъ и частныя пожертвованія. Число обучавшихся и расходъ на содержаніе были:

Въ 1879 г.	98 мальч.	3,050 р.
» 1880 »	103 »	3,000 »
» 1881 »	100 »	3,000 »
» 1882 »	99 »	4,578 »
» 1883 »	102 »	4,578 »

Переходимъ къ VI и послѣднему отдѣлу, къ больницамъ. Въ очеркѣ помѣщены свѣдѣнія о 10 еврейскихъ больницахъ, на 239 кроватей.

Кіевская еврейская больница основана въ 1862 г. Лечение даровое. Въ настоящее время она переведена въ новое помѣщеніе на Лукіановкѣ; болѣе подробныя свѣдѣнія о ней читатель уже имѣетъ въ послѣднихъ № № «Недѣльной Хроники». Считаеиъ только нужнымъ добавить, что изъ средствъ больницы отпускается еще: 1) на содержаніе особой еврейской кухни при Кіево-Кирилловской больницѣ для пользующихся тамъ евреевъ; 2) готовая пища больнымъ евреямъ, находящимся въ клиникахъ и Рейтарской больницѣ, и 3) изъ больничной аптеки отпускаются бесплатно лекарства на домъ бѣднымъ евреямъ.

Еврейская больница въ м. Ржищевѣ основана вмѣстѣ съ бога-

дѣльней въ 1870 году, устроена на 8 бесплатныхъ кроватей и содержится на счетъ остатковъ коробочнаго сбора; при больницѣ находится одинъ врачъ и одинъ фельдшеръ.

Бердичевская еврейская общественная больница находится въ вѣдѣніи поечителей, избранныхъ по приговору бердичевского еврейскаго общества. Въ больницу принимаются больные по усмотрѣнію ординатора, исключительно евреи, но въ экстренныхъ случаяхъ принимаются лица и другихъ исповѣданій. При приѣмѣ въ больницу установлена плата въ 2 руб., но по обстоятельствамъ бѣдные принимаютъ бесплатно. Независимо отъ леченія, есть бесплатный амбулаторный приѣмъ съ бесплатной выдачей лекарствъ. Больница устроена на 60 кроватей. При больницѣ находятся живущій тамъ же врачъ, два фельдшера и двѣ фельдшерицы. Содержится больница на остатки коробочнаго сбора и доходъ съ недвижимаго имущества больницы, состоящаго изъ двухъ каменныхъ домовъ и трехъ каменныхъ лавокъ.

Въ 1883 г. въ больницѣ было:

	мужчинъ:	женщинъ:
поступило	227	114
выздоровѣло.	202	160
умерло.	37	16

Содержаніе больницы въ 1883 г. обошлось въ 14,710 р.

Вѣлоцерковская еврейская общественная больница въ м. Вѣлой Церкви содержится на средства коробочнаго сбора и частныя пожертвованія. Больница устроена на 30 кроватей. Мѣстные бѣдные евреи принимаютъ бесплатно, иногородные за право поступленія платятъ 5 руб. При больницѣ одинъ ординаторъ, два врача-консультанта и одинъ фельдшеръ. Содержаніе больницы въ 1883 году стоило 6,650 р.

Общественная еврейская больница въ г. Радомыслѣ основана давно, но съ 1881 года введенъ въ ней новый порядокъ. Находится она въ вѣдѣніи еврейскаго общества. Сюда принимаются всякаго рода больные, за исключеніемъ неизлѣчимыхъ. Лѣченіе и содержаніе больныхъ даровое. Средствами содержанія служатъ остатки коробочнаго сбора и частныя пожертвованія; больница устроена на 12 кроватей, при ней находится врачъ (городовой) и фельдшеръ.

Въ 1883 г. поступило больныхъ 91, выздоровѣло 83 и умерло 8. Содержаніе больницы въ этомъ году стоило 1,700 р.

Уманьская еврейская больница устроена на 35 бесплатныхъ кроватей, принимаются исключительно евреи. Средства содержанія служать остатки коробочнаго сбора и добровольныя пожертвованія. При больницѣ находятся два врача и одинъ фельдшеръ. Въ 1883 году больныхъ было:

	мужчинъ:	женщинъ:
поступило	170	138
выздоровѣло	109	88
умерло	41	26

Содержаніе больницы въ 1883 г. обошлось въ 6,732 р.

Черкасская еврейская общественная больница устроена въ 1878 г. на 10 кроватей; находится въ вѣдѣніи еврейскаго общества, подъ контролемъ городской управы. Въ больницу принимаются только евреи, бесплатно, и въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ взимается плата по 6 р. въ мѣсяць. При больницѣ врачъ и фельдшеръ. Въ 1883 г.

поступило	49
выздоровѣло	43
умерло	3

Содержится на средства коробочнаго сбора, и содержаніе въ этомъ году обошлось въ 2,260 р.

Еврейская больница въ м. Смѣлѣ устроена въ 1879 году, на 10 кроватей. Лѣченіе и содержаніе больныхъ бесплатно, при больницѣ врачъ и фельдшеръ. Содержится больница на средства коробочнаго сбора. Въ 1883 г. расходъ былъ въ 2,850 р. Больныхъ въ этомъ году

поступило	84
выздоровѣло	78
умерло	6

Еврейская больница въ м. Златополѣ основана въ 1855 г., на 20 кроватей для евреевъ м. Златополя и его окрестностей. Въ больницѣ назначена плата 5 руб. въ мѣсяць, а въ лѣчебницѣ—20 к. за совѣтъ, въ больничную кружку; но большинство и въ больницѣ и въ лѣчебницѣ отъ платы освобождается. Больница содержится: изъ арендной платы за землю 516 дес., пожертвованную больницѣ И.

М. Бродскимъ, изъ ежегодныхъ взносовъ, жертвуемыхъ Бродскимъ и хоралами 420 р. и изъ дохода въ 120 руб., получаемыхъ за наемъ 3 лавокъ, принадлежащихъ больницѣ. При больницѣ врачъ и фельдшеръ. Въ 1883 г. больныхъ:

	мужчинъ: женщинъ.	
поступило.	27	31
выздоровѣло.	24	28
умерло.	6	

Изъ нихъ пользовалось бесплатно 16.

Кромѣ того, было приходящихъ больныхъ 282 человѣка обоего пола. Содержаніе больницы въ 1883 году стоило 2,764 р.

М. К.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Die Ethik (Tugendlehre) des berühmten jüdischen Philosophen *Baruch Spinoza*, hebräisch übersetzt nebst ausführlicher Einleitung und erläuternden Noten von *D-r S. Rubin*. Wien, 1885.

קרי אלוהים תורת האדם מאת ברוך שפינוזה מתורגם ומבואר עם מבוא גדול מאת שלמה ראביץ.

Авторъ лежащаго предъ нами перевода знаменитѣйшаго трактата знаменитаго философа извѣстенъ въ еврейской литературѣ многими почтенными трудами изъ области исторіи философіи, или, вѣрнѣе говоря, исторіи человѣческихъ заблужденій. Обладая огромной эрудиціею, г. Робинъ пользуется своимъ знаніемъ, чтобѣ посвящать еврейскій читающій міръ въ таинства блужданія человѣческой мысли, преслѣдуя при этомъ одну, весьма опредѣленную цѣль. Г. Робинъ желаетъ направить мысль *своихъ* читателей на *сравненія*, которыя въ концѣ концовъ повели бы къ признанію, что все цивилизованное человѣчество съ самыхъ сѣдыхъ временъ усердно ищетъ путей къ какой-то абсолютной правдѣ, но никому еще пока не удалось найти ее. При этомъ г. Робинъ слегка, но тѣмъ не менѣе послѣдовательно и съ яснымъ сознаніемъ цѣли, указываетъ читателямъ на часто встрѣчающуюся параллельность путей, избираемыхъ различными группами людей въ ихъ поискахъ за правдой. Этимъ стремленіемъ были проникнуты почти всѣ работы г. Робина на еврейскомъ языкѣ, преимущественно въ журналѣ «Гашахаръ» *. Теперь г. Робинъ сдѣлалъ еще одинъ рѣшительный шагъ въ избранномъ имъ направленіи, хотя шагъ уже нѣсколько иного свойства. Тутъ г. Робинъ является не авторомъ самостоятельнаго труда или компіляціи, а переводчикомъ, но—переводчикомъ *Спинозы!*

О генетическихъ моментахъ своего перевода г. Робинъ въ предисловіи

* См. статью г. Венъ-Юсифа въ VII т. «Еврейской Библіотеки», стр. 296--7.

разсказываетъ, что уже лѣтъ тридцать назадъ онъ взялся было за изданіе сочиненій Спинозы на еврейскомъ языкѣ. Но тогда выступилъ противъ него покойный С. Д. Луватто и ударилъ въ набатъ по поводу такого рискованнаго предпріятія. Обрушиваясь на самого Спинозу за его атеизмъ, покойный падуанскій профессоръ не пощадилъ, разумѣется, и г. Робина. Разыгралась ожесточенная полемика. Г. Робинъ пріостановилъ свою работу, которая затѣмъ и осталась неоконченной. Слѣдуетъ ли намъ особенно сожалѣть о томъ, что вмѣшательство авторитетнаго Луватто помѣшало тридцать лѣтъ назадъ г. Робину продолжать начатое имъ изданіе сочиненій Спинозы на еврейскомъ языкѣ? Едва-ли. Кто знаетъ ту читающую публику, которую долженъ имѣть въ виду человекъ, пишущій на древне-еврейскомъ языкѣ, тотъ долженъ будетъ согласиться съ нами, что она не только тридцать лѣтъ назадъ, но и теперь весьма мало подготовлена къ чтенію такихъ вещей, какъ, напримѣръ, Теологическо-политическій трактатъ Спинозы. Спинозу на нѣмецкомъ, англійскомъ и всякомъ другомъ языкѣ будутъ читать только тѣ, кто привыкъ къ философскимъ дисциплинамъ, къ приемамъ философскихъ трудовъ; Спинозу же на еврейскомъ языкѣ читали бы всѣ полубразованные и даже полуграмотные мелаеды, корреспонденты «Гамагида» добраго стараго времени, кандидаты въ женихи и тому подобная публика, на которую великій амстердамскій философъ никоимъ образомъ не рассчитывалъ. Понимать они понимали бы, конечно, изъ пятаго въ десятое; но съ нихъ достаточно было бы усвоить себѣ нѣкоторыя общія формулы, съ которыми они носились бы, какъ съ писанной торбой, возбуждая справедливое негодованіе старшаго поколѣнія и смущая людей невинныхъ и довѣрчивыхъ.

Впрочемъ, ознакомленіе и болѣе образованнаго меньшинства нашего читающаго міра съ тенденціями Теологическо-политическаго трактата не могло быть желательнымъ, за исключеніемъ развѣ той незначительной горсти, которая способна къ трезвой критикѣ и неподкупному анализу. И безъ того нашу такъ называемую интеллигенцію нельзя было, какъ извѣстно, упрекать въ излишнемъ пристрастіи къ своему народному культу и излишнемъ его почитаніи. Нѣкоторыя тенденціи названнаго трактата, при неспособности къ критической оцѣнкѣ его аргументаціи, еще болѣе перепутали бы всѣ понятія этой категоріи читателей о іудаизмѣ, въ историческомъ его значеніи: ужъ слишкомъ много силъ дѣйствовало на нихъ въ этомъ направленіи, чтобы можно было желать еще одной, при томъ дѣйствующей подъ прикрытіемъ такого громкаго авторитета.

Но если это сужденіе справедливо относительно Теологическо-политическаго трактата и вѣкоторыхъ другихъ произведеній Спинозы, то оно совершенно не подходитъ къ величайшему произведенію нашего знаменитаго мыслителя, къ его «Этикѣ». Г. Робинъ замѣчаетъ, что «Этика» — дитя того народа, изъ среды котораго вышелъ ея великій авторъ, а потому онъ, г. Робинъ, рѣшился сдѣлать ее доступной и тѣмъ евреямъ, которые другихъ языковъ, кромѣ еврейскаго, не понимаютъ. Для этихъ же читателей, которые о Спинозѣ только и знаютъ, что онъ жалъ и умеръ, г. Робинъ снабдилъ свой переводъ большимъ введеніемъ, въ которомъ онъ, между прочимъ, сообщаетъ и главныя черты изъ жизни Баруха Спинозы, а равно и источники, которыми пользовался Спиноза и вліяніе которыхъ сказывается во всей его системѣ. Г. Робинъ весьма справедливо указываетъ, что, рядомъ съ Декартомъ, Спиноза усердно изучалъ еврейскихъ средневѣковыхъ мыслителей, особенно Ибнъ-Эзру, Маймонида, Герсоида и Крескаса. Весьма вѣроятно, что Спиноза пользовался также произведеніями Гебириля. С. Заксъ вполнѣ логично замѣчаетъ, что если бы нашелся полный списокъ сочиненія Гебириля הקדמות, то это много содѣйствовало бы къ лучшему уразумѣнію источниковъ системы Спинозы.

Однако, и съ г. Робинемъ случилось то, что случается съ большинствомъ біографовъ, увлеченныхъ своими героями. Г. Робинъ преисполненъ такого глубокаго благоговѣнія къ личности Спинозы, что не чувствуетъ даже натяжекъ, какія ему приходится дѣлать, чтобы оправдывать тѣ или другія дѣйствія философа, возбуждавшія нареканія съ какой либо стороны. Мало того, г. Робинъ, желая всюду выгораживать своего героя и изображать его непогрѣшимымъ, въ сущности оказываетъ ему весьма плохую услугу. Такъ, напримѣръ, въ примѣчаніи къ стр. L своего введенія г. Робинъ говоритъ: «Многіе изъ враговъ Спинозы и даже изъ его поклонниковъ спрашивали, почему Спиноза только изрѣдка приводитъ мнѣнія и взгляды предшествовавшихъ ему еврейскихъ ученыхъ, и даже когда цитируетъ ихъ, то всегда съ полупрезрительнымъ названіемъ «іудей», «перушимъ», причемъ онъ относится къ ихъ мнѣніямъ слегка, какъ бы находя лишнимъ серьезно считаться съ ними, что вовсе не соответствуетъ тому тону уваженія, который обязателенъ для безпристрастнаго ученаго, даже когда онъ говоритъ о своихъ противникахъ. Отсюда выводятъ заключеніе, что въ душѣ философа залежались гдѣ-то глубоко остатки недружелюбнаго чувства къ евреямъ, со стороны которыхъ онъ подвергался преслѣдованіямъ за свой свободный образъ мыслей». Г. Робинъ, однако, съ этими

не согласенъ. По его мнѣнію, невозможно допустить, чтобы человѣкъ такого тихаго нрава, такой благородной души, какъ Спиноза, утверждающій, что люди должны платить добромъ за зло, любовью—за ненависть и совершенно искоренить въ себѣ всякое чувство вражды и мести, прощая врагамъ зло, содѣянное подъ влияніемъ страстей, надъ которыми властенъ лишь человѣкъ, подчиняющій всѣ свои дѣйствія указаніямъ разума,—невозможно допустить, полагаетъ г. Робинъ, чтобы подобный человѣкъ сохранилъ въ сердцѣ какой нибудь остатокъ озлобленія противъ своихъ фанатическихъ преслѣдователей. Вслѣдствіе этого, г. Робинъ объясняетъ себѣ нѣсколько странный характеръ отношенія Спинозы къ еврейскимъ авторитетамъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Спиноза писалъ не на еврейскомъ языкѣ и не для еврейской публики, поэтому онъ какъ бы игнорируетъ своихъ еврейскихъ читателей и обращается исключительно къ христіанскому читающему міру, которому еврейскіе ученые извѣстны—де подъ именемъ «фарисеевъ» или «іудеевъ». Г. Робинъ ссылается на примѣръ Леона Медиги въ его сочиненіи на италіанскомъ языкѣ «Dialoghi d'amore», который также, имѣя въ виду христіанскую публику, упоминаетъ о вознесеніи Іоанна рядомъ съ вознесеніемъ пророка Ильи и вообще дѣлаетъ извѣстныя уступки вкусу и привычкамъ публики, для которой пишетъ. Намъ, призваться, аргументы г. Робина кажутся не особенно логичными, а ужъ ссылка на Авраамеля—верхомъ наивности. Не говоря уже о томъ, что г. Робину, вѣроятно, извѣстно мнѣніе, что упоминаніе Іоанна рядомъ съ Ильей есть вставка посторонней руки и болѣе поздняго происхожденія, всякій, кто знакомъ съ характеромъ «Dialoghi», долженъ будетъ признать, что болѣе неудачной ссылки г. Робинъ не могъ бы придумать. Діалоги Медиги дѣйствительно написаны преимущественно для не-еврейской публики; они изложены на италіанскомъ языкѣ, толкуютъ о любви и проникнуты такимъ идеальнымъ платонизмомъ, который былъ чуждъ еврейской средѣ того времени и уже конечно не могъ зародиться на почвѣ правовѣрнаго іудаизма. Однако, не смотря на это, Леонъ Медига не только цитируетъ Маймонида, называя его «нашимъ», но и приводитъ мнѣнія талмудистовъ; всюду, гдѣ можетъ, приводитъ съ особеннымъ уваженіемъ стихи св. Писанія; во всемъ третьемъ діалогѣ старается примирять ученіе іудаизма съ ученіемъ Платона, и послѣ цѣлаго ряда разсужденій объ эстетическихъ теоріяхъ Платона и Аристотеля, говоритъ: «Я же, какъ приверженецъ Моисеева ученія въ вопросахъ божественной мудрости, придерживаюсь вто-

рого пути, который есть путь Моисея и Платона»*. Въ другихъ мѣстахъ того же діалога онъ говоритъ о «нашихъ старыхъ мудрецахъ», разумѣя библейскихъ писателей. Словомъ, не смотря на то, что содержаніе діалоговъ довольно чуждо іудаизму и что написаны они менѣе всего для еврейской публики, авторъ ихъ старался, гдѣ только можно было, придавать имъ оттѣнокъ преданности своимъ національнымъ и религіознымъ традиціямъ. Конечно, ничего этого и нельзя было требовать отъ Спинозы, отказавшагося отъ обязательности какихъ бы то ни было религіозныхъ воззрѣній; но, во всякомъ случаѣ, Спиноза могъ относиться къ іудаизму и къ еврейскимъ ученымъ также, какъ онъ относился къ христіанству и христіанскимъ ученымъ. А дѣйствительно ли онъ относится одинаково къ обоимъ исповѣданіямъ? На это утвердительно не отвѣтитъ ни одинъ безпристрастный читатель Теологическо-политическаго трактата. Къ сожалѣнію, намъ здѣсь *невозможно* останавливаться на отдѣльныхъ пунктахъ, а можемъ только указать на общій тонъ, въ которомъ великій философъ измѣнилъ своему собственному ученію объ аффектахъ. Не надобно, конечно, забывать, что мы имѣемъ тутъ дѣло не только съ однимъ изъ могущественнѣйшихъ мыслителей всѣхъ вѣковъ, но и съ человѣкомъ необыкновенной нравственной силы, и при томъ человѣкомъ, для котораго душевное спокойствіе было какимъ-то культомъ, такъ что сама его любовь къ истинѣ обнаруживаетъ, такъ сказать, только пассивную неодолимость, слѣдовательно, особенной рѣзкости или даже густоты красокъ въ сужденіяхъ Спинозы о своемъ народѣ трудно было бы ожидать. Но что Спинозой въ его знаменитомъ трактатѣ руководило подчасъ полемическое чувство, не чуждое извѣстной желчности—это не подлежитъ сомнѣнію. Этого не скрываетъ и его глубочайшій почитатель и переводчикъ Бертольдъ Ауэрбахъ **. Англійская романистка Джорджъ Эллиотъ влагаетъ въ уста своего идеальнаго Мордухая слова упрека памяти Спинозы за его несправедливое отношеніе къ евреямъ. Даже восторженный поклонникъ Спинозы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не менѣе восторженный миссіонеръ, Альфредъ Христіанъ Калишеръ, говоря о третьей главѣ Теологическо-политическаго трактата, гдѣ Барухъ Спиноза излагаетъ свой взглядъ на «призваніе евреевъ», не могъ удержаться отъ слѣдующаго замѣчанія:

* Wicnuch al ho-ahawo, Lyck 1871, p. 170.

** Lebensgeschichte Spinoza's, p. XL—XLI.

«Если мы какъ разъ здѣсь видимъ нравственно-гордаго, благороднаго мыслителя на высотѣ его все примиряющаго, все обнимающаго силой своей любви объективнаго величія, то, съ другой стороны, слѣдуетъ съ сожалѣніемъ и прискорбіемъ признать, что мы именно тутъ встрѣчаемся съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ въ сужденіяхъ о древне-еврейскихъ писателяхъ и современныхъ философу адептахъ Моисеева ученія... Не надо, конечно, забывать, что великій, безсмертный Спиноза испыталъ отъ своихъ братьевъ по происхожденію» *.

Несомнѣнно, что именно этимъ остаткомъ раздраженія противъ своихъ братьевъ слѣдуетъ объяснить себѣ то, что Спиноза такъ сравнительно рѣдко цитируетъ имена еврейскихъ авторитетовъ, отъ которыхъ онъ, однако, заимствовалъ больше, чѣмъ можно было бы предполагать по его весьма рѣдкимъ ссылкамъ на нихъ. Гебироль, Маймонидъ, Герсонидъ и Крескасъ имѣютъ, особенно первый и послѣдній, весьма значительную долю въ грандіозной мировой системѣ, построенной ихъ, гениальнымъ соплеменникомъ 17-го вѣка, а читатели Спинозы, не знакомые съ твореніями названныхъ мыслителей, не имѣютъ объ этомъ почти никакого понятія. Ужъ не думать-ли, что великій Спиноза хотѣлъ пользоваться чужимъ умственнымъ достояніемъ для увеличенія собственной славы? Но съ такимъ абсурднымъ заключеніемъ едва-ли кто согласится. У этого феноменальнаго мыслителя было слишкомъ много своего для того, чтобы онъ нуждался въ чужомъ, не говоря уже о его нравственной чистотѣ, которая не позволяла-бы ему прятать свои источники по такимъ непригляднымъ мотивамъ. Очевидно, причины этого умалчиванія слѣдуетъ искать въ чемъ-нибудь другомъ, въ какомъ-то, можетъ быть, самомъ философомъ плохо сознаанномъ чувствѣ отчужденія и неудовольствія, вынесенныхъ изъ школы личныхъ испытаній. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ инымъ объяснить себѣ, что Спиноза совсѣмъ нигдѣ не ссылается, напримѣръ, на Азарію де-Росси, произведеніями котораго онъ, безъ всякаго сомнѣнія, пользовался? ** что онъ умалчиваетъ о Маймонидѣ тамъ, гдѣ не приходится спорить противъ него, но гдѣ Спиноза широко пользуется его объясненіями, примѣрами, доказательствами? *** что онъ, наконецъ, также цитируетъ, какъ

* Benedict (Baruch) von Spinoza's Stellung zum Judenthum und Christenthum, 23—24.

** См. Joel, Spinoza's Theol.-Polit. Tr., p. 62—63.

*** Тамъ же, стр. 12—13, и многія другія мѣста.

дѣйствительно принадлежащій Моисею, стихъ: «люби ближняго своего и ненавидь врага своего»? Что же, ученикъ Мортейра и Абуаба и авторъ еврейской грамматики не знакомъ былъ съ подлиннымъ текстомъ этого стиха у Моисея? Или это также слѣдуетъ объяснить себѣ наивнымъ доводомъ г. Робина, что Спиноза писалъ для христіанской публики? До какой нравственной мизерности надо низводить Спинозу, чтобы считать его способнымъ дѣлать такія концессіи своей публикѣ? Невольно поддаваться скрытому чувству неудовольствія и раздраженія, правда—слабость, но слабость чело-вѣческая, повятная; люди, абсолютно недоступные подобнымъ слабостямъ, во всякомъ случаѣ, необыкновенно рѣдки; но сознательно заискивать у своихъ читателей, жертвуя для этого чистотой научныхъ приѣмовъ,—недостойно было бы даже не такого великаго чело-вѣка, какъ Спиноза. И кого г. Робинъ хочетъ убѣдить, что христіанская образованная публика XVII вѣка знала евреевъ только подъ именемъ фарисеевъ? Ужъ доминиканецъ Альбертъ Великій, епископъ регенбургскій, творецъ христіанской схоластики, вѣрно былъ благочестивымъ христіаниномъ и писалъ для христіанъ, и притомъ былъ чело-вѣкомъ XIII столѣтія, а, между тѣмъ, развѣ онъ называетъ евреевъ фарисеями? Развѣ онъ не цитируетъ Исаака Израэли и Маймонида гораздо чаще, чѣмъ Спиноза, и съ гораздо большимъ уваженіемъ? Повторяемъ, г. Робинъ оказываетъ памяти Спинозы плохую услугу и, имѣя дѣло съ публикой, которая, за рѣдкими исключеніями, не можетъ провѣрять его положеній, г. Робинъ не долженъ былъ бы отводить ей глаза отъ истины.

Относительно самаго перевода г. Робина мы можемъ только сказать, что онъ весьма вѣренъ подлиннику, даже слишкомъ вѣренъ. Благодаря необыкновенной сжатости еврейскаго языка вообще и въ особенности выработавшейся въ немъ со временъ Ибнъ-Тибеновъ философской терминологіи, переводъ вышелъ еще буквально еще извѣстнаго своею сжатостью и сухостью нѣмецкаго перевода Кирхмана. Конечно, та часть еврейской публики, которая перевариваетъ More Nebuchim въ переводѣ Тибона или Or Adonai въ оригиналѣ, осилить и глубокія теоремы Спинозы въ переводѣ г. Робина; но чтобы переводъ г. Робина былъ общедоступнымъ—этого сказать нельзя. Да не подумаетъ читатель, что я это ставлю г. Робину въ упрекъ. Я, повторяю, не видѣлъ бы ничего хорошаго въ томъ, чтобы полубразованная еврейская публика знакомилась съ ученіемъ Спинозы по легонькому популярному переводу. Вѣдь какъ ни умудряйся въ изложеніи, а сами по-

ложенія великаго философа по своей глубинѣ доступны только образованному, развитому и логически устроенному уму. Вышло бы, стало быть, одно изъ двухъ: или переводчикъ поусердствовалъ бы и передалъ бы не Спинозу, а свои собственныя измышленія, или же, переданныя вѣрно по своей сути, идеи философа, при всей легкости изложенія, не были бы поняты огромнымъ большинствомъ читателей, но безъ того, однако, чтобы послѣдніе сами это сознавали. Результатъ былъ бы одинаково не желательный. Плохо понятыя сентенціи Спинозы немилосердно трепались бы разными недоучившимися читателями еврейскихъ газетъ, производя путаницу въ умахъ и совершенно опошляя великія идеи гениальнаго философа. Съ насъ, право, слишкомъ достаточно «популяризаторовъ историческаго іудаизма» à la С. Гурвичъ, чтобы мы желали имѣть такихъ безшабашныхъ щелкоперовъ и въ области философіи, не говоря уже о томъ, что это было бы профанаціею памяти великаго мыслителя. При томъ же характерѣ, какой имѣетъ переводъ г. Робина, эта полупочтенная орава писакъ, надо надѣяться, не особенно охотно набросится на новую книгу, и капитальнѣйшее произведеніе Спинозы будетъ, по крайней мѣрѣ, пощажено ими. Правда, г. Робинъ снабдилъ свой переводъ и нѣкоторыми объясненіями. Но любители легонькаго философскаго чтенія будутъ совершенно разочарованы, если ожидаютъ найти въ объясненіяхъ г. Робина настоящія толкованія къ мыслямъ Спинозы. Самыя трудныя по своей отвлеченности теоремы оставлены г. Робиною безъ толкованія; его замѣчанія же относятся больше къ различнымъ комментаторамъ Спинозы (гдѣ разныя комментаріи существуютъ), при чемъ г. Робинъ указываетъ, какому изъ нихъ и по какимъ мотивамъ онъ слѣдовалъ въ своемъ переводѣ, а равно къ изысканіямъ источниковъ тѣхъ или другихъ положеній и аргументовъ философа, особенно въ сочиненіяхъ средневѣковыхъ еврейскихъ мыслителей. Однако, для серьезныхъ читателей примѣчанія г. Робина нисколько не лишніи, уясняя имъ, между прочимъ, неразрывную связь, существующую между ученіемъ Спинозы и произведеніями блестящей плеяды еврейскихъ мыслителей испанской школы. Для читателей, которые не особенно привыкли къ еврейской терминологіи, а равно въ виду неокончателной установленности нѣкоторыхъ изъ этихъ терминовъ, г. Робинъ снабдилъ свой трудъ маленькимъ словаремъ, указывающимъ, въ какомъ смыслѣ тотъ или другой терминъ употребляется имъ, переводчикомъ. Хотя почти всѣ эти термины принадлежатъ къ общепринятымъ уже въ философской литературѣ, тѣмъ не менѣе словарь

г. Робина нельзя считать лишнимъ. Во всякомъ случаѣ, переводъ «Этики» — трудъ весьма серьезный, сдѣланный съ знаніемъ и большой добросовѣстностью, и могъ бы служить блестящимъ началомъ для цѣлаго ряда произведеній по новой философіи, которыя пока почти совершенно отсутствуютъ въ еврейской литературѣ, нѣкогда столь богатой трудами по философіи и прилегающимъ къ ней научнымъ областямъ.

К.

СРЕДИ КРАЙНОСТЕЙ.

1) Альтруистическія начала въ этическихъ системахъ іудаизма и христіанства и чаянія обѣихъ религій въ будущемъ. Двѣ публичныя лекціи, читанныя въ Одессѣ *Я. М. Прилукеромъ*. Одесса, 1885.

2) Слово г. *Іосифа Рабиновича*, произнесенное въ субботу 3 августа и въ субботу 5 октября 1885 г. въ молитвенномъ домѣ Виленемъ, (на древне-еврейскомъ языкѣ). Кишиневъ, 1885.

3) Что такое еврейство? *Ф. Б. Гема*. Спб. 1885.

Намъ весьма легко будетъ представить читателямъ трехъ авторовъ лежащихъ передъ нами книжекъ, такъ какъ каждый изъ этихъ авторовъ имѣетъ свой ярлычекъ. Вотъ они: крайній реформаторъ, крещеный еврей и—реакціонеръ. Вы, пожалуй, найдете, что соединеніе ихъ въ одной критической камерѣ не совѣмъ удобно, что имъ никакъ нельзя будетъ спѣться, и вамъ придется, вмѣсто стройнаго концерта, присутствовать на Крыловскомъ квартетѣ. Не станемъ васъ разубѣждать въ этомъ; наоборотъ, поддерживаемъ ваше предположеніе и даже совѣтуемъ вамъ не смущаться тѣмъ, что для полнаго квартета здѣсь не достаетъ еще одного лица; на этотъ счетъ вамъ нечего беспокоиться, такъ какъ послѣдній изъ нашихъ авторовъ, г. Гець, какъ мы это ниже увидимъ, при извѣстной надобности, весьма легко можетъ раздвоиться. Въ этомъ своеобразномъ квартетѣ вы съумѣете гораздо яснѣе опредѣлить голоса участвующихъ, нежели тогда, когда заставите ихъ пѣть каждого соло. Неправильность въ тонѣ одного будетъ рѣзче отгнѣяться вслѣдствіе неправильности въ тонѣ другого. Одна крайность будетъ обличать другую; достаточно только ихъ сопоставить. А насъ это между тѣмъ избавитъ отъ лишняго труда каждую крайность опровергать.

Г. Прилукеръ трактуетъ о сравнительномъ развитіи начала альтруизма

(любви къ ближнему) въ нравственныхъ ученіяхъ іудаязма и христіанства. Задача его при этомъ двоякая: онъ стремится доказать, во-первыхъ, что въ іудаязмѣ отсутствуютъ альтруистическія начала и, во-вторыхъ, что еврейской религіи совершенно чуждъ духъ прозелитизма, въ чемъ онъ, Прилукеръ, усматриваетъ большой недостатокъ. Какъ мало ни заслуживаютъ серьезнаго разбора поверхностные доводы г. Прилукера, но такъ какъ предметъ, имъ затронутый, крайне важенъ, то мы и посвятимъ имъ нѣсколько строкъ.

Оцѣнивая сравнительное значеніе іудейства и христіанства со стороны моральной, г. Прилукеръ устанавливаетъ положеніе, что «моральная цѣнность той или другой системы (нравственности) прямо пропорціональна широтѣ вложенныхъ въ нее общечеловѣческихъ, если не общемировыхъ альтруистическихъ началъ» (стр. 11). Нѣтъ, г. Прилукеръ, вапъ основной тезисъ хромаетъ. Прежде всего цѣнность всякой моральной системы опредѣляется *степенью ея осуществимости при возможно лучшемъ развитіи духовной природы человека*. Всякое моральное ученіе, не принимающее въ соображеніе этого условія, есть жалкая утопія, не имѣющая никакой цѣнности, ибо оно останется мертвой буквой въ книгѣ, но не будетъ руководствомъ въ жизни. Въ природѣ челоуѣка соединены эгоистическія и альтруистическія стремленія; нравственные ученія должны стремиться къ полному гармоническому развитію тѣхъ и другихъ стремленій, къ ограниченію однихъ другими; стремленіе же развитъ одинъ изъ этихъ элементовъ на счетъ другого безнравственно, потому что вредно. Г. Прилукеръ ставитъ въ примѣръ іудаязму древнее ученіе индусовъ, гдѣ «было еще болѣе высокое (нежели библейское «люби ближняго, какъ самого себя») требованіе любить ближняго *болѣе*, чѣмъ самого себя» (стр. 12). Но болѣе нелѣпаго правила не можетъ быть. Представьте себѣ такое общество, въ которомъ каждый членъ любить другого больше самого себя. Всякій поставитъ себѣ цѣлью благодѣтельствовать другимъ, а эти другіе — еще другимъ, и такъ далѣе до безконечности. Такимъ образомъ, мы увидимъ, что всякій будетъ дѣлать за другого то, что послѣднему самому нужно было дѣлать, и въ свою очередь будетъ получать отъ другихъ благодѣтелей то, что онъ самъ для себя долженъ былъ дѣлать. Какое столпотвореніе выйдетъ! Отъ этого несомнѣнно сумма общаго счастья не только не увеличится, но уменьшится. Затѣмъ, для того, чтобы благодѣтельствовать, нужно чтобы были люди, желающіе получать благодѣніе; по крайней мѣрѣ на каждого благодѣтеля долженъ быть одинъ благодѣльствуе-

мый; но въ такомъ случаѣ человѣчество по необходимости должно раздѣлиться на двѣ половины: эгоистовъ, получающихъ благодѣяніе, и альтруистовъ, благодѣтельствующихъ. Получается *contradictio in adjecto*: то, что желательно устранить, предполагается необходимымъ. Послѣдній доводъ принадлежитъ не намъ, а Спенсеру, котораго, право, какъ-то даже совѣстно тревожить ради опроверженія доводовъ г. Прилукера.

И такъ, *безусловный* альтруизмъ также нелѣпъ, какъ безусловный эгоизмъ. Слѣдовательно, тезисъ г. Прилукера, что цѣнность той или другой моральной системы *прямо пропорціональна* широтѣ ея альтруизма и что поэтому безусловный альтруизмъ есть безусловно совершеннѣйшая система нравственности и религіи — этотъ тезисъ есть вопіющая нелѣпость.

Послѣ этого всѣ другіе принципиальные доводы г. Прилукера касательно альтруизма не заслуживаютъ никакого вниманія. Коснемся только историческихъ его доводовъ. Г. Прилукеръ жалуется, что въ Моисеевомъ ученіи начало альтруизма гораздо менѣе развито, чѣмъ въ ученіи христіанскомъ; даже, что въ первомъ оно будто бы почти совершенно отсутствуетъ (стр. 41). Противъ послѣдняго утверженія возражать нечего: оно просто есть ложь, и это знаетъ каждый, читавшій Пятикнижіе и пророковъ. Что же касается перваго положенія — то въ нѣкоторомъ видоизмѣненіи оно будетъ вѣрно: альтруизмъ въ Ветхомъ Завѣтѣ *не такъ* развитъ, *имѣетъ не тотъ характеръ*, что въ Новомъ Завѣтѣ. Альтруизмъ въ первомъ — практическій, во второмъ — теоретическій. Происходитъ это отъ того, что мозаизмъ есть не только религіозное, но и государственное, правовое ученіе, между тѣмъ какъ христіанство, вслѣдствіе условій своего возникновенія, есть исключительно религіозное ученіе. Что послѣднее не налагаетъ на *практическаго* законодателя обязанности сообразоваться съ нимъ однимъ, доказывается уже тѣмъ, что ни одинъ христіанскій законодатель ни въ одномъ кодексѣ не помѣстилъ постановленія въ родѣ того, чтобы отдавать рубашку тому, кто у васъ отнимаетъ верхнее платье. Наоборотъ, во всѣхъ кодексахъ для такихъ нарушителей права собственности установлены строгія кары. Да и любой христіанскій духовный пастырь вамъ скажетъ, что евангельскій альтруизмъ есть возвышенный идеалъ, недостижимый при человѣческомъ несовершенствѣ.

Если же г. Прилукеръ главнымъ образомъ напираетъ на практическомъ вліяніи нравственныхъ ученій іудейства и христіанства (онъ даже приводитъ это въ связь съ еврейскимъ вопросомъ), то онъ долженъ обращать

вниманіе не на теоретическій, а на практическій альтруизмъ. А послѣдняго, смѣемъ его увѣрить, настолько достаточно въ Моисеевой этикѣ, что, строго слѣдуя ея завѣтамъ, люди могутъ быть глубоко нравственны и добродѣтельны. Если въ Моисеевомъ юридическомъ кодексѣ есть нѣсколько выражений, обличающихъ національный эгоизмъ, то это эгоизмъ весьма умѣренный и законный съ юридической точки зрѣнія. Но сколько за то въ этомъ кодексѣ и гуманныхъ постановленій! «Любите пришельцевъ, ибо пришельцами были вы въ Египтѣ»; «Не презирай эдуменина, ибо онъ твой братъ», и многія другія. Г. Прилукеру не нравится этотъ гуманизмъ, ибо мотивы его слишкомъ практическіе. Но въ этомъ-то и величіе Моисеева ученія, что оно даетъ наглядно понять темной массѣ, что истинный альтруизмъ въ конечныхъ своихъ послѣдствіяхъ приноситъ пользу и счастье. Только такимъ образомъ можно внушить массѣ начало любви къ ближнему.

Теперь рассмотримъ другую жалобу г. Прилукера на іуданзмъ, а именно то, что послѣдній не заключаетъ въ себѣ основной заповѣди—всякими средствами распространять еврейскую вѣру между не-евреями и не стремится пріобрѣтать прозелитовъ. Г. Прилукеръ полагаетъ, что это происходитъ отъ эгоистическаго характера іудейскаго нравственнаго ученія, которое заботится исключительно о духовномъ благѣ еврейскаго народа и не хочетъ просвѣщать другихъ истинною религіею. Оставимъ въ сторонѣ вопросъ, есть ли отсутствіе прозелитическихъ стремленій въ той или другой религіозной системѣ недостатокъ или достоинство этой системы; допустимъ даже на время вмѣстѣ съ г. Прилукеромъ, что это—недостатокъ. Но и въ такомъ случаѣ онъ долженъ будетъ признать, что это не органическій недостатокъ, присущій морали іуданзма, а только случайная особенность, порожденная историческими обстоятельствами и нѣкоторыми внѣшними обрядами еврейской религіи. Дѣйствительно, когда было евреямъ пропагандировать свою религію? До возвращенія изъ вавилонскаго плѣненія, они сами не были крѣпки въ вѣрѣ и то и дѣло впадали въ язычество. Затѣмъ, до эпохи Маккавеевъ, они должны были непрерывно бороться за свое національное существованіе. А послѣ краткой эпохи самостоятельности, они были разорены всемилымъ Римомъ и, наконецъ, стали терпѣть всяческія преслѣдованія за свою религію. Соблюдая сами эту религію съ величайшею для себя опасностью, какъ могли они проповѣдывать ее другимъ? Въ эпоху же политической своей независимости, къ несчастію, слишкомъ кратковременную, евреи весьма энергично распространяли свое ученіе; въ Евангеліи упоминается о тѣхъ раввинахъ, которые

страновали и по морю и по сушѣ, чтобы приобрѣсть хоть одного новаго послѣдователя. Объ этомъ свидѣтельствуеть и извѣстный историкъ Момзень (т. V «Римской Исторіи, стр. 482). Если мы къ этому прибавимъ, что главный вѣншній обрядъ еврейской религіи—обрѣзаніе, необыкновенно затрудняетъ переходъ въ нее новыхъ членовъ изъ другихъ исповѣданій, то мы поймемъ какъ фактъ относительной немногочисленности послѣдователей іудаизма, такъ и отсутствіе въ послѣднемъ прозелитическаго духа. Какое же отношеніе могутъ имѣть всѣ эти *внѣшнія* обстоятельства съ цѣнностью *внутреннею* нравственнаго ученія іудаизма?

Сдѣлавъ резюме всѣхъ этихъ, опровергнутыхъ нами, выводовъ, г. Прилукеръ заключаетъ: «Іудаизмъ не можетъ, а, главное, *не долженъ* (курсивъ подлинника) быть универсальной религіей, какъ бы его ни реформировать путемъ отбрасыванія той или другой группы обрядностей. Тутъ мало одной вѣншной штукатурки зданія, какъ то полагаютъ достаточнымъ нѣкоторые благодушные реформаторы іудейства. Необходимо *коренное измѣненіе* іудаистическаго міросозерцанія въ самыхъ основныхъ и сокровенныхъ его принципахъ, необходимо чтобы іудаизмъ, *какъ религіозная система*, пересталъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть. А пока онъ останется такимъ, каковъ есть, ему нечего разсчитывать на прочную терпимость со стороны другихъ исповѣданій» (стр. 42). И такъ, г. Прилукеръ не принадлежитъ къ числу «благодушныхъ (т. е. умѣренныхъ) реформаторовъ», ему недостаточно реформированіе талмудическаго обрядоваго строя, ему подавай «коренное измѣненіе іудаистическаго міросозерцанія въ самыхъ основныхъ и сокровенныхъ его принципахъ», т. е. полную передѣлку мозаизма! И передѣлку эту нужно, конечно, учинить въ духѣ той религіозной системы, которую г. Прилукеръ противопоставитъ іудаизму,—не такъ-ли? Ну, ужъ если г. Прилукеръ вступилъ на эту почву, то намъ нечего съ нимъ разсуждать. Признавая необходимость обрядовой реформы въ талмудическомъ іудаизмѣ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ питаемъ грѣховное убѣжденіе въ несравненнои величіи и универсальности истиннаго іудаизма; мы вѣримъ въ его великую будущность... Доказывать г. Прилукеру мотивы этого убѣжденія и этой вѣры мы, конечно, не станемъ, ибо это значило бы придавать слишкомъ много значенія его не только легкомысленнымъ, но даже просто бессмысленнымъ выводамъ.

Замѣтимъ только въ заключеніе, что если г. Прилукеръ и г. Бенъ-Сіонъ—авторъ книги «Еврей-реформаторы»—одно и то же лицо, то въ настоящей своей брошюрѣ онъ торжественно отрекся отъ своихъ прежнихъ

взглядѣ (ибо тамъ, какъ помнится, говорилось только объ обрядовой реформѣ и о неприкосновенности мозаизма «какъ нравственно-религіозной системы») и сдѣлалъ значительный шагъ впередъ по направленію... къ кишиневскому «реформатору» г. Рабиновичу. Совѣтуемъ ему прочесть «Слово» послѣдняго; можетъ быть, оно его окончательно исцѣлитъ, или, точнѣе, отрезать отъ его заблужденій.

Мы говоримъ это совершенно серьезно, ибо, прочитавъ «Слово» г. Рабиновича, мы убѣдились, что никто бы не могъ больше компрометировать проповѣдуемое имъ ученіе въ глазахъ слушателей, какъ это дѣлаетъ самъ кишиневскій проповѣдникъ. Если слушатели г. Рабиновича будутъ судить о христіанствѣ по напечатаннымъ образцовымъ проповѣдямъ кишиневского проповѣдника, то мы увѣрены, что никакого истиннаго понятія о христіанствѣ они не получаютъ и, убѣдившись въ этомъ, наконецъ разбѣгутся въ разныя стороны и оставятъ проповѣдника вопіять въ пустынѣ. Ибо кто же не бѣгаетъ отъ скуки и бездарности? А проповѣди г. Рабиновича — воплощенная бездарность. Можетъ ли вообще повліять на евреевъ агитація въ родѣ той, какую ведетъ г. Рабиновичъ, — это другой вопросъ, который опытъ прошлаго рѣшаетъ отрицательно; но во всякомъ случаѣ, разъ взявшись за такое смѣлое дѣло, нужно умѣть его выполнять, а послѣднее то именно и не по силамъ г. Рабиновичу. Въмѣсто того, чтобы ясно и толково излагать своимъ слушателямъ исторію, основные догматы и нравственное ученіе христіанства, г. Рабиновичъ кормитъ ихъ безобразною казуистикою и мистическими фокусами, стараясь, наприжѣръ, доказать (что едва-ли какому нибудь христіанскому богослову въ голову приходило *), что въ исторіи борьбы Давида съ Голиафомъ предсказано пришествіе Иисуса Христа со всѣми его подробностями. Чтобы это доказать, г. Рабиновичъ облачается въ чисто-раввинское вооруженіе: казуистически толкуетъ слова, буквы, сближаетъ стихи, ничего общаго между собою не имѣющіе, вообще несетъ такую околесину, что просто уши вануть. И въ одномъ мѣстѣ этой проповѣди еще поясняется въ скобкахъ (конечно, самимъ же авторомъ), что г. Рабиновичъ съумѣлъ своимъ «восторженнымъ словомъ» такъ повліять на слушателей, что тѣ только ахнули отъ удивленія (стр. 9). Это напоминаетъ намъ того мальчика, который, напачкавъ на бумагѣ что-то въ родѣ палки съ шаромъ

* Въ имѣющемся у насъ англійскомъ миссіонерскомъ переводѣ библіи, гдѣ все комментируется въ извѣстномъ смыслѣ, мы ничего подобнаго этому толкованію не нашли.

наверху, подписалъ: «это человекъ». Подъ болтовнею г. Рабиновича, повидимому, вслѣдствіе подобныхъ же соображеній, оказалось необходимымъ подписать: это проповѣдь, «слово», да еще «восторженное».

Вообще, кишиневскій проповѣдникъ выдалъ самому себѣ, въ лицѣ своего «Слова», полное *testimonium pauperatis*, свидѣтельство въ нищетѣ духовной. Приглашаемъ любого прочесть этотъ «документъ», чтобы убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ; Право, мы были болѣе высокаго мнѣнія на счетъ проповѣдническаго таланта г. Рабиновича, пока не прочли его «Слова», которое представляетъ ничто иное, какъ винигретъ изъ раввинской казуистики худшей пробы и изъ темной мистики «Зогара», только приправленный еще извѣстными пряностями. Мы увѣрены, что не только слушатели, но и самъ г. Рабиновичъ не понимаетъ смысла своей проповѣди, какъ не понимаютъ своихъ проповѣдей хассидскіе цадикъ, «восторженно» говорящіе обо всемъ для воодушевленія, сирѣчь, вящаго облегченія кармановъ своихъ наивныхъ слушателей. Неужели слушатели г. Рабиновича такъ же наивны?

Послѣ этого, становится положительно нагlostью стараніе г. Рабиновича выставить себя передъ слушателями святѣйшъ мученикомъ, чуть-ли не ниспосланнымъ свыше и призваннымъ совершить великое дѣло. На страницѣ 20 онъ рассказываетъ, что еслибъ не «милость Божія и властей» его бы давно уже забросили камнями, но онъ все-таки будетъ продолжать свое дѣло, etc. А въ концѣ книжки (стр. 27) онъ говоритъ: «Да, братья! Вотъ Мессія, котораго провидѣлъ еще патриархъ Авраамъ! И радовался, ибо черезъ Него Богъ исполнилъ свое обѣщаніе Аврааму: «И Авраамъ сдѣлается великимъ народомъ, и будутъ благословляться имъ всѣ народы земли». И полевые камешки (?) сдѣлались также дѣтьми Авраамовыми (*sic!*). Онъ-то (Мессія) и есть властелинъ и происхожденіе Его отъ временъ предвѣчныхъ (Миха, 5). *Ваши руки еще подняты, чтобы забросить Его камнями, но, благодаря своей божественной силѣ и силѣ христіанскихъ властей нашего времени, опоясывающихъ мечъ во служеніе Богу, Онъ проходитъ между ними невредимъ*». Выходитъ, что г. Рабиновичъ изображаетъ изъ себя нѣчто высшее, чѣмъ простой смертный, такъ какъ онъ, очевидно, примѣняетъ къ себѣ то, что говоритъ о Мессіи... Въ такомъ случаѣ, нагlostь и шарлатанство его могутъ равняться только его бездарности. Едва-ли христіанское ученіе когда-либо имѣло столь недостойнаго во всѣхъ отношеніяхъ поборника.

Отъ г. Рабиновича въ г. Гету, переходъ нѣсколько рѣзокъ; но, какъ

мы уже выше замѣтили, сопоставленіе крайностей имѣетъ свою полезную сторону. А потому послушаемъ теперь какъ г. Гецъ рѣшаетъ вопросъ: что такое еврейство. Вопросъ, который берется рѣшить г. Гецъ, формулируется имъ слѣдующимъ образомъ: «Что такое еврейство? Каково его значеніе и къ чему послѣднее обязываетъ еврея?» (стр. 1). Этотъ сложный вопросъ, очевидно, распадается на три отдѣльных вопроса, и совершенно этому цѣль автора также тройкая: 1) опредѣлить, что такое «національность» вообще и доказать, что еврейство подходитъ подъ это опредѣленіе и что оно, слѣдовательно, есть нація; 2) доказать, что всякая нація необходимо имѣетъ какую нибудь «культурную миссію» и что еврейство также имѣетъ свою «миссію»; 3) опредѣлить, въ чемъ состоитъ эта еврейская «миссія», съ которою долженъ сообразоваться всякій еврей.

Методъ, употребляемый г. Гецомъ для рѣшенія перваго изъ этихъ вопросовъ, весьма оригиналенъ. Онъ напоминаетъ ребенка, который, на вопросъ: кого онъ больше любитъ: папу или маму, — отвѣчаетъ: обоихъ больше. Столько же глубокомыслія проявилъ г. Гецъ въ своемъ отвѣтѣ на вопросъ о національности вообще и еврейской въ особенности. Вопросъ идетъ о томъ, что именно составляетъ *существенную* черту, существенный признакъ національности: территория, общее происхожденіе, языкъ, религія, общія историческія условія? Если вы признаете существеннымъ и необходимымъ признакомъ одинъ какой-либо изъ этихъ элементовъ, то остальные тѣмъ самымъ признаются несущественными и не необходимыми, т. е. данная группа людей можетъ называться націею, и не имѣя этихъ несущественныхъ признаковъ. Такъ, если наприимѣръ общность территоріи и политическую самостоятельность признать существеннымъ признакомъ національности, то евреи, конечно, не составляютъ теперь націи; если же этотъ признакъ признать несущественнымъ, а существеннымъ признать, положимъ, общность религіи, то евреи могутъ быть названы націею. На этотъ вопросъ о *существованіи* національности разные мыслители отвѣчаютъ весьма различно, признавая существеннымъ признакомъ національности тотъ или другой изъ этихъ факторовъ *. И вотъ приходитъ г. Гецъ

* О степени знакомства г. Геца съ мнѣніями различныхъ мыслителей по вопросу о національности можно судить по слѣдующему его выраженію: «Точно также трудно согласиться съ Ренаномъ и Ладарусомъ, которые считаютъ *волю* челоуѣка — принадлежать къ той или другой націи — главнымъ условіемъ и источникомъ національности» (стр. 3). Но въдъ Ренанъ въ своей книжкѣ «Qu'est-ce qu'une Nation?» настаиваетъ на томъ, что національное чувство есть продуктъ

и, принимая на себя глубокомысленный видъ, рѣшаетъ вопросъ коротко и ясно: всѣ эти факторы вмѣстѣ суть существенные признаки національности. Не вѣрите? Вотъ вамъ опредѣленіе г. Геца: «Національность есть физиолого-психическое, умственно-нравственное *dostojanie* (достояніе чье?), вытекающее изъ общности происхожденія и историческаго прошлаго, отличающее данную группу людей отъ другихъ, имъ подобныхъ, и способствующее имъ быть носителями извѣстной культурной миссіи» (стр. 7). Чего-чего не влѣзетъ въ это опредѣленіе! И «общность происхожденія», и общее историческое прошлое, и физиологическія особенности, и психическія, и умственные, и нравственные (слѣдовательно и религія, и языкъ)! Спрашивается, больше ли въ этомъ отвѣтѣ логики, чѣмъ въ вышеупомянутомъ отвѣтѣ глупаго ребенка? Самъ г. Гецъ предварительно ссылается на различныя опредѣленія національности (стр. 2—7) и не соглашается ни съ однимъ изъ нихъ. А между тѣмъ, его собственное опредѣленіе есть ничто иное, какъ *соединеніе* почти всѣхъ этихъ различныхъ опредѣленій, чтò въ настоящемъ случаѣ нелѣзно, ибо одно опредѣленіе исключаетъ другое: если одинъ признакъ существенъ, то другой несущественъ. Да и признаніе существенными нѣкоторыхъ изъ этихъ признаковъ *фактически* несправедливо: религія, напримѣръ, не можетъ быть существеннымъ признакомъ національности, ибо вотъ же нѣмцы—безспорно нація—и не имѣютъ единства религіи, такъ какъ есть нѣмцы—протестанты и нѣмцы—католики. Кромѣ всего этого, «опредѣленіе» г. Геца вообще ничего не выражаетъ, такъ какъ оно само—нѣчто крайне неопредѣленное, неясное и безконечно эластичное: такое опредѣленіе можно было бы примѣнить не только къ различію національностей, но и къ отличію обезьяны отъ человѣка. Вѣдь и у обезьяны другія физиологическія, психическія, умственные и нравственные особенности, чѣмъ у людей, да и происхожденіе ея и историческое прошлое не тѣ же, что у людей (хотя послѣдній пунктъ и оспаривается Дарвиномъ)...

Послѣ такого нелѣпаго «опредѣленія», опредѣляющаго, однако, неоспоримо хаотическое состояніе ума г. Геца, осталось бы только отбросить въ сторону его книжку и пожалѣть о потерянномъ времени, употребленномъ

общаго прошлаго, общихъ историческихъ условій, въ которыхъ жилъ данный народъ, т. е. *необходимо* вытекаетъ изъ хода событій и отнюдь не обуславливается личною волею человѣка. Г. Гецъ, очевидно и въ глаза не выдавъ книги Ренана.

на ея чтеніе. Но разъ мы прочли ее, то, въ виду ея претенціозности, остановимся же на ней нѣсколько подробно.

Г. Гецъ, какъ разумѣется само собою, создалъ вышеприведенное «опредѣленіе» національности не на иную какую потребу, какъ для примѣненія онаго къ еврейству. Еврейство, слѣдовательно, есть «физиолого-психическое, умственно-нравственное» и т. д., какъ значитса въ вышеприведенномъ опредѣленіи. Но вы, конечно, замѣтили, что въ концѣ этого опредѣленія говорится еще о какой-то «культурной миссіи», присущей всякой національности и также, конечно, еврейской. И вотъ г. Гецъ весь свой разумъ положилъ, всѣ силы напрягъ, чтобы доказать существованіе культурной миссіи — и доказалъ, что... все это еще требуется доказать.

Каждая нація, по мнѣнію г. Геца, имѣетъ не только извѣстные признаки, но и извѣстную культурную миссію, извѣстное назначеніе. Еслибы г. Гецъ сказалъ, что Господь Богъ предопредѣлилъ каждому народу выполненіе извѣстной миссіи, ну, положимъ, распространеніе извѣстной идеи, мы бы съ нимъ, можетъ быть, не согласились, но мы бы его совершенно ясно поняли. Но онъ самъ отъ такого провиденціального опредѣленія «миссіи» отказывается. «Культурную миссію,—говоритъ онъ,—отнюдь не слѣдуетъ понимать въ мистическомъ смыслѣ, въ смыслѣ предназначенія верховнаго промысла-фатума, что можетъ быть дѣломъ вѣрованія, но никакъ не дѣломъ науки (ахъ, вольнодумецъ!), а въ рациональномъ смыслѣ, въ видѣ причинной связи» (стр. 5). Въ чемъ же этотъ рациональный смыслъ? Г. Гецъ не умѣетъ объяснить его прямо и прибѣгаетъ къ сравненію. «Точно, также говоритъ онъ, какъ мы говоримъ о ребенкѣ, у котораго мы съ раннихъ лѣтъ замѣчаемъ хорошей музыкальный слухъ или особенное влеченіе къ музыкѣ, что его назначеніе сдѣлаться музыкантомъ, ибо въ музыкѣ у него оказываются уже извѣстные задатки, обезпечивающіе за нимъ извѣстный успѣхъ; также точно мы говоримъ и о народѣ, отличающемся извѣстными способностями, силами и наклонностями, что его назначеніе, миссія и задача такая-то» (тамъ-же). Миссія еврейства, какъ пытается г. Гецъ доказывать въ послѣдней главѣ своей книжки, состоитъ во всемъ, что угодно: въ утвержденіи чистаго монотеизма, въ водвореніи справедливости и счастья на землѣ, вообще въ обновленіи человѣчества (см. стр. 47—57). Во всемъ этомъ кромѣ жалкой казуистики ничего нѣтъ. Начать съ того, что нельзя говорить о «способностяхъ» націи съ такою же увѣренностью, какъ о способностяхъ индивидуума: въ индивидуумѣ можетъ преобладать одна какая либо способность, въ націи же,

какъ агрегатъ индивидуумовъ, существуетъ сумма различныхъ и противоположныхъ способностей, наклонностей и стремлений, которыя болѣе или менѣе взаимно уравниваются. Но даже допуская сравненіе г. Геца, мы находимъ въ ней передержку. Если человѣкъ обнаруживаетъ способность къ музыкѣ, то мы не говоримъ (разъ мы отрѣшились отъ провиденціальной точки зрѣнія), что этотъ человѣкъ имѣетъ *назначеніе* или *миссію* сдѣлаться музыкантомъ. Мы только рѣшаемъ, что въ виду его *наклонности* къ музыкѣ цѣлесообразнѣе всего готовить его въ музыканты. Это—когда мы говоримъ о *врожденныхъ наклонностяхъ*. Иное дѣло—когда мы говоримъ о *характерѣ* человѣка, который въ цѣломъ не можетъ быть врожденъ, но зависитъ главнымъ образомъ отъ обстоятельствъ. Когда мы видимъ, напримѣръ, умнаго, справедливаго, вообще добраго права человѣка, мы не говоримъ, что его *назначеніе* было сдѣлаться добрымъ, что онъ имѣетъ *миссію* быть добраго характера. Мы все это объясняемъ сложными причинами, извѣстными и неизвѣстными намъ. Тѣмъ менѣе можемъ мы говорить о «миссіи» человѣка на основаніи *идей*, представителемъ коихъ онъ является. Нелѣпо, напримѣръ, утверждать, что назначеніе Робеспьера было поддерживать идею революціи, а Меттерниха—пропагандировать идею реакціи. Можно сказать, что обстоятельства такъ сложились, а сложись они иначе, все это было бы не такъ. Точно также съ націями. Г. Гець говоритъ, что каждая нація имѣетъ опредѣленную «культурную миссію». Можно ли утверждать, что «миссія», положимъ, Франціи состоитъ въ распространеніи идеи равенства и революціонной свободы, а миссія Китая—въ распространеніи идеи рабства и застоя? Это было бы очень глупо. Франція въ XVII вѣкѣ была представительницею идеи грубаго абсолютизма, а Китай въ древнія времена былъ жилищемъ свободы. И на будущее время мы не можемъ *точно* опредѣлить развитіе идей въ обѣихъ этихъ націяхъ. Г. Гець не понимаетъ, что на основаніи идей, которыхъ носителями являются въ ту или другую эпоху тѣ или другіе люди, нельзя полагать постоянную миссію въ этихъ людяхъ, въ этихъ носителяхъ, ибо одна и та же группа людей можетъ въ различныя эпохи быть представительницею совершенно различныхъ и даже противоположныхъ идей. Держась своей тесрин, г. Гець долженъ былъ бы признать такой, напримѣръ, абсурдъ, что Франція имѣла двѣ противоположныя миссіи: въ XVII в. абсолютизмъ, въ XIX—свободу. То же приѣмливо и къ еврейству. Можно констатировать *фактъ*, что еврейство сдѣлало и теперь дѣлаетъ то-то и то-то для общечеловѣческой ци-

визации, но нельзя утверждать, что оно имѣетъ назначеніе, миссію это дѣлать, и что въ этомъ ея главный *raison d'être*, какъ нація. — Если прибавите къ этому спутанное представленіе г. Геца о миссіи еврейства (о которой онъ самъ говоритъ, что «цѣлается лишь робко догадываться» о ней, стр. 47), подъ которой онъ вообще разумѣетъ распространеніе всяческихъ благъ духовныхъ, то его жалкая логика еще больше вамъ выяснится. Вѣдь на такую миссію могутъ претендовать и претендуютъ всевозможныя націи и религіи: христіанство, исламъ, Англія, Франція, Германія съ ея «культуртрегерствомъ» и др. Причина всего этого казуистическаго тумана, напущеннаго г. Гецомъ, заключается въ томъ, что онъ смѣшалъ два разнородныхъ понятія: „еврейство“ (т. е. *народъ еврейскій*) съ *иудаизмомъ* и «миссію» съ *будущностью* или *правомъ на существованіе*. «Еврейство имѣетъ миссію» — положеніе темное, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія науки; «иудаизмъ имѣетъ право на существованіе, какъ ученіе разумное въ существѣ своемъ и могущее принести еще не мало пользы человечеству» — это положеніе неоспоримое, основанное на фактахъ и могущее быть доказаннымъ. Если, напримѣръ, евреи говорятъ: «Отрекитесь отъ своего религіознаго ученія, ибо оно отжило, и слейтесь религіозно съ окружающими народами» — евреи могутъ отвѣчать, что они имѣютъ столь же мало основанія отречься отъ своей религіи, какъ другіе народы — отъ своей. Лучшіе представители еврейства могутъ доказать, что въ иудаизмѣ чистомъ, освобожденномъ отъ средневѣковыхъ наслоеній, столько разумности и живой правды, столько великихъ религіозныхъ и нравственныхъ истинъ, что онъ смѣло можетъ выдержать сравненіе съ другими мировыми религіями. Если въ физической борьбѣ за существованіе между людьми побѣду одерживаетъ наиболѣе сильный, то въ борьбѣ за существованіе между идеями также можетъ устоять наиболѣе сильная идея, т. е. та, въ которой сосредоточено наибольшее количество истинны и разумности. Такую устойчивость всегда проявлялъ и будетъ проявлять чистый иудаизмъ. — Въ такомъ именно смыслѣ мы понимаемъ будущность иудаизма, съ которою будущность евреевъ связана только съ духовной стороны; но первую отнюдь не слѣдуетъ отождествить съ послѣднею. Еврейскій народъ имѣетъ *raison d'être* не потому что, его имѣетъ иудаизмъ, а потому, что право на существованіе естественно должна имѣть каждая исторически сложившаяся группа, которая не преслѣдуетъ вредныхъ и незаконныхъ цѣлей. Безсмысленно и жестоко было бы отказать евреямъ, какъ *народу*, въ правѣ на существованіе на томъ только основаніи, что

тотъ или другой, власть имущій, считаетъ ихъ религіозное ученіе несостоятельнымъ. Такъ поступилъ Торквемада—и осужденъ исторією. Съ точки зрѣнія г. Геца, связывающаго судьбу евреевъ исключительно съ судьбою іуданзма, Торквемада принципиально былъ бы правъ: вѣдь онъ не вѣрилъ въ еврейскую «миссію», дающую, по Гецу, еврейству *raison d'être*,—ну, значить, и имѣлъ полное нравственное право, съ своей точки зрѣнія, гнать и истреблять ихъ. *Les beaux esprits se rencontrent...*

Послѣ изобличенія ложности *основныхъ* доводовъ г. Геца, (къ которому мы отнеслись гораздо болѣе серьезно, чѣмъ его произведеніице того заслуживаетъ, сдѣлавъ это только потому, что онъ дерзнулъ затронуть предметы слишкомъ серьезные и, очевидно, ему непосильные), намъ, конечно, нечего подробно останавливаться на остальныхъ его разсужденіяхъ. Укажемъ только вкратцѣ на содержаніе второй и третьей главъ разбираемой книжки, которая рѣшительно никакой связи съ основною темою книжки не имѣютъ. Во второй главѣ г. Гець, въ пылу мракобѣснаго фанатизма, возстаетъ противъ западно-европейскихъ эмансипированныхъ евреевъ, называющихъ себя официально французскими или итальянскими гражданами «Моисева закона», чѣмъ они будто бы выражаютъ отреченіе отъ своей «національности», указывая только на религіозное отличіе. А между тѣмъ во многихъ мѣстахъ своей книжки (стр. 17, 26, 43 и др.) самъ г. Гець утверждаетъ, что *гражданское слияніе* евреевъ съ окружающими націями необходимо. Какъ согласить эти два предложенія? Если евреи должны признать себя гражданами и членами той націи, среди которой они живутъ, то конечно единственнымъ признакомъ, отличающимъ ихъ отъ другихъ гражданъ, остается религія, Моисеевъ законъ, и они вполнѣ ясно выражаютъ это свое положеніе, называя себя «гражданами такой-то страны Моисева закона». Всякое другое выраженіе было бы ложью, или противорѣчило бы понятію о еврейской гражданственности въ той или другой странѣ... Въ третьей главѣ, г. Гець ни къ селу, ни къ городу повторяетъ избитыя фразы о преслѣдованіяхъ евреевъ въ средніе вѣка, приводитъ длинный рядъ цифръ о числѣ евреевъ, убитыхъ во время «ужасовъ черной смерти», въ концѣ XIV вѣка; сюда же приплетаются газетныя разъясненія о современномъ антисемитизмѣ; но тутъ же на ходу расточаются комплименты русскому народу, его добродушію, его «быстрой воспримчивости, чуткой отзывчивости, самоотверженной храбрости» (стр. 41). Мы не даромъ выше говорили о двуличности г. Геца; она обнаруживается не въ одномъ только этомъ мѣстѣ.

Въ разбираемыхъ главахъ находимъ мы не мало истинныхъ перловъ, не только въ идейномъ, но и въ стилистическомъ отношеніяхъ. «Истый еврей—говорить г. Гець (который изъ кожи лѣзетъ, чтобы доказать, что онъ есть «истый еврей») — всегда косо смотритъ на тѣхъ своихъ собратьевъ, которые совершенно пренебрегаютъ еврейской (sic) религиозно-обрядовыми формами» (стр. 29). Или: «Что это за безумное заблужденіе или возмутительная дерзость *предлагать намъ низкую измѣну нашего народа* (?!), какъ его единственное спасеніе!» (стр. 30). Ахъ г. Гець, вѣдь можно быть патетическимъ, но вѣстѣ съ тѣмъ грамотнымъ; паеосъ не освобождаетъ отъ обязанности знать грамматику.

Милѣе всего «заключеніе», къ которому приходитъ г. Гець. Это «заключеніе» долженствуетъ выразить *цѣль* еврейства, «Оно (еврейство) должно всѣми силами всесторонне изучать, изслѣдовать, распространять и дѣлать общедоступными великія сокровища ученія іудаизма и, главное, проникнуться духомъ нашей религіи и *устроить на ея началахъ всю нашу жизнь*, воспитывать въ ея духъ и сообразно съ ея предписаніями наше потомство, словомъ, *mutatis mutandis, идти по той же дорогѣ, по которой шли предки, пользоваться тѣми же испытанными приемами въ борьбѣ за національное существованіе, которыми пользовались и они*» (стр. 58). Итакъ, еврейскій народъ долженъ отрѣшиться отъ всѣхъ мірскихъ заботъ и взяться за „изученіе (не въ іешиботахъ ли?) изслѣдованіе и распространеніе (гдѣ?) іудаизма“. Евреи также должны «устроить на началахъ религіи *всю* свою жизнь», т. е. вездѣ неотступно руководиться безчисленными, потерявшими уже всякій смыслъ предписаніями и формальностями, за отступленіе отъ которыхъ «истый еврей косо посматриваетъ» на своего единовѣрца. Наконецъ, г. Гець намъ совѣтуетъ „идти по той же дорогѣ, по которой шли наши предки“ и употреблять ихъ же средства борьбы за свое національное существованіе. Будемъ, значитъ, жить, какъ наши дѣды жили, дѣля свое время между синагогой и ветошнымъ рынкомъ; будемъ бороться противъ враговъ и супостатовъ дѣдовскими же средствами, т. е. пуцею замкнутостью, умноженіемъ «оградительныхъ» обрядовъ, сооруженіемъ безчисленныхъ іешиботовъ и т. под. «испытанными» средствами! О, эти средства уже слишкомъ „испытаны“, г. Гець, и результаты ихъ евреи испытали на своихъ плечахъ! И повѣрьте, тотъ, кто мало-мальски знакомъ съ этимъ ужаснымъ „путемъ“, по которому то вынужденно, то добровольно шли наши несчастные средневѣковые предки;

кто знает, сколько на этомъ пути растеряно имъ великаго, благороднаго, и сколько приобрѣтено унижительнаго, извращеннаго, давящаго насъ до сихъ поръ,—тогъ съ отвращеніемъ отвернется отъ вашего «совѣта», съ отвращеніемъ отброситъ въ сторону вашу книжку, насквозь пропитанную затхлымъ запахомъ средневѣковья и іешиботской лежанки.

Критикусь.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

Въ 1885-мъ году, экземпляры „Восхода“ распредѣлялись слѣ-
дующимъ образомъ по мѣсту подписки:

		экз.			экз.			экз.
1	Херсон. губ.	362	21	Забайкальск.	26	41	Астраханск.	7
2	Екатериносл.	241	22	Иркутская .	21	42	Тобольская .	7
3	Кіевская . .	239	23	Лифляндск .	19	43	Бавинская . .	6
4	Петербургск.	180	24	Томская . . .	19	44	Енисейская . .	6
5	Таврическая.	168	25	Сувальская .	17	45	Новгородск .	5
6	Подольская .	166	26	Смоленская .	16	46	Сѣдлецкая . .	5
7	Московская .	103	27	Тифлисская .	16	47	Сырѣ - Дарь-	
8	Бессарабск. .	99	28	Курляндск. .	15	инская	4	
9	Волынская . .	96	29	Терская . . .	12	48	Оренбургск. .	4
10	Полтавская .	91	30	Люблинская .	11	49	Псковская . .	4
11	Минская . . .	91	31	Самарская . .	11	50	Рязанская . . .	4
12	Ковенская . .	78	32	Воронежск. .	11	51	Нижегородск.	4
13	Виленская . .	78	33	Орловская . .	11	52	Плоцкая	4
14	Гродненская.	72	34	Пермская . . .	11	53	Уфимская . . .	3
15	Могилевская.	58	35	Тамбовская .	11	54	Тулъская . . .	3
16	Витебская . .	57	36	Курская	10	55	Вятская	3
17	Харьковск. . .	51	37	Петроковск .	9	56	Семирѣченск.	3
18	Черниговск. .	48	38	Саратовская.	8	57	Обл. Войска	
19	Варшавск. . .	44	39	Тверская . . .	8	Донского . . .	3	
20	Кубанская . .	27	40	Ломжинская .	7	58	Ставропольск.	3
59	Казанская . .	3	67	Ярославская.	1	75	Акмолинск. . .	1
60	Батумская . .	3	68	Дагестанск .	1	76	Калишская . .	1
61	Владимірск. .	2	69	Калужская .	1	77	Елисаветп. . .	1
62	Якутская . . .	2	70	Ньюландск. .	1	78	Заравш.Овр.	1
63	Радомская . .	2	71	Сибирская . .	1	79	Семипал.обл.	1
64	Пензенская . .	2	72	Приморская .	1	80	Архангельск.	1
65	Костромская.	2	73	Эриванская .	1		За границей.	36
66	Кутаисская . .	1	74	Ферганская .	1		<u>Всего: экз.</u>	<u>2763</u>

С. А. Вейншаль.

Секретарь редакціи.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

I. НА ПУТИ. Романъ. (Окончаніе). С. О. Ярошевскаго	3
II. ПРОРОКИ. Историко-литературный этюдъ <i>Эдуарда Рейсса</i> . (Окончаніе). <i>Бенъ-Ами</i>	64
III. ИЗЪ ЭПОХИ ТАЛМУДИСТОВЪ. Стихотвореніе. С. Варгафтига.	82
IV. РЕЛИГИОЗНЫЯ ПОВѢРІЯ И ПРЕДСТАВЛЕНІЯ ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА ВЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРѢ. М. Метиславскаго.	87
V. ИЗЪ ГАЛИЦІЙСКИХЪ ОЧЕРКОВЪ <i>Натана Самуэли</i> . 1) Два посланца любви. 2) Антисемитъ. Переводъ Петра Вейнберга	103
VI. ПѢСНИ ДНЯ. Сонетъ. Стихотвореніе. М. С. Абрамовича	121
VII. ТЕОЛОГИКО - ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ СПИНОЗЫ. (Окончаніе). А. Волинскаго.	122
VIII. ИЗЪ ДРЕВНИХЪ СКАЗАНІЙ. Стихотвореніе. С. Г. Фруга.	150
IX. БУМАГИ. Очеркъ. С. Р.	152
X. НАДЪ БИБЛІЕЙ. Стихотвореніе. К. Фофанова	158

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ:

XI. ЕВРЕЙСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ. М. К.	1
XII. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: Die Ethik (Tugendlehre) des berühmten jüdischen Philosophen <i>Baruch Spinoza</i> , hebräisch übersetzt nebst ausführlicher Einleitung und erläuternden Noten von <i>D-r S. Rubin</i> . Wien, 1885. К.	10
XIII. СРЕДИ КРАЙНОСТЕЙ. 1) Альтруистическія начала въ этическихъ системахъ іудаизма и христіанства и чаянія обѣихъ религій въ будуще. Двѣ публичныя лекціи, читанныя въ Одессѣ <i>Я. М. Прилукеромъ</i> . Одесса, 1885. 2) Слово г. <i>Иосифа Рабиновича</i> , произнесенное въ субботу 3 августа и въ субботу 5 октября 1885 г. въ молитвенномъ домѣ Вячеслѣмъ (на древне-еврейскомъ языкѣ). Капшневъ, 1885. 3) Что такое еврейство? <i>Ф. Б. Геца</i> . Спб. 1885. Критикуса	19
XIV. МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.	34
XV. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

XVII г. Открыта подписка на 1886 г.

на иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни

„НИВА“

«НИВА» выходитъ еженедѣльно, т.-е. 52 номера въ годъ (болѣе 2000 гравюръ, рисунковъ и чертежей и 2400 столбцовъ текста) съ особыми даровыми ежемѣсячными приложеніемъ

„ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“

(до 500 модныхъ гравюръ и рисунковъ бѣлая, 400 выкроекъ въ натуральную величину, 350 рисунковъ руководящихъ работъ, русскіе узоры, и пр., и проч.).

И МНОГИМИ ДРУГИМИ ПРЕМИАМИ.

Подписка принимается въ СПБ., въ Конторѣ Редаціи, Невскій пр., д. № 6.

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“:

Возь дост. въ С.-Петербур. 4 р.
Съ дост. въ С.-Петербур. 5 р. 50 к.
Возь дост. въ Москвѣ черезъ
Отдѣл. Конт. „Нивы“ у Н.
Печковской 5 р.

Съ дост. въ Москвѣ и др.
гор. и мѣстеч. Имперіи. 6 р.

За границу 8 р.

Привлекая всегда лишь наиболее талантливыхъ писателей, художниковъ и гравировъ, «НИВА», въ продолженіе своего шестнадцатилѣтняго существованія, приобрѣла себѣ симпатіи русской публики и сдѣлалась наиболѣе популярнѣйшимъ журналомъ въ Россіи, а потому, не прибѣгая къ какимъ-либо рекламамъ, мы укажемъ здѣсь только имена писателей, произведенія которыхъ будутъ напечатаны въ «НИВѣ» 1886 года:

И. С. ТУРГЕНЕВЪ (послѣднее, посмертное произведеніе), **Н. Д. Ахшарумовъ**, **А. Валовъ**, **П. П. Гнѣдичъ**, **А. А. Голенищевъ-Еутузовъ**, **В. П. Желиховская**, **Н. Н. Карзининъ**, **Е. Кириловъ**, **А. Я. Максимовъ**, **А. Н. Майковъ**, **Н. Морской**, **В. И. Немировичъ-Данченко**, **Я. П. Полонскій**, **П. Петровъ**, **В. С. Соловьевъ**, **Графъ Салиасъ**, **Е. Е. Случевскій**, **Н. Успенскій**, **М. А. Хитрово** и мн. др. **РИСУНКИ** и **ГРАВЮРЫ** лучшихъ художниковъ и гравировъ. Научныя статьи, въ популярномъ изложеніи наиболее извѣстныхъ авторовъ.

Какъ премію на 1886-й годъ мы дадимъ большую олеографическую картину, печатаную масляными красками, профессора **К. Е. Маковского**:

„Г А Д А Н Ъ Е“

Картина представляетъ слѣдующее: Изъ дверей богатаго болгарскаго дома выходятъ двѣ молодыя дѣвушки въ сопровожденіи своей мамки и просятъ встрѣтившуюся у крыльца цыганку погадать имъ. Выраженіе лица, блескъ яркихъ праздничныхъ костюмовъ того времени, прелесть пейзажа—все это выполнено со свойственнымъ художнику талантомъ.

Оригиналъ картины и копія съ нея будутъ выставлены въ конторѣ Редакціи «НИВЫ». Кошія будутъ выставлены также во всѣхъ губернскихъ о родахъ Россіи.

С.-Петербургъ.

Издатель «Нивы» **А. Ф. МАРЕСЪ**.

THE BORROWER WILL BE CHARGED
THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION
IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO
THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST
DATE STAMPED BELOW.

~~CANCELLED~~

57 JUL 25 1984

JUN 7 '77 H

~~CANCELLED~~
WIDENER
BOOK DUE

NOV 26 1984

6368022

